

Том 11, № 3, 2021

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 11, No. 3, 2021

**GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)**

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;
Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкокс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (КНР)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – M.A. Eskindarov, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, *Doctor of History, Professor, Department of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute of Culture; Chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”;*

A.N. Arinin, *Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;*

A.I. Ilinskij, *Doctor of Engineering, Professor, Scientific Chairman of the Faculty of International Economic Relations, Financial University;*

F.A. Lukyanov, *Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia in Global Affairs”;*

I.Y. Novitsky, *Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of the Department of State and Municipal Administration of the International University in Moscow;*

A.V. Ostrovsky, *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;*

V.V. Fedorov, *Cand. Sci. of Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial University;*

V.G. Fedotova, *Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;*

V.F. Schreider, *Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State Duma Committee on the Federal Structure and Local Government, Corresponding-member of the International Academy of Social Science*

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – A.B. Shatilov, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;

Deputy Editor – A.G. Tjurikov, Doctor of Sociology, Head of Department of Sociology, Financial University;

Deputy Editor – Y.A. Pleis, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial University;

S. Yu. Belokonev, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;*

A.N. Zubets, *Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-economic Research, Financial University;*

V.V. Kaftan, *Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University;*

V.A. Lapshov, *Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department of Sociology at Moscow State Linguistic University;*

D.Z. Muzashvili, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications for research work, Financial University;*

A.V. Pachkalov, *Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University;*

D.V. Petrosyants, *Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;*

M.V. Polevaya, *Head of the Department of Psychology and Human Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;*

S.V. Rastorguev, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University;*

G.G. Sillaste, *Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department of Sociology, Financial University;*

K.V. Simonov, *Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Head of Department of Political Science, Financial University;*

A.A. Troshin, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master’s degree and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty, Financial University*

EDITORIAL COUNCIL

D. Baychun, *Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);*

N.M. Dolgoplov, *Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers’ Organizations (Russia);*

T.M. Calvo Martinez, *Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the International Institute of Philosophy in Paris (Spain);*

R. Krumm, *Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia);*

W. McBride, *Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy at Purdue University, Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (USA);*

I. Mamed-Zadeh, *Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan);*

K. Matsuzato, *Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan);*

A.N. Nysanbaev, *Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director of Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan);*

J.-L. Truel, *Doctor of Economics, Associate Professor at Université Paris-Est Créteil, Managing director of International Business Development, Vice-President of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;*

C. Wilcox, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.;*

Cui Zheng, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Research Centre for the Economies and Politics of Transitional Countries, Liaoning University (China)*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ПОЛИТИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Брызгалова Е.В., Львов С.В., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л.

Участие российских педагогов в политических и гражданских процессах:
основные результаты исследования и рекомендации 6

Шатилов А.Б.

Деятельность органов государственной власти Российской Федерации
по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период 15

Титов В.В.

Ценностные ориентации и социальное самочувствие молодежи
как фактор трансформации национально-государственной идентичности в России 27

Селезнёв П.С., Александров Д.В.

Позиционирование событий Великой Отечественной войны в рамках
государственной политики памяти: проблемы и перспективы 33

Бестаева Е.В.

Русский язык в социолингвистическом пространстве Германии
как объект государственной языковой политики России. 39

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Сперкач А.И.

Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России 47

Ерохина О.В.

Электронное голосование в России: технологический и политический аспекты 55

Безруков А.Э., Иванов К.А., Чимирус Е.С.

Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов 62

Хейрандиш М.С., Джоландан Н.Ш., Хосейни А.

Этикет и задачи переводчиков, работающих в политико-дипломатической сфере 71

Просеков С.А.

Политическая и социально-экономическая модернизация современного Китая:
динамика идейно-мировоззренческих акцентов 76

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Галас М.Л.

Государственно-политические меры Российской Федерации по достижению целей
устойчивого развития в период борьбы с COVID-19 с учетом повышения качества жизни населения 82

Осинина Д.Д.

Формирование суверенных властных систем в «молодых» центральноазиатских республиках
в период 1991–2000 годов 89

Рязанцева М.В., Субочева А.О., Якушова Е.С.

О формировании ценностей ЗОЖ студентов в постковидный период 93

Шорохов В.Е.

Политические механизмы формирования антикоррупционного сознания
государственных и муниципальных служащих 99

Пятибратов И.С.

Разработка модели анализа санкций как фактора политического риска 105

Водопетов С.А.

Влияние миграционных процессов на организацию и проведение выборов
в Государственную Думу РФ VIII созыва 110

Проскура М.А., Торгунакова А.В.

Мотивация молодых специалистов к поступлению на государственную гражданскую службу 115

Кармова М.Р., Федосеева Т.В.

Специфика интегрированного предметно-языкового обучения (CLIL): социально-философский анализ 122

Захцер Е.М.

Презентация как форма реализации взаимного обучения в виртуальное время 128

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Бочкаев А.Р.

Воздействие на сознание индивидов в контексте этнокультурной идентичности. 134

Лехмус Е.С.

Волонтерская мотивация у поколения Z 138

Князян С.К.

Культурное взаимодействие в истории взаимоотношений Армении и России:
предпосылки и исторические примеры. 141

CONTENTS

COVER STORY: POLITICS AND IDENTITY

- Bryzgalina E.V., Lvov S.V., Tyukov N.A., Shapovalov V.L.**
Participation of Russian Teachers in Political and Civil Processes:
Main Research Results and Recommendations. 6
- Shatilov A.B.**
Activities of the State Authorities of the Russian Federation on the Formation
of Historical Representations of Student Youth in the Post-Soviet Period. 15
- Titov V.V.**
Value Guidelines and Social Well-Being of Young People as a Factor
in the Transformation of National-State Identity in Russia 27
- Seleznev P.S., Alexandrov D.V.**
Positioning the Events of the Great Patriotic War in the Framework
of the State Policy of Memory: Problems and Prospects. 33
- Bestaeva E.V.**
Russian Language in German Socio-Linguistic Space as an Object
of Russian Language State Policy. 39

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

- Sperkach A.I.**
Civilisational Foundations of Inter-Elite Interaction in Modern Russia 47
- Erokhina O.V.**
Prospects of Electronic Voting in Russia: Technological and Political Aspects 55
- Bezrukov A.E., Ivanov K.A., Chimiris E.S.**
Integration Processes in Central Asia: The Clash of Interests of External Factors 62
- Kheyrandish M.S., Djolandan N. Sh., Hosseini A.**
Etiquette and Tasks of Translators Working in the Political and Diplomatic Field 71
- Prosekov S.A.**
Political and Socio-Economic Modernization of Modern China:
The Dynamics of Ideological and Worldview Accents 76

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Galas M.L.**
State and Political Measures of the Russian Federation to Achieve
the Sustainable Development Goals during the Fight against COVID-19,
with the Account of Improving the Quality of Life of the Population. 82
- Osinina D.D.**
Formation of Sovereign Power Systems in the "Young" Central Asian Republics
in the Period 1991–2000. 89
- Ryazantseva M.V., Subocheva A.O., Yakushova E.S.**
Students' Healthy Lifestyle Values Shaping in the Post-Covid Period. 93
- Shorokhov V.E.**
Political Mechanisms for the Formation of Anti-Corruption Consciousness
of State and Municipal Employees 99
- Pyatibratov I.S.**
Development of a Model for Analysing Sanctions as a Political Risk Factor. 105
- Vodopetov S.A.**
The Impact of Migration Processes on the Organisation and Conduct
of Elections to the State Duma of the Russian Federation of the VIII Convocation 110
- Proskura M.A., Torgunakova A.V.**
The Motivation of Young Professionals to Enter the Civil Service. 115
- Karmova M.R., Fedoseeva T.V.**
The Specifics of Integrated Subject-Language Learning (CLIL):
A Socio-Philosophical Analysis 122
- Zakhtser E.M.**
Presentation as a Form of Realizing Mutual Learning in Virtual Time 128

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Bochkaev A.R.**
Impact on the Individual Consciousness of in the Context of Ethnocultural Identity . . . 134
- Lehmus E.S.**
Generation Z Volunteer Motivation. 138
- Knyazyan S.K.**
Cultural Interaction in the History of Relations
between Armenia and Russia: Preconditions and Historical Examples 141

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 11, № 3 (51), 2021

Главный редактор –
А.Б. Шатиллов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютин
Корректор – **С.Ф. Михайлова**
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 553-10-74**
(вн. 10-88)
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 553-10-73**
(вн. 10-85)
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 22.06.2021
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 16,74 усл. п. л.
Заказ № 590
Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreader – **S.F. Mihaylova**
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 553-10-74**
(internal 10-88)
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 553-10-73**
(internal 10-85)
e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 22.06.2021
Format 60 x 84 1/8.
Size 16,74 printer sheets.
Order № 590
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-6-14
УДК 32(045)

Участие российских педагогов в политических и гражданских процессах: основные результаты исследования и рекомендации*

Е.В. Брызгалина^а, С.В. Львов^б, Н.А. Тюков^с, В.Л. Шаповалов^д

^а МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

^б Всероссийский центр изучения общественного мнения; Финансовый университет, Москва, Россия;

^с Центр общественно-политических проектов и коммуникаций, МПГУ, Москва, Россия;

^д МПГУ, МГИМО МИД России, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-6371-732X>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0482-099X>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>; ^д <https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>

АННОТАЦИЯ

В статье приведены результаты исследования участия российских педагогов в политических и гражданских процессах. При использовании методов фокус-групп и глубинных интервью были выявлены позиции действующих учителей и административного персонала общеобразовательных школ, расположенных в разных федеральных округах – в административных центрах и населенных пунктах с различной численностью населения. Также было проведено исследование активности учителей в социальных медиа по базе из 200 релевантных теме работы аккаунтов, сформированной методом сплошной выборки исследовательских случаев с учетом выбора «средних регионов России по совокупности показателей» и квотирования по месту проживания и работы учителей. Выявленный в исследовании актуальный низкий уровень активности учителей в публичном пространстве может быть частично скорректирован мерами по снижению загруженности рабочими обязанностями с целью формирования свободного времени, мотивации педагогов к публичному позиционированию и направленному влиянию на целевые аудитории.

Ключевые слова: педагогическое сообщество; общественные процессы; гражданско-политические процессы; избирательный процесс; политическое участие; политический активизм; политические партии; социальные медиа

Для цитирования: Брызгалина Е.В., Львов С.В., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л. Участие российских педагогов в политических и гражданских процессах: основные результаты исследования и рекомендации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-6-14

ORIGINAL PAPER

Participation of Russian Teachers in Political and Civil Processes: Main Research Results and Recommendations**

E.V. Bryzgalina^а, S.V. Lvov^б, N.A. Tyukov^с, V.L. Shapovalov^д

^а Moscow State University, Moscow, Russia;

^б All-Russian Centre for the Study of Public Opinion; Financial University, Moscow, Russia;

^с Centre for Socio-Political Projects and Communications, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia;

^д Moscow State Pedagogical University, MGIMO University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-6371-732X>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0482-099X>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>; ^д <https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>

* Статья подготовлена в рамках совместного гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20–011–31630 «Педагогическое сообщество: механизмы и мотивация участия социально значимой профессиональной группы в педагогических и гражданских процессах».

** The article was prepared within the framework of the joint grant of the RFBR and the ANO EISI No. 20–011–31630 “Pedagogical community: mechanisms and motivation for the participation of a socially significant professional group in pedagogical and civil processes”.

ABSTRACT

The article presents the results of a study of the participation of Russian teachers in political and civil processes. Using the methods of focus groups and in-depth interviews, the positions of current teachers and administrative staff of secondary schools located in different federal districts – in administrative centres and localities with different populations – were identified. There was also a study of the activity of teachers in social media. The study was conducted on a database of 200 accounts relevant to the topic of work, formed by the method of a continuous sample of research cases, taking into account the choice of “average regions of Russia according to a set of indicators” and quotas for the place of residence and work of teachers. The actual low level of teachers’ activity in the public space, revealed in the study, can be partially corrected by measures to reduce workload with work responsibilities in order to form free time, the formation of professional skills, and the formation of professional skills.

Keywords: pedagogical community; social processes; civil-political processes; electoral process; political participation; political activism; political parties; social media

For citation: Bryzgalina E.V., Lvov S.V., Tyukov N.A., Shapovalov V.L. Participation of Russian teachers in political and civil processes: Main research results and recommendations. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):6-14. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-6-14

Педагоги в России являются массовой социально-профессиональной группой, которая осуществляет в рамках своей профессиональной деятельности формирование системы ценностных ориентаций детей и молодежи, организует и обеспечивает их вовлечение в общественно-значимые активности. Исследование ценностных мотиваций педагога, выступающего субъектом, непосредственно транслирующим смыслы целевым группам учащихся и родителей, важно для понимания нынешнего состояния и прогнозирования политической и гражданской включенности больших групп населения.

В рамках исследования «Педагогическое сообщество. Механизмы и мотивация участия социально-значимой профессиональной группы в политических и гражданских процессах», проведенного при грантовой поддержке РФФИ (грант РФФИ 20–011–31630 опн), при использовании методов фокус-групп и глубинных интервью, были выявлены позиции действующих учителей и административного персонала общеобразовательных школ, расположенных в разных федеральных округах, – в административных центрах и населенных пунктах с различной численностью населения в Свердловской области, Ставропольском крае, Томской области (табл. 1).

Отметим, что констатация невозможности этической и политической нейтральности образовательного процесса на уровне концептуального осмысления образования сочетается с распространенностью стратегии «осторожного избегания» учителями явной демонстрации ценностных ориентаций в гражданских и поли-

тических практиках, в том числе в публичном цифровом пространстве [1].

Исследование показало, что поле маркеров, позволяющих прогнозировать синхронные/асинхронные модели гражданского и политического участия учителей как социально-профессиональной группы, включает указание на сильную/слабую, а также внутреннюю (добровольную)/внешнюю (принудительную) мотивацию к участию.

Анализ участия педагогов в общественных (неполитических) процессах показал, что учителя демонстрируют высокий уровень внутренней мотивации всех форм деятельности по обучению и воспитанию школьников и коммуникации с родителями, обусловленной выполнением профессиональных обязанностей. Учителя являются инициаторами, организаторами и участниками разнообразных форм внеклассной активности, в которой внутренняя мотивация совпадает с внешней (в Томской и Свердловской областях учителя рассматривают участие в общественной работе как обязанность, напрямую связанную с принадлежностью к профессии, преобладает внешняя мотивация у учителей Ставропольского края). Исследование выявило, что уровень участия педагогов в общественной деятельности вне должностных рамок низкий (наиболее высокий – в Томской области при внутренней мотивации) и напрямую зависит от производственной перегруженности педагогов (учителя Ставропольского края при высокой эмоциональной вовлеченности характеризовали загруженность как непосильную) и отсутствия свободного времени, вызванных

География исследования, «Педагогическое сообщество. Механизмы и мотивация участия социально-значимой профессиональной группы в политических и гражданских процессах» / Geography of research, “Pedagogical Community. Mechanisms and motivation for the participation of a socially significant professional group in political and civil processes”

Группы населенных пунктов	Свердловская область	Ставропольский край	Томская область
Административные центры	г. Екатеринбург	г. Ставрополь	г. Томск
Города с численностью населения от 100 до 500 тыс. чел.	—	г. Кисловодск г. Пятигорск	—
Города с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел.	г. Верхняя Пышма г. Серов	г. Михайловск	—
Города с численностью населения от 10 до 50 тыс. чел.	—	—	г. Асино г. Колпашево г. Стрежевой
Села с численностью населения менее 10 тыс. чел.	—	—	с. Кожевниково с. Курлек с. Нелюбино с. Рассвет

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

возложением на себя дополнительных объемов рабочей нагрузки ради повышения уровня оплаты труда и внешними административными требованиями по отчетности.

Поскольку основным препятствием к участию в общественной деятельности респонденты всех регионов назвали отсутствие свободного времени, необходимы меры, направленные на появление возможностей для учителей не принимать на себя дополнительную производственную нагрузку, снизить уровень морального и физического переутомления. Такими мерами могли бы стать решения по повышению оплаты труда и рационализации отчетности. Исследование показало, что школьные учителя, имеющие возможность не принимать на себя дополнительную производственную нагрузку, гораздо реже остальных своих коллег страдают от морального и физического переутомления, более успешно справляются с проблемами в работе, активнее включаются в общественную жизнь школы и чаще ведут общественную работу.

Исследование участия педагогов в гражданско-политических процессах пока-

зало, что для учителей всех регионов важно знакомство с информационной политической повесткой для выполнения должностных обязанностей, несмотря на то, что часть респондентов заявляла о слабом личном интересе к политике (в Свердловской и Томской областях — чаще, чем в Ставропольском крае). Потенциал личного участия в различных формах политической активности среди участников исследования низкий. Учителя маркировали как приемлемые для себя варианты участия в политическом процессе официальные выборные практики, обусловленные, скорее, внутренней мотивацией, связанной со следованием семейной гражданской традиции (для всех регионов), потребностью выразить протест (мотив наиболее характерен для Томской области и Ставропольского края и менее популярен в Свердловской области) желанием политических перемен (этот мотив актуален в основном для оппозиционно настроенных респондентов, чаще — из Томской области), исполнением профессионального долга (мотив наиболее характерен для респондентов из Ставропольского края). В работе в качестве

членов участковых избирательных комиссий (в Томской и Свердловской областях) принимает участие небольшая часть респондентов при внутренней мотивации (как формат дополнительной подработки, способ расширения кругозора и выработки личного мнения о том, как проходят выборы). В Ставропольском крае, в отличие от других регионов исследования, работа на выборах в качестве членов УИК и наблюдателей для большинства рядовых педагогов оценивается как вынужденная активность и осуществляется под административным давлением по внешней мотивации. Единичные упоминания респондентов всех регионов касались членства в политических партиях, участия в выборах в качестве кандидата или его доверенного лица, депутатской деятельности [2].

Участие в политической жизни вне выборов является для учителей крайне редким. Для них в целом неприемлемы онлайн-активность политического характера и членство в политических партиях. Для расширения форматов социально продуктивного политического участия необходимы меры поддержки проявления учителями гражданско-политической позиции на основании внутренней мотивации.

Отказ от активных форм политического участия не связан с содержательной политической повесткой, а базируется на неверии в эффективность влияния на социально-экономическое положение учителей политическими методами. Можно предположить, что к активному участию в политике педагогов смог бы подвигнуть пример результативного участия, причем без фиксации того, какая именно политическая платформа может быть базой такого результативного участия. Со стороны учителей высок запрос на повышение прозрачности, открытости и доступности, в первую очередь региональной власти (например, проведение целевых прямых встреч с депутатами, чиновниками) с акцентом не на принадлежность к той или иной партии, а на личные качества и результаты деятельности политиков.

Отношение к протестному активизму в политической сфере у педагогов различается в зависимости от региона исследования: в Ставропольском крае оно в целом отрицательное, у респондентов из Томской области — в целом нейтральное, в Свердловской области на ход исследования существенно повлияли протест-

ные акции 23 и 31 января 2021 г.: во время фокус-групповых дискуссий респонденты спонтанно переходили к их обсуждению.

Протестная политическая деятельность рассматривается учителями исследуемых регионов в значительной степени как неприемлемая (низковероятная) при нейтральном отношении к протестному активизму в целом. Эта позиция транслируется учителями при выполнении профессиональных воспитательных обязанностей в актуальной политической ситуации. Это повышает необходимость формирования пула методических рекомендаций по содержательной коммуникации для исключения некорректных педагогических приемов (демонстрация беспомощности, запугивание, понижение статуса собеседника), учитывающей поколенческие социально-психологические особенности и специфику коммуникативных инструментов. Учителя высказались о том, что допускают личное участие в протестных формах активизма только при наличии ряда серьезных условий (существенный повод, невозможность решить проблемы другим путем; мирный и санкционированный формат; лидер, вызывающий доверие). Выявленные в исследовании возможные триггеры участия педагогов в протестной деятельности (связанные с зарплатой — невыплата, сокращение, обесценивание при росте цен; с усилением давления на учителей — увеличение рабочей нагрузки, принижение статуса, в том числе при дистанционном образовании; принуждение к вакцинации) требуют специального внимания к этим параметрам для социально-профессиональной группы учителей в общем комплексе социально-экономических мер в силу высокой социальной значимости их деятельности.

Потенциал лидерства общественного мнения и гражданской активности для учителей выше в малых населенных пунктах, сохраняющих локальную идентичность, чем в крупных городах. Чаще всего школьные учителя могут являться лидерами общественного мнения в небольших населенных пунктах городского типа с численностью до 10 тыс. чел. и в сельских населенных пунктах либо в отдельных районах средних и крупных городов (как правило, бывших поселках, присоединенных к городу, но сохранивших при этом локальную идентичность). В населенных пунктах городского типа с численностью более 10 тыс.

Квотирование по региональному параметру исследования активности учителей в социальных медиа / Quotas based on the regional parameter of the study of teacher activity in social media

Региональные рамки исследования			
Брянская область		Томская область	
Населенный пункт	Численность населения	Населенный пункт	Численность населения
Брянск	34 и.с.	Томск	34 и.с.
Клинцы	33 и.с.	Северск	33 и.с.
Унеча	26 и.с.	Асино	14 и.с.
Липецкая область (Добровский район)			
Доброе	7 и.с.	Каликино	19 и.с.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

жителей известность учителя редко выходит за пределы его ближайшего окружения (членов семьи, друзей, учеников и их родителей) и не достигает общегородского масштаба. На основании этих результатов можно предложить разработку комплекса мер поддержки учителей местными органами власти как лидеров общественного мнения в небольших населенных пунктах либо в отдельных районах средних и крупных городов, а директоров школ — в средних и крупных по численности жителей городах в позиции общегородского лидера общественного мнения. Поскольку в интернет-пространстве российские учителя воспроизводят оффлайн-практики, требуются меры по развитию их коммуникативных навыков общения в онлайн-среде и цифровых компетенций.

Диагностика **самочувствия педагогов как социально-профессиональной группы** показала высокую озабоченность учителей всех регионов по поводу утраты общественного авторитета социально-профессиональной группой учителей. Среди факторов, вызывающих это явление, учителями выделяются: транслирование медиа негативного образа учителя и государственная поддержка неолиберальной модели рыночных отношений (образование — есть услуга). Отсутствие обратной связи со стороны административной вертикали, неразвитость и неэффективность коммуника-

ционных площадок, неэффективная деятельность профсоюзных организаций способствуют выраженному социальному дискомфорту учителей при неготовности к объединению для выражения и отстаивания коллективных интересов. Выявленные в ходе исследования наиболее чувствительные профессиональные проблемы школьных учителей, острота которых, по их мнению, нарастает на фоне негативного опыта взаимодействия с административной вертикалью, требуют решений на государственном уровне (финансирование, меры по укреплению статуса учителя, создание механизмов делегирования эффективных управленцев с низового уровня образовательных организаций в управляющие структуры) и на местном уровне (повышение коммуникативной компетенций учителей).

Исследование продемонстрировало актуальность изменения парадигмы управления системой образования с императивной (директивной) на диспозитивную, основанную на диалоге и сотрудничестве между вышестоящими инстанциями и рядовым учителем. Для преодоления выявленного в исследовании коммуникационного разрыва между учителями и управляющими органами системы образования требуется создание коммуникационных площадок, формирование каналов транслирования мнения учительского состава в органы управления образованием при обязательной

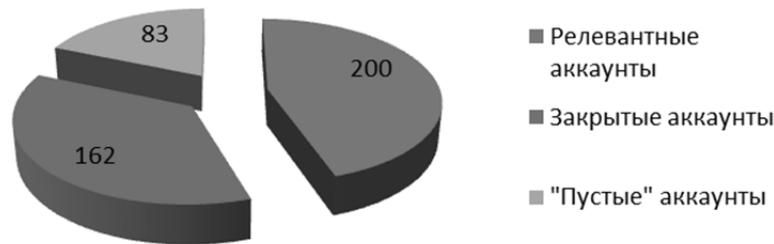

Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение типов аккаунтов / The ratio of account types

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

обратной связи с руководящими инстанциями — департаментами образования и профильным министерством.

Поскольку при столкновении с трудноразрешимой проблемой общепрофессионального характера педагоги не стремятся к объединению усилий и коллективному поиску инструментов ее разрешения и видят только один выход — увольнение, требуется комплекс мер, направленных на преодоление у учителей ощущения беспомощности в решении своих профессиональных и социально-экономических проблем. Поскольку процесс утраты общественного авторитета учителями воспринимается респондентами исследования крайне болезненно, государству необходимо поддержать учителя в его профессиональной миссии, способствовать восстановлению его авторитета в обществе путем соответствующей информационной и законодательной политики.

Исследование активности учителей в социальных медиа проводилось по базе из 200 релевантных теме работы аккаунтов, сформированной методом сплошной выборки исследовательских случаев с учетом выбора «средних регионов России по совокупности показателей» и квотирования по месту проживания и работы учителей, преимущественно по двум субъектам Российской Федерации (Томская и Брянская области) (табл. 2).

При планировании исследователи столкнулись с низкой информативностью релевантных аккаунтов («пустые», «закрытые»). Это свидетельствует, что для более 50% российских учителей, зарегистрированных в социальных сетях, характерно использование социально-медийных платформ сугубо для личного общения либо формальное создание страниц.

Исследование проведено с использованием матрицы, первые три параметра которой по-

зволяют описать социально-демографические черты пользователя, отраженные в профиле, следующие четыре отражают ценностную базу, остальные характеризуют поведение владельца аккаунта.

Учителя при в целом низком уровне активности в публичном пространстве демонстрируют в социальных сетях «замкнутость» в рамках формально-юридических и социально ожидаемых границ профессиональной деятельности, не стремятся к персонализации как компоненту брендинга ценностно смысловой устремленности педагога [3]. В контенте учителей доминирует профессиональная, развлекательная, бытовая тематика при подавляющем формате репоста как безоценочной трансляции чужой позиции. Практики гражданского активизма и политические практики являются исчезающе малой величиной в объеме создаваемого и транслируемого учителями через социальные сети контента и не имеют системного характера, являясь производной от частных интересов владельца аккаунта. Учителя склонны к трансляции политически нейтрального и «общественно-спокойного» содержания, что фиксирует использование социальных сетей в силу внешней мотивации — для профессиональной коммуникации, на основании внутренней мотивации — для личной коммуникации. Причины могут быть связаны как с жестким нормативным регулированием профессиональной сферы, с высокой степенью загруженности рабочими обязанностями при отсутствии свободного времени, так и с отсутствием у педагогов мотивации к публичному позиционированию и направленному влиянию на целевые аудитории.

Тематика контента на личных страницах учителей в социальных сетях демонстрирует фактическое позиционирование учителями

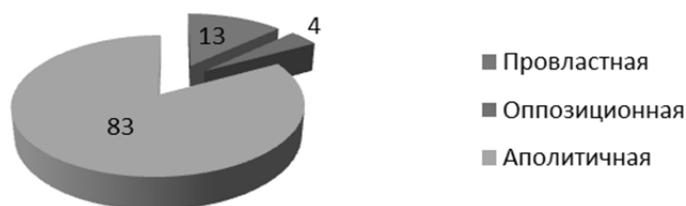

Рис. 2 / Fig. 2. Политическая окраска контента изучаемых профилей / Political colouring of the content of the studied profiles

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

утилитарного набора ценностей в триаде работа-дом-отдых — стратегию убегаания от социально-политической повестки. Узкий спектр основного типа контента при недифференцированности форматов является фактором непривлекательности аккаунтов для ученической аудитории, о чем свидетельствует их низкая активность. Причинами могут быть как сознательное следование стратегии замыкания в рамках формально-юридических и социально ожидаемых границ профессиональной деятельности, так и неумение общаться с молодежными целевыми аудиториями с учетом специфики социальных медиа.

Учителя как представители профессиональной группы практически не выражают и не стремятся к выражению собственных ценностных ориентаций в социально-медийном пространстве. Социальные сети фактически не используются для целенаправленного формирования и трансляции ценностных ориентаций ни на одну из аудиторий, определяемых по обращению или основному посылу контента (ученическая, учительская, родительская и пр.). Примечательно, что подобная ситуация характерна не только для политического ценностного поля, но и для социальных ценностных ориентаций.

На страницах учителей активность в целом невысокая, наибольшую активность демонстрируют не «ученическая», а «иная» и «родительская» аудитории (которую, исходя из механизмов трансляции информации на родителей, можно охарактеризовать как «пограничную» между профессиональными и иными потребителями контента, создаваемого и демонстрируемого учителями).

Согласно результатам кластерного анализа выделены три основных кластера пользователей-педагогов с использованием характери-

стик, применявшихся в работе Е. В. Бродовской и Н. А. Тюкова: «активисты» характеризуются инициативным использованием сетевого пространства в рамках их гражданской или политической активности, «вовлеченные» выполняют функцию «ретранслятора», а «зрители» являются потребителями контента, зачастую не оставляя каких-либо цифровых следов [4, 5].

«Активист» — учитель среднего возраста, проживающий в малом населенном пункте и ведущий активную общественную жизнь. Именно такой педагог является самым активным пользователем социальных сетей, создающим и транслирующим ценностные ориентации. «Вовлеченные» являются пассивными ретрансляторами контента. Этот тип достаточно разнообразен и вариативен (но основное отличие, на наш взгляд, заключается в месте их проживания: средний и большой населенные пункты). «Зритель» — педагог малого населенного пункта, непубличный, моложе 35 лет. Для профессиональных аудиторий «активист» использует преимущественно объяснительный и инструктивный механизм трансляции контента, что логично из-за продолжительного дистанционного формата обучения. Однако для «родительской» и «иной» аудитории используется нарративизация и инструктирование. Для «вовлеченных» нарративизация также — важный инструмент, но если «вовлеченные» больших населенных пунктов используют нарративизацию в 47% случаев, а объяснение в 17%, то для средних населенных пунктов пропорция практически обратная (29 и 47%). Отметим, что зачастую повествованию, если оно ведется вне рамок профессиональной тематики, присуща высокая степень эмоциональности.

Отметим, что, несмотря на низкое значение политически окрашенного контента (рис. 2) в общем объеме транслируемой информации

(учителя демонстрируют стратегию избегания политики в позиционировании, массово маркируют как неприемлемые сценарии онлайн-активности политического характера), материал с провластной повесткой обладает высокой степенью интереса, обсуждения и одобрения аудитории.

Активность учителей на внешних площадках (комментарии, лайки, репосты) в целом низка, а их тематический диапазон узок и ограничивается профессиональной и местной

тематиками. Учителя не имеют сформированного запроса на активное формирование креативной образовательной среды [6]. Требуется разработка и реализация мер по повышению коммуникативной и цифровой грамотности педагогов, направленных на формирование навыков и умений использования дифференцированных форматов коммуникации с разными целевыми аудиториями, учитывающих социально-демографические и психологические особенности целевых аудиторий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Veugelers, W., Vedder, P. Values in teaching. *Teachers and Teaching: Theory and Practice*. 2003;(4):377–389.
2. Тюков Н. А., Шаповалов В. Л. Особенности восприятия политических процессов молодежным сегментом педагогического сообщества. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020;4(18):36–47.
3. Кондрашева Н. Н. Персональный брендинг учителя и педагога-психолога как педагогическая технология. *Казанский педагогический журнал*. 2018;1(126):43–45.
4. Бродовская Е. В., Тюков Н. А. Методология и методика прикладного политического исследования гражданского активизма в социальных медиа современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-i-metodika-prikladnogo-politicheskogo-issledovaniya-grazhdanskogo-aktivizma-v-sotsialnyh-media-sovremennoy-rossii>.
5. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016;(1):283–296.
6. Брызгалина Е. В. Социальный запрос на креативность в процессах и (или) в результатах образования: что именно можно измерять? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020;(58):272–277.

REFERENCES

1. Veugelers W., Vedder P. Values in teaching. *Teachers and Teaching: Theory and Practice*. 2003;(4):377–389.
2. Tyukov N. A., Shapovalov V. L. Features of perception of political processes by the youth segment of the pedagogical community. *Grazhdanin. Vybery. Vlast' = Citizen. Elections. Power*. 2020;4(18):36–47. (In Russ.).
3. Kondrasheva N. N. Personal branding of a teacher and a teacher-psychologist as a pedagogical technology. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2020;(58):272–277. (In Russ.).
4. Brodovskaya E. V., Tyukov N. A. Methodology and methodology of applied political research of civil activism in social media of modern Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-i-metodika-prikladnogo-politicheskogo-issledovaniya-grazhdanskogo-aktivizma-v-sotsialnyh-media-sovremennoy-rossii>. (In Russ.).
5. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Sinyakov A. V. Strategies for using social networks in modern Russia: results of multidimensional scaling. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2016;(1):283–296. (In Russ.).
6. Bryzgalina E. V. Social demand for creativity in the processes and (or) in the results of education: what exactly can be measured? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2016;(1):283–296. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Владимировна Брызгалина — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии образования, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
evbrz@yandex.ru

Степан Васильевич Львов — кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию Всероссийского центра исследования общественного мнения, доцент Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

lvov@wciom.com

Никита Анатольевич Тюков — кандидат исторических наук, исполнительный директор Центра общественно-политических проектов и коммуникаций, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

niktuk@mail.ru

Владимир Леонидович Шаповалов — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

vladshapovalov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Bryzgalina — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Education, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

evbrz@yandex.ru

Stepan V. Lvov — Cand. Sci. (Sociological Sciences), Director for Strategic Development of the All-Russian Center for Public Opinion Research, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia

lvov@wciom.com

Nikita A. Tyukov — Cand. Sci. (History), Executive Director of the Centre for Socio-Political Projects and Communications; Associate Professor, Department of Socio-Political Research and Technology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

niktuk@mail.ru

Vladimir L. Shapovalov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Deputy Director of the Institute of History and Politics of the Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Comparative Political Science, MGIMO University, Moscow, Russia

vladshapovalov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Брызгалина — разработка общей концепции.

С.В. Львов — анализ социологических данных.

Н.А. Тюков — анализ социальных медиа.

В.Л. Шаповалов — теоретико-методологическое обоснование.

Declared authors' contributions:

E.V. Bryzgalina — development of a general concept.

S.V. Lvov — analysis of sociological data.

N.A. Tyukov — social media analysis.

V.L. Shapovalov — theoretical and methodological substantiation.

Статья поступила 07.03.2020; принята к публикации 30.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 07.03.2020; accepted for publication on 30.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-15-26
УДК 32(045)

Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период*

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу динамики российской государственной политики в сфере исторического просвещения студенческой молодежи начиная с 1991 г. Процесс формирования исторических представлений исследуется в контексте смены идеологических акцентов в политике федеральной власти и общемировой политической конъюнктуры. В частности, отмечается, что под влиянием политических и социально-экономических трансформаций исторические приоритеты российской власти прошли путь от радикального либерализма до умеренного патриотизма и «почвенного» консерватизма. Эти тенденции нашли отражение как в профессиональной исторической науке, так и исторической публицистике.

Ключевые слова: история; исторические представления; студенты; молодежь; Российская Федерация; модернизация; фальсификации

Для цитирования: Шатилов А.Б. Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):15-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-15-26

ORIGINAL PAPER

Activities of the State Authorities of the Russian Federation on the Formation of Historical Representations of Student Youth in the Post-Soviet Period**

A.B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the dynamics of the Russian state policy in the field of historical education of students since 1991. The process of forming historical ideas is studied in the context of changing ideological accents in the federal government's policy and the global political situation. In particular, it is noted that under the influence of political and socio-economic transformations, the historical priorities of the Russian government have gone from radical liberalism to moderate patriotism and "soil" conservatism. These trends are reflected in both professional historical science and historical journalism.

Keywords: history; historical representations; students; youth; Russian Federation; modernisation; falsifications

For citation: Shatilov A.B. Activities of the state authorities of the Russian Federation on the formation of historical representations of student youth in the post-soviet period. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):15-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-15-26

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article explores the results of research carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University.

Политическая составляющая привносится в исторические исследования и интерпретации по вполне понятным мотивам.

Во-первых, от исторических трактовок во многом зависит внутривластная и внутриэкономическая конъюнктура в стране, обоснование того или иного политического режима, той или иной модели взаимодействия власти и общества, той или иной государственной символики и пр.

Во-вторых, официальная версия отечественной и зарубежной истории задает определенные геополитические и внешнеполитические приоритеты государства, обозначает его исторических союзников и противников, задает вектор его цивилизационного развития.

В-третьих, транслируемые «сверху» официальные исторические концепции оказывают влияние на процессы самоидентификации граждан, поиск ими своих культурных и национальных корней, политические и социально-экономические запросы общества.

В подтверждение можно привести цитату из послания Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию 2007 г.: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. ... Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, и к каждой странице нашей отечественной истории»¹.

Одновременно история является мощным идеологическим оружием, позволяющим мобилизовать общество на те или иные государственные проекты, сформировать электоральные симпатии и антипатии, оправдать проекты и действия власти.

Первый этап модернизации страны в постсоветский период (1991–1996 гг.) был связан с кардинальным преодолением советского прошлого, переформатированием политических и социально-экономических приоритетов общества под новые задачи реформирования.

В мировоззренческой и гуманитарной сферах таких задач было поставлено несколько.

Во-первых, требовалось обеспечить максимально возможный разрыв российского общества

с предыдущими, «недемократическими» этапами отечественной истории (прежде всего, с советским, но также, отчасти, с имперским).

Во-вторых, необходимо было сориентировать российских граждан (особенно молодежь как наиболее уязвимую для идеологической обработки часть общества) на либерально-демократические и рыночные ценности.

В-третьих, в условиях государственной политики команды Б. Н. Ельцина по «возвращению России в состав западной цивилизации» ставилась задача преодоления «автаркического» мышления населения страны, распространения в его среде западных ценностей и приоритетов.

Эти задачи ставились не только перед официальными СМИ, но также перед профильными министерствами и ведомствами, в том числе перед руководством Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации (1991–1993 гг.), а также перед руководством его преемника — Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию (Госкомвуза) в 1993–1996 гг. Примечательно, что первым министром образования РФ стал представитель либеральной гуманитарной интеллигенции, приверженец радикальной линии в реформировании страны — Э. Д. Днепров. Его преемники в своем большинстве представляли техническое и математическое сообщество, но также были сторонниками либеральной линии в образовании.

Ключевой идеей образовательной реформы начала 1990-х гг., по мнению академика РАО, бывшего министра образования РФ Э. Д. Днепров, была идея развития образования. На ней основывалась триада целей реформы: создание необходимых условий для развития личности; запуск механизмов развития и саморазвития самой системы образования; превращение образования в действенный фактор развития общества. Однако в реальности реформы 1990-х гг. были ориентированы на «десоветизацию» и «деидеологизацию» российской образовательной модели.

Указанный период «зачистки» советской системы образования и советского научного наследия происходил сразу по нескольким направлениям.

1. Разработка новой нормативной базы ведения образовательной и научной деятельности.

2. Внедрение новых принципов ведения образовательной деятельности в школьной и вузовской среде.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25522>.

3. Трансляция научному сообществу и широкой общественности новых концепций и подходов.

4. Поддержка университетов нового типа, способных стать флагманами, опорой для либеральных реформ в образовании и науке.

5. Разработка новых базовых учебников, прежде всего по гуманитарным и обществоведческим дисциплинам.

6. Развитие партнерства с вузовским и научными центрами ведущих стран Запада с целью интеграции российской науки и образования в мировое сообщество.

Все эти подходы были в полной мере применены в 1990-е гг. к средней и высшей школе.

Так достаточно быстро была создана правовая основа для ведения образовательной и научной деятельности.

Прежде всего, тут надо отметить Указ от 11.08.1991 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР», который подписал Б.Н. Ельцин практически сразу после своего избрания на должность президента России. И хотя он носил чисто декларативный и популистский характер в условиях продолжавшегося сопротивления Б.Н. Ельцина с оппонентами «союзного» уровня, тем не менее некоторые характерные моменты там присутствовали. В частности, речь шла об активизации контактов с Западом в области науки и образования: «Направлять ежегодно за рубеж для обучения, стажировки, повышения квалификации не менее 10 тысяч учащихся, аспирантов, преподавателей и научно-педагогических работников»².

Что же касается непосредственно проблем преподавания исторических и обществоведческих дисциплин в средней и высшей школе, то здесь акцент был сделан на следующих моментах:

- Внедрение принципов вариативности, гуманизации и гуманитаризации в процесс преподавания.
- Деидеологизация исторического и обществоведческого образования.
- Сопряжение его с западной наукой и образованием.
- Введение концентрической структуры исторического и обществоведческого образования.

Одновременно разрабатывались образовательные стандарты и базисные учебные планы.

Принципиально важным явилось заседание коллегии Министерства образования РФ по вопросам развития исторического и обществоведческого образования, а также утверждение Решения коллегии Министерства образования РФ от 28.12.1994 № 24/1 «О стратегии развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях». В данной Стратегии констатировалось катастрофическое состояние с преподаванием истории и социальных дисциплин в средней школе: «В условиях острейшего кризиса массового сознания, отсутствия системы общенациональных ценностей и ориентиров историческая наука еще не может предложить школе новую методологию и концепцию школьного исторического образования. Ученые-историки, авторы учебников, учителя, лишившись традиционной идеологической системы координат, испытывают трудности при интерпретации исторического процесса. Образовавшийся после крушения вульгаризированной марксистской парадигмы вакуум они пытаются заменить цивилизационными, культурологическими, стадийными и другими подходами, каждый из которых акцентирует внимание лишь на отдельных сторонах исторического процесса»³. Одновременно в этом документе содержалась рекомендация завершить процесс слома устоев и начать работу над формированием компромиссного подхода к преподаванию истории молодому поколению. В частности, позитивно оценивался «уход от заостренно-публицистического и дискуссионного характера преподавания истории, свойственного «перестроечным» и первым «постперестроечным» годам; возрождение интереса к общероссийским ценностям, формированию национального самосознания»⁴. Тем не менее базовыми, с точки зрения подхода к преподаванию исторических и обществоведческих дисциплин, оставались либеральные приоритеты. Это четко следовало из Закона от 10.07.1992 «Об образовании» г. и из его обновленной версии 1996 г.

Однако с учетом того, что у правительственных структур, ответственных за образование и науку, не было в первой половине 1990-х гг. ресурсного потенциала (помимо нормативного и административного) для проведения в жизнь радикальных реформ либерального типа, они вынуждены были искать поддержки у рефор-

² URL: <http://base.garant.ru/102690/>.

³ URL: <https://studfiles.net/preview/1094065/page:14/>

⁴ Там же.

маторской общественности — как отечественной, так и зарубежной. Так, например, одним из главных центров модернизации исторического образования, преимущественно в либеральном ключе, становится в 1990-е гг. Российский государственный гуманитарный университет во главе с бывшим народным депутатом СССР, известным историком Ю.Н. Афанасьевым. С одной стороны, РГГУ в те годы выступал как центр инновационных разработок (как содержательного, так и методологического плана) в области исторического образования, с другой — как оппонент историкам-«консерваторам» в МГУ и Институте российской истории РАН. Одновременно в это же время власть охотно шла на взаимодействие с различными зарубежными некоммерческими фондами. Последние в 1990-е гг. вели достаточно активную деятельность в образовательном пространстве Российской Федерации. Основные направления их работы были следующими: предоставление российским ученым и педагогам инвалютных грантов на научные исследования, приглашение на зарубежные стажировки перспективных и талантливых молодых вузовских специалистов, издание за свой счет научной и учебной литературы. В период Б.Н. Ельцина целый пул западных структур «окормлял» российское образование. В числе таковых нужно назвать Фонд Форда, Фонд Маккартуров, Фонд Сороса и др. [1].

Именно последний наиболее активно отмечался в сфере гуманитарного, особенно исторического образования. В 1995 г. в России при содействии руководства страны был учрежден Институт «Открытое общество», входивший в сеть фондов под эгидой известного американского финансиста и филантропа, адепта либерализма и глобализации Джорджа Сороса. Данный институт взял под свою опеку, прежде всего, гуманитарные и обществоведческие направления деятельности российской высшей школы. В частности, Институт сосредоточился на выпуске «правильной» научной и учебной литературы, отдавая предпочтение материалам с нестандартным подходом к политическим и социальным событиям и явлениям прошлого и настоящего России. Так в исторической сфере поощрялись исследования, посвященные модернизации страны, разоблачению тоталитаризма и авторитаризма, истории российского и зарубежного предпринимательства и т.п. Одновременно Фонд Сороса активно вкладывался в проект интернет-образования, а также

в работу с молодыми и перспективными кадрами. Например, в Будапеште в 1991 г. им был открыт Центрально-Европейский университет, который занимался рекрутированием и идеологическим воспитанием талантливой молодежи постсоветских государств в духе открытого общества и демократии [2].

Всего же за период 1995–2003 гг. только в России Фонд Сороса потратил более 1 млрд долл. США, в частности гранты от фонда получили примерно 65 тыс. школьных учителей, университетских профессоров и студентов⁵.

В плане трактовок спорных моментов отечественной истории либеральные власти Российской Федерации и их общественные союзники были категоричны и практически безапелляционны. Концептуально за основу бралась версия о последовательной и неизбежной демократизации по западным образцам (демократический транзит) всех стран мира. Основы этого подхода концентрированно были изложены сперва в статье, а потом в книге известного японо-американского футуролога и мыслителя Ф. Фукуямы, который прогнозировал скорое и повсеместное распространение либерально-демократических правил игры и, соответственно, завершение Истории [3].

С учетом вышеизложенного, в продвигаемых «сверху» интерпретациях российской истории присутствовал весьма монологичный и выборочный взгляд, с одной стороны, определяемый идеологическими предпочтениями государственных чиновников-реформаторов, с другой — текущей политической конъюнктурой — проигравшая холодную войну Россия (как преемница СССР) в 1990-е гг. просто была вынуждена встраиваться в западную повестку дня.

Так практически полностью отвергался советский период, который трактовался как отрыв России от западной цивилизации и развитие ее по тупиковой ветви. Такой подход присутствовал в выступлениях и заявлениях официальных лиц, в СМИ (которые на тот момент занимали однозначно либерально-реформаторскую позицию), в провластной историографии. При этом, если Февральская революция с небольшими оговорками подавалась как торжество демократии и свободы, то Октябрьская революция (в первой половине 1990-х гг. ее нередко называли также Октябрьским переворотом) — исключительно как

⁵ URL: <https://meduza.io/feature/2015/12/01/chto-sdelal-fond-sorosa-v-rossii>.

большевистское насилие и прелюдия к утверждению в нашей стране кровавого тоталитарного режима. Правда, такой подход не мешал одновременно резко осуждать И. В. Сталина за репрессии 1930–1950-х гг. в отношении «ленинской гвардии» и старых большевиков. Вообще в плане трактовки сталинского периода позиция официоза первой половины «лихих 90-х» почти не отличалась от установок XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» и массовые репрессии. Единственно, критика И. В. Сталина была больше персонифицирована и заострена, вплоть до обвинений его в паранойе и неадекватности.

Что же касается советского периода отечественной истории, то он практически весь трактовался негативно, особый акцент делался на критике административно-командной системы управления, преследовании инакомыслящих, социально-экономических проблемах СССР. Единственным относительно позитивным исключением, с точки зрения официальных постсоветских трактовок, являлся период «оттепели», да и он был омрачен волюнтаризмом Н. С. Хрущева, Карибским кризисом и событиями в Новочеркасске. Также двояко подавались совсем недавние события «перестройки» М. С. Горбачева, поскольку, с одной стороны, они явились «преамбулой» к дальнейшим радикальным политическим и экономическим реформам, а с другой — сопровождалась аппаратными и идеологическими «метаниями» лидера СССР.

Сложнее дело обстоит с периодом Великой Отечественной войны. Решения Нюрнбергского трибунала и Ялтинско-Потсдамские соглашения едва ли не юридически закрепляли ее итоги как победу союзников, прежде всего Советского Союза. В этом плане успех СССР не вписывался ни в концепцию догоняющего развития России, ни в западнический тренд, ни в критику советской диктатуры. В итоге был найден определенный компромисс: Великая Отечественная война по-прежнему трактовалась как героическая победа над нацизмом, но не благодаря, а вопреки «сталинскому тоталитаризму». Одновременно в учебниках и лекционных курсах неофициально было рекомендовано не упоминать имя «вождя народов» в связи с ВОВ, разве что при освещении ее первого, катастрофического периода (практически все поражения здесь приписывались недалекости и преступной халатности И. В. Сталина).

Однозначно позитивно подавались в провластных учебниках и монографиях приход к влас-

ти в России Б. Н. Ельцина и «победа демократии» в августе 1991 г. Эти события трактовались как конец советской истории и начало новой государственности, основанной на принципах свободы и права.

Также жестко ангажированные трактовки спустились «сверху» относительно статусных персон далекого прошлого. Так, например, император Петр I в 1990-е гг. подавался исключительно в позитивном ключе, как человек, который «прорубил окно в Европу» и провел «западнические» реформы. При этом за скобки выносились все издержки петровского правления. Примечательно, что «Медный всадник» в 1993 г. был взят в качестве эмблемы избирательного объединения «Выбор России» — реформаторской коалиции сторонников Б. Н. Ельцина на выборах в Государственную Думу РФ первого созыва.

Антиподом же Петра I был «назначен» Иван Грозный, который подвергся жесткой исторической обструкции за «кровавую опричнину» и создание «автаркического» российского государства.

Несмотря на достаточно жесткую обработку общественного мнения, как в общенациональном масштабе, так и на уровне средней и высшей школы, сторонникам либерально-демократических подходов добиться успеха не удалось.

Во-первых, российское общество, в течение десятилетий воспитывавшееся на идеях советского патриотизма, восприняло новые веяния неоднозначно. Как с горечью отмечали историки из либерального лагеря, «как бы ни менялась социальная структура и динамические характеристики общества, неизменным остается одно: оно всегда заинтересовано в своем самосохранении и воспроизводстве». Соответственно, «общество отнюдь не заинтересовано в получении абсолютно всех знаний о себе» и периодически включает «защитные механизмы»⁶.

Во-вторых, отвергая монологизм советской истории, профессиональное сообщество, студенчество, да и население в целом чувствовали натянутость и политическую ангажированность ультралиберального подхода к истории, принятого в первой половине 1990-х гг. в Российской Федерации.

В-третьих, для продвижения в вузы и профессиональную научную среду «официальных»

⁶ Россия в XX веке: Проблемы изучения и преподавания: Материалы научной конференции. Москва, 2 декабря 1998 г. М.: РГГУ; 1999.

либеральных приоритетов требовались кадры и щедрое финансирование. А их не было. Финансирование образования и науки в 1990-е гг. (особенно в 1991–1994 гг.) осуществлялось по остаточному принципу, зарплаты преподавателей и стипендии студентов были низкими, в стране господствовал социально-экономический кризис. Поэтому получить широкую поддержку «снизу» организаторы «шоковой исторической терапии» не смогли. Даже в плане поддержки власти симпатии вузовского сообщества разделились. Студенчество в своем большинстве еще ориентировалось на реформы (хотя уже с гораздо меньшим энтузиазмом, чем в первые годы правления Б. Н. Ельцина), однако профессорско-преподавательский состав к середине 90-х гг. ушел в глухую оппозицию, голоса преимущественно за социал-либералов из «Яблока» и КПРФ.

Наконец, в-четвертых, усилия реформаторов по перепрограммированию исторического сознания постсоветского общества натолкнулись на активное оппонирование «слева» и «справа».

Так, бывшие преподаватели истории КПСС, научного коммунизма и научного атеизма, оставшись после крушения советского строя без привычной сферы деятельности, в своем большинстве все же удержались в вузах и академических институтах. Где-то их оставляли на работе из жалости, чтобы они дотянули до пенсии, где-то бывшим обществоведам удавалось мимикрировать и достаточно быстро переквалифицироваться в философов, политологов, социологов, обычных историков. Соответственно, будучи обиженными на новую российскую власть, «сломавшую» им жизнь, они заняли весьма недоброжелательную позицию по отношению к либеральным историческим «новеллам». Более того, отказавшись от открытого сопротивления, они подспудно продолжали работать в прежнем ключе, формируя у студенческой аудитории отношение к историческим событиям, явлениям и персонам вполне в советском ключе.

На уровне законодательной власти поддержку «просоветским» историкам оказывали коммунисты в Госдуме. В частности, по итогам формирования ГД РФ второго созыва, пост председателя комитета по образованию и науке достался члену КПРФ И. И. Мельникову, несколько позже его заместителем стал еще один «левый» депутат, член группы «Народовластие» О. Н. Смолин.

Другие оппоненты противодействовали историческим новациям либералов по державно-па-

триотической линии. Их основными «центрами сопротивления» либеральным новациям в науке и образовании стали Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), объединявшее «государственников» из числа историков, архитекторов, писателей, культурологов, а также Союз писателей России, который транслировал патриотические интерпретации истории через «свои» и партнерские журналы и газеты («Наш современник», «Завтра», «Москва» и др.).

После президентских выборов 1996 г. в постсоветской России период ниспровержения сменяется периодом поиска основ новой отечественной государственности. Дело в том, что в российском обществе наблюдалось резкое разочарование в «западническом» пути развития и либеральных ценностях, поэтому потребовались новые идеологические подходы с опорой на национальную традицию. По понятным причинам советский опыт оставался табуированным для Ельцина и его коллег, поэтому во второй половине 90-х гг. наблюдаются попытки идеализировать опыт дореволюционной царской России. В частности, в 1997–1998 гг. по инициативе «сверху» развернулась кампания по идентификации останков, якобы принадлежавших последнему российскому императору Николаю II и членам его семьи. При этом даже было выпущено распоряжение Правительства РФ за № 1606-р, подписанное премьер-министром В. С. Черномырдиным, о проведении Республиканским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава России соответствующих исследований⁷. В январе 1998 г. останки были признаны подлинными, а в июле 1998 г. их торжественно захоронили в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, невзирая на весьма скептическое отношение к результатам конъюнктурной экспертизы со стороны Русской православной церкви.

Одновременно в СМИ и кинематографе начинает активно муссироваться тема императорского периода (яркий пример — фильм Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»), причем в достаточно позитивном, а иногда и в «почвенническом» ключе.

Параллельно несколько меняются акцентировки в науке и образовании. Так, модными становятся темы успешного развития Российской империи в начале XX в., белого движения

⁷ URL: <http://docs.cntd.ru/document/9048813>.

и эмиграции первой волны, дореволюционного предпринимательства и т.д.

Одновременно происходит историческая реабилитация ранее абсолютно неприемлемых как для коммунистов, так и для либералов персон. В частности, это касается П.А. Столыпина, который в советской историографии традиционно подавался как «вешатель и черносотенец». Не жаловали экс-премьер-министра царской России также историки либерального направления, обвиняя его в излишней жесткости проводимой политики и подспудном антисемитизме. Тем не менее в конце 1990-х гг. формируется целый пул «апологетической» литературы, посвященной как неоднозначной персоне Столыпина, так и проводимым им реформам (преимущественно, аграрной реформе), одновременно эта тема активно продвигается в рамках средней и высшей школы.

В остальном же официальные исторические акцентировки практически не менялись. По-прежнему советский период рассматривался как время «тоталитарной диктатуры» и отрыва от мировой цивилизации. Доминировали крайне негативные трактовки большевистской революции 1917 г., персоны И.В. Сталина, «руководящей и направляющей роли» КПСС в советском обществе и т.п. С учетом политического и социально-экономического кризиса, наблюдавшегося в России в 1990-е гг., «провластные» историки старались меньше затрагивать в своих статьях и выступлениях такие спорные темы, как события ГКЧП, расвал СССР, гайдаровские реформы, расстрел парламента в 1993 г., первая чеченская война или же подавали их более сбалансированно, хотя, опять же, в русле концепции «демократического транзита».

Приход к власти Владимира Путина и его команды ознаменовал собой новый этап постсоветской государственности. Данный этап можно назвать временем стабилизации и консолидации. Руководство страны сделало ставку на укрепление государственных основ, борьбу с сепаратизмом и экстремизмом, формирование в России современного мощного и эффективного государства, развитие институтов гражданского общества. Все это потребовало взращивания совершенно нового человека XXI в., минимально «завязанного» на догматику как советского, так и «ельцинского» прошлого. Этим критериям отвечала молодежь, которая была вполне восприимчива к новым политическим веяниям и готова поддержать новый курс, тем более, что в нача-

ле 2000-х гг. он считался в молодежной среде «модным» и «правильным». Тем более, что новая власть пообещала наладить «социальные лифты», начать работу с молодым поколением, вывести страну в мировые лидеры. Более того, уже в 2000 г. по инициативе «сверху» было создано массовое молодежное (преимущественно студенческое) движение «Идущие вместе», девизом которого стал слоган «Все Путем». Правда, идеология его была достаточно размыта, а исторические предпочтения не были акцентированы. Вообще, нужно отметить, что до 2004–2005 гг. власть не слишком продуктивно и активно работала с молодежью, полагаясь на ее эмоциональную лояльность новому государственному курсу. Тем не менее определенные политические предпочтения закладывались как через СМИ, так и через различные творческие проекты. В этом плане примечателен громко «выстреливший», в силу созвучности общественным (в частности, молодежным) настроениям, фильм «Брат-2», который обозначил определенное отношение к геополитическим и историческим событиям. В частности, здесь наблюдается существенная трансформация транслируемых приоритетов. Так, достаточно четко обозначаются враги России. В качестве таковых фигурируют Михаил Горбачев («Сдал, сынок, Горбачев твою Родину»), либерально-демократические и толерантные США, «присвоившая» Крым независимая Украина, а также бандиты из «лихих 90-х». В свою очередь, во главу угла ставятся «патриотизм с кулаками», наведение порядка, поиск «Правды» («В чем сила, брат?»), т.е. откровенно нелиберальные (в западном понимании) ценности. В итоге кардинальным образом (но без излишней ностальгии по СССР) пересматривается мировоззренческая парадигма постсоветского развития и даются новые оценки историческим событиям: со знаком «плюс» — Великая Отечественная война, борьба с сепаратизмом в рамках чеченских войн и др., со знаком «минус» — период «перестройки» и период «разрушения основ» 1990-х гг. Одновременно был создан культовый персонаж Данила Багров, который фактически задавал молодежи соответствующие ценности, правда, без особой ностальгии по советскому прошлому. Напротив, транслировалась идея создания новой свободной и рыночной России как мощной мировой сверхдержавы.

Подобный характер носила и деятельность прокремлевского движения «Идущие вместе», которое сконцентрировало свою активность,

с одной стороны, на борьбе с «врагами России», к каковым в начале 2000-х гг. они относили оппозиционных политиков самого разного толка (Г. Зюганов, Б. Березовский, М. Ходорковский и пр.), а с другой — проводили массовые мероприятия в поддержку президента Российской Федерации, а также различного рода ритуальные акции (например, регулярные «вахты памяти» Великой Отечественной войны в ночь с 21 на 22 июня).

После событий «оранжевой революции» на Украине в 2004 г. российская власть начала системную работу с молодежью, в частности со студенческой, которая в силу своей специфики традиционно являлась движущей силой различных социально-политических катаклизмов.

С этой целью властью инициируется создание целого ряда молодежных лоялистских проектов, самым мощным и массовым из которых стало движение «Наши» под руководством В. Якеменко. Движение курировалось по линии тогдашнего заместителя руководителя Администрации президента РФ В. Ю. Суркова и было вооружено обнародованной в 2005 г. полуофициальной интеллектуальной концепцией «суверенной демократии». Эта концепция носила компромиссный характер, предполагая идеологическое и мировоззренческое примирение двух «крыльев» окружения В.В. Путина — так называемых «питерских силовиков» и «питерских либералов». Если для первых был выдвинут тезис о суверенитете и державности, то для вторых обозначена приверженность демократическим ценностям.

Соответствующий «синтетический» характер имели и идеологические основы прокремлевских движений, в частности молодежного демократического антифашистского движения «Наши». Несмотря на то что данная структура выполняла вполне оперативные задачи мобилизации молодежи под эгидой власти, тем не менее определенные стратегические идеологические и исторические установки там также присутствовали. Лидер движения В. Якеменко в целом сформулировал их так: «Россия — исторический и географический центр мира, независимости и процветанию которой угрожает “противоестественный союз либералов и фашистов, западников и ультранационалистов, международных фондов и террористов, объединённых общей ненавистью к нашему президенту Владимиру Путину”»⁸.

Что же касается деятельности профильных министерств и ведомств, то в плане формирования исторического сознания студенческой молодежи инициатива принадлежала Министерству образования и науки Российской Федерации и Министерству культуры Российской Федерации.

Первое в основном сконцентрировалось на разработке новых учебно-методических требований к образовательному процессу, введении новых образовательных стандартов и внедрении нового формата вступительных испытаний в вузы (ЕГЭ). В этом плане можно отметить следующие нормативные документы: «Концепцию модернизации российского образования на период до 2010 года» (декабрь 2001 г.), приказ Министерства образования РФ от 26.12.2001 № 4244 о введении федерального перечня учебников, рекомендованных Министерством образования и науки РФ для использования в общеобразовательных учреждениях, введение федерального компонента государственного образовательного стандарта (ФК ГОС) по всем предметам базисного учебного плана, включая историю, обществознание (2004 г.), утверждение Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. («Стратегия-2020», 2008 г.), введение государственной аттестации и оценки образовательных достижений учащихся по истории в форме (ЕГЭ) (в штатном режиме — с 2009 г.), приказ Министерства образования и науки РФ от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» и др. [4].

При этом 2000-е гг. ознаменовались присоединением России к Болонскому процессу, который предполагал включение нашей страны в общеевропейское пространство. Такая линия вполне согласовывалась с тогдашним курсом отечественной элиты на вхождение «возрожденной» России в «глобальное акционерное общество». Предполагалось, что в обмен на лояльность РФ западному сообществу ей будет дан «зеленый свет» в узкий круг избранных кураторов мировых политических и социально-экономических процессов, пусть даже на правах миноритария. Соответственно, хотя во внутренней политике активно продвигались идеи патриотизма, этатизма и сильной власти, во внешней до 2007 г. господствовала тенденция приобщения России к «цивилизованному сообществу». Что касалось и системы образования, которая в этот период активно подгонялась под западные, прежде всего европейские стандарты.

⁸ URL: <http://boris-yakemenko.livejournal.com/586223.html>.

Тем не менее параллельно принимались и важные документы в рамках патриотической линии руководства страны. В частности, здесь можно упомянуть Концепцию патриотического воспитания граждан Российской Федерации, принятую в 2002 г., а также Государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» (аналогичные программы реализовывались также в 2006–2010 и 2011–2015 гг.). В плане исторического просвещения особо стоит отметить деятельность Российского оргкомитета «Победа». Он был создан Указом Президента РФ от 05.08.2000 № 1441. В Положении о нем говорилось, что комитет является совещательным консультативным органом при Президенте РФ и образуется «в целях проведения единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан РФ».

«Компромиссный» курс российского руководства нашел свое отражение и в трактовке исторических событий и персон.

Так, революционные события 1917 г. стали рассматриваться достаточно аккуратно, тем не менее продолжали сохраняться негативные оценки «инициированного извне большевистского переворота» (особенно на фоне продолжавшихся «цветных революций» на постсоветском пространстве). Февральская революция продолжала трактоваться относительно позитивно, но при этом подчеркивались «слабость» и «мягкотелость» ее лидеров, выпустивших ситуацию из-под контроля. В то же время в исторической науке и преподавании курса отечественной истории окрепли позиции «имперцев», которые в своих достаточно многочисленных работах рассматривали падение монархии и развал Российской империи как целенаправленную деятельность заговорщиков из числа либеральной элиты. При этом сторонники данной версии в качестве подтверждения своих идей активно продвигали в общественном сознании (в том числе, студенческой молодежи) тезис о процветающей России образца 1913 г.

Что касается советского периода, то здесь трактовки претерпели пусть и косвенные, но существенные изменения. Хотя в целом сохранились негативные оценки целого ряда коммунистических экспериментов и репрессий 1930–1950-х гг., тем не менее, наряду с ними, стали «раскручиваться» достижения СССР и советского руководства (индустриализация, полет в космос, массовое жилищное строительство, спортивные рекорды

и пр.). Особое место в пропаганде «светлой стороны» прошлого СССР уделялось подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. Здесь установка «сверху» была однозначной — минимизировать очернительство и максимально обозначить ведущую роль нашей страны в освобождении Европы от нацизма. Такая трактовка позволяла, с одной стороны, мобилизовать российское общество на основе героического прошлого, а с другой — дать дополнительные аргументы в пользу включения России в состав «глобального акционерного общества».

Что же касается постсоветского развития, то этот период уже подавался в несколько критическом ключе как развал государственности и время социально-экономических потрясений. Однако при этом каких-либо жестких оценок Б.Н. Ельцину и его команде не давалось. Чаще всего, пусть и с глубоким сожалением, но констатировался объективный характер распада СССР и трудностей первого этапа постсоветских реформ. При этом гораздо более жесткие оценки давались политике М.С. Горбачева, проводилось сравнение его неэффективного курса с успешным китайским опытом Дэн Сяопина. В то же время ностальгия по советскому времени руководством страны «не рекомендовалась». Как отметил В.В. Путин, «тот, кто не сожалеет о распаде СССР — тот не имеет сердца, а кто желает его восстановить — тот не имеет разума».

Персоны далекого прошлого в этот период отходят на второй план, поэтому каких-либо альтернативных интерпретаций Петр I и Иван Грозный не получили. Несмотря на свою весьма волюнтаристскую и жесткую политику, Петр I по-прежнему подавался в исторических исследованиях и преподавании отечественной истории как великий реформатор, «прорубивший окно в Европу», в свою очередь, автор «опричнины» традиционно трактовался как деспот и мракобес. Такие разные трактовки указанных исторических персон были обусловлены во многом предпочтениями российской политической элиты. Во-первых, во власти продолжали оставаться сторонники «западнического» вектора развития и им Петр I импонировал гораздо больше, чем «автаркист» Иван IV; во-вторых, в действиях последнего представители российского истеблишмента 2000-х гг. в большей степени усматривали признаки единоличной и централизованной власти, а также стремление к ограничению влияния элиты своего времени.

Существенные изменения в трактовке исторических событий происходят с обострением отношений между Россией и Западом в 2007–2008 и 2014–2021 гг. Во многом этому способствовал отказ США и ЕС от интеграции РФ в «глобальное акционерное общество» и агрессивная политика западных партнеров на постсоветском пространстве. Тем самым Запад фактически подтолкнул российскую элиту к проведению жесткого курса, направленного на защиту национальных интересов страны. А для реализации подобного курса требуется соответствующий общественный настрой, который формирует в том числе и трактовка событий знаковых моментов отечественной истории.

При этом в ходе своего выступления на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г. Владимир Путин недвусмысленно дал понять США и их союзникам, что Россия претендует на участие в мировой системе управления и выступает против сохранения однополярности. В частности, он заявил, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна»⁹. Тем не менее это предостережение российского лидера не было услышано: сперва последовало инициированное США вторжение грузинских войск в Южную Осетию, потом, опять же во многом с подачи Вашингтона, началась гражданская война в Сирии, наконец, в начале 2014 г. произошел «Майдан-2» на Украине.

Новые геополитические реалии потребовали от российского руководства, с одной стороны, проведения мобилизационной политики, с другой — консолидации общества на началах государственного патриотизма и общероссийской идентичности. Также усилия были направлены на борьбу с фальсификаторами истории, которые использовали различного рода спорные исторические моменты, а то и прямые подтасовки для демонизации России в глазах мирового сообщества. Именно с этой целью в мае 2009 г. при Президенте РФ создается специальная Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Ее деятельность была ориентирована на оптимизацию восприятия отечественной истории гражданами РФ, особенно молодежью, развитие в обществе гражданственности и патриотизма, формирование общероссийской идентичности. Одновремен-

но эта комиссия фактически дала установку на корректировку трактовок российской истории в соответствии с изменившейся политической конъюнктурой.

Отныне базовыми для подачи исторического материала стали принципы традиционализма, державности и патриотизма. И хотя в 2012 г. Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России прекратила свое существование, тем не менее именно под этим углом в этот период (особенно с 2014 г.) рассматриваются знаковые события и персоны российской истории.

Новый виток противостояния между Россией и Западом начинается в 2014 г. в связи с новым «Майданом» на Украине и реинтеграцией Крыма. На РФ по соображениям политической конъюнктуры начинается жесткое внешнее историко-пропагандистское давление. Вот примерный список тем, при освещении которых зарубежные (прежде всего, европейские и американские, а также украинские) специалисты прибегают к фальсификациям и подтасовкам:

- история национальных отношений в нашей стране, искажение истории вхождения в состав России ряда народов и территорий (в частности, народов Кавказа);
- национально-государственное строительство в России в 1920-е гг.;
- «голодомор» на Украине в начале 1930-х гг.;
- проблема развязывания Второй мировой войны, предыстория Второй мировой войны;
- проблема «оккупации» Прибалтики;
- история советско-финской войны;
- причины неготовности СССР к войне с Германией;
- причины поражений Красной армии в начальный период войны;
- вопрос о потерях СССР во Второй мировой войне;
- проблема взаимоотношений Красной армии с антифашистскими организациями в странах Восточной Европы, которые не ориентировались на сотрудничество с СССР;
- умаление роли СССР в достижении победы стран антигитлеровской коалиции над государствами фашистского блока;
- Второй мировой войны (в том числе проблемы Курильских островов, Калининграда);
- тенденциозное освещение итогов «холодной войны», распада СССР;

⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

- роль России на постсоветском пространстве на рубеже XX–XXI вв.;
- тенденциозное освещение военных событий лета 2008 г. на Кавказе (Россия–Грузия);
- реинтеграция Крыма;
- война в Донбассе;
- вмешательство русских хакеров в президентские выборы США 2016 г.¹⁰

Все это потребовало от российской власти научно-образовательной и информационной мобилизации для борьбы с подобным агрессивным давлением западных партнеров.

В отличие от предыдущего периода, специальных контролирующих и координирующих органов «сверху» создавать не стали, а предпочли противодействовать фальсификациям с опорой на институты гражданского общества.

В частности, были задействованы следующие ресурсы:

- запущены ток-шоу на ведущих телевизионных каналах (Д. Киселев, В. Соловьев, Р. Бабаян и др.);
- оказано всемерное содействие кинофильмам «правильной» патриотической тематики («Легенда № 17», «28 панфиловцев», «Битва за Севастополь», «Мы из будущего» и др.);
- организован вузовский лекторий известного писателя и публициста Н. В. Старикова и его команды и др.

Одновременно достаточно активную поддержку патриотическим инициативам власти в области борьбы с историческими фальсификациями оказали ведущие вузы страны (например, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, РУДН).

Обострение отношений России с Западом привело к определенному пересмотру знаковых исторических событий. Так, советский период стал трактоваться более позитивно. Это касалось теперь не только событий Великой Отечественной войны, но также «сталинской модернизации» 1930-х гг., послевоенной реконструкции, периода правления Л. И. Брежнева. Менее «выпуклой» стала тема репрессий 1930–1950-х гг. (хотя негативные трактовки «сталинских чисток» в целом остались), развивалась тема межнациональной дружбы и сотрудничества в СССР, рассказывалось об успехах советской экономики (правда, наряду с критическими оценками ее командно-административной сущности).

В 2014 г. по понятным причинам актуальность приобрела крымская тема. Соответственно, была запущена эффективная пропагандистская кампания «Крым — наш», в рамках которой исторически и юридически доказывалась незаконность решения Н. С. Хрущева о передаче Крыма из РСФСР в состав УССР. Менее активно в историческом сообществе продвигалась идея «Русского мира» и «Великой России», хотя и по данной теме появился целый ряд монографий и статей.

Личность И. В. Сталина, как уже говорилось выше, продолжает оцениваться в целом негативно, но при этом ее трактовка все больше смещается в сторону известного высказывания маршала Г. К. Жукова: «Был культ, но была и Личность».

Одновременно практически снимается табу на историческую критику «перестройки» и постсоветских «лихих 90-х» в рамках академического сообщества, хотя по официальной линии эту тему стараются подавать в нейтральном ключе.

Кстати, другие знаковые события и персоны в последние годы отходят на периферию исторического сознания граждан, в том числе студенческой молодежи. Далекое от современности фигуры Петра I и Ивана Грозного уже не вызывают у россиян каких-либо эмоций. Более того, заметно снизился интерес к дореволюционной России и событиям 1917 г. В этом плане примечательно, что полемика между депутатом Госдумы Н. Поклонской и режиссером А. Учителем по поводу фильма «Матильда» не вызвала широкого общественного резонанса, невзирая на активную раскрутку этой темы в СМИ.

Что же касается оппозиции власти в области исторической политики, то ее составляют в основном представители либерального лагеря в диапазоне от системных либералов до «белоленточников» и сторонников А. Навального. Определенные (хотя и тактические) претензии к официальному освещению страниц советской истории есть также у коммунистов. Пропагандируемый многонациональный подход к историческим событиям не нравится русским этническим националистам. И, конечно, патриотическая направленность исторических трактовок последних лет крайне негативно воспринимается во внешней среде, порождая массу «параллельных» фальсификаций и инсинуаций со стороны западных журналистов, историков и политологов¹¹.

¹⁰ URL: http://www.school-russia.prosv.ru/umk/ist-obsh/Board.aspx?BoardId=11639&ob_no=11637&ThreadId=920&Tpl=Thread&page=0&print=1.

¹¹ См., например: <http://inosmi.ru/politic/20170127/238611561.html>

* * *

Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующее.

Во-первых, единой точки зрения на исторический процесс и знаковые исторические события и персоны у властей постсоветской России не было и нет, что порождает (особенно в последние годы «войну» различных интерпретаций).

Во-вторых, целенаправленной политики в области исторического просвещения и формирования восприятия российской истории у студенческой молодежи власти РФ практически не вели. Если в 1990-е гг. для этого не было ресурсного потенциала, то в начале XXI столетия это делалось сознательно, чтобы не создавать у подрастающего

поколения ощущения официоза. Соответственно, в период 2000–2017 гг. для борьбы за умы молодежи чаще всего привлекались лояльные власти институты гражданского общества.

В-третьих, значительное влияние на актуальность тех или иных исторических интерпретаций оказывает внешнеполитическая конъюнктура, прежде всего отношения России с западным сообществом. Если происходит их смягчение, то «официальные» исторические трактовки становятся более либеральными и «западническими», если же наблюдается конфронтация, то задаваемая «сверху» историческая тональность приобретает большее державно-патриотическое звучание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сазанова Н. В. Российская наука и образование в 1990-е годы и американская внешняя политика. *Interactive science*. 2017;(11):83–85.
2. Серебряная О. Орбан против Сороса. Венгерский парламент выгоняет ЦЕУ из Будапешта. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28410425.html>.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt.
4. Вяземский Е. Е. Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования. *Проблемы современного образования*. 2013;(3):6–7.

REFERENCES

1. Sazonova N.V. Russian science and education in the 1990s and American foreign policy. *Interactive science*. 2017;(11):83–85. (In Russ.).
2. Olga Serebryanaya. Orban vs. Soros. The Hungarian Parliament expels CEU from Budapest. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28410425.html>. (In Russ.).
3. Fukuyama F. The end of the story and the last man. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt. (In Russ.).
4. Vyazemsky E.E. Educational policy of post-Soviet Russia and the reform of general historical education. *Problems of modern education*. 2013;(3):6–7. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия ashatilov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander B. Shatilov — Cand. Sci. (Political Sciences), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia ashatilov@fa.ru

Статья поступила 20.04.2021; принята к публикации 11.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.04.2021; accepted for publication on 11.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-27-32
УДК 323(045)

Ценностные ориентации и социальное самочувствие молодежи как фактор трансформации национально-государственной идентичности в России

В.В. Титов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

АННОТАЦИЯ

Данное исследование посвящено теме изменения российской национально-государственной идентичности под воздействием трансформации ценностных ориентаций и социального самочувствия молодежи. Методология работы выстраивается путем сравнительного анализа с вторичной обработкой данных социологических исследований ФОМ и ВЦИОМ. Выдвинутая автором гипотеза основана на допущении того, что ключевым фактором изменения ценностных и поведенческих установок российской молодежи служит не восприятие глобализирующейся культуры, а специфика социального самочувствия поколения молодых граждан нашей страны. Последнее согласно данным социологических исследований характеризуется наличием депрессивных элементов, формирующих неблагоприятные условия для развития ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации. Как показывают данные массовых опросов, образ коллективного прошлого построен, в том числе, на идеализации советского периода, на следие которого в значительной степени отрицается российскими элитами (поскольку этого требует легитимация существующей политической и экономической модели). Положительный образ будущего в массовом сознании либо отсутствует, либо, предположительно, подменяется конкурирующими по отношению друг к другу представлениями о возможности заимствования западноевропейской модели или реконструкции советского строя.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность; молодежь; ценности; поведенческие модели; образ прошлого; образ будущего

Для цитирования: Титов В.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие молодежи как фактор трансформации национально-государственной идентичности в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2021;11(3):27-32. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-27-32

ORIGINAL PAPER

Value Guidelines and Social Well-being of Young People as a Factor in the Transformation of National-state Identity in Russia

V.V. Titov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

ABSTRACT

This study is devoted to the topic of changes in the national-state identity of Russians under the influence of the transformation of value orientations and the social well-being of young people. The work methodology is built through a comparative analysis with secondary processing of this sociological research by the POF and RPORC. The hypothesis put forward by the author is based on the assumption that the key factor in changing the value and behavioural attitudes of Russian youth is not the perception of the globalising culture but the quality of social well-being of the younger generation. According to the data of sociological studies, the latter is primarily characterised by the presence of depressive elements that form unfavourable conditions for the development of in-group favouritism and out-group

discrimination. As the data of mass polls show, the image of the collective past is built mainly on the idealisation of the Soviet period, the legacy of which is largely denied by the Russian elites (since this is required to legitimise the existing political and economic model). A positive image of the future in the mass consciousness is either absent or, presumably, replaced by ideas about borrowing the Western European model or reconstructing the Soviet system. The image of a significant other in the face of the West, despite the presence of confrontation between it and Russia, is seen as a more positive model from the point of view of ensuring social justice.

Keywords: national-state identity; youth; values; behavioural models; the image of the past; image of the future

For citation: Titov V.V. Value guidelines and social well-being of young people as a factor in the transformation of national-state identity in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):27-32. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-27-32

ВВЕДЕНИЕ

Активное участие представителей молодежи (в том числе несовершеннолетних) в несанкционированных акциях протеста 2017–2021 гг., возникновение экстремистских организаций, рекрутирующих новых членов преимущественно за счет подрастающего поколения, признаки вытеснения светской гражданской идентичности конфессиональными и этническими моделями самоопределения в отдельных регионах и субъектах федерации — все эти факторы представляют собой серьезную угрозу для внутривнутриполитической стабильности РФ в долгосрочной перспективе.

При этом обозначенные источники риска объединяет специфика генезиса: в каждом случае важной предпосылкой запуска деструктивных социальных треков выступала трансформация ценностных установок молодого поколения, во многом обусловленная спецификой его социального самочувствия. Элементы обозначенной проблематики также тесно взаимосвязаны между собой с точки зрения парадигмальной основы: в каждом из упомянутых случаев девиация либо дивергенция порождается эрозией или искажением национально-государственной идентичности молодежи. Представители подрастающего поколения отторгают транслируемую старшими модель идентификации и делают выбор в пользу новых форм самоопределения. Последние выстраиваются во многом на основе отрицания господствующей идентичности и предполагают, в том числе, необходимость обструкции связанных с нею смыслов, ценностей и моделей восприятия и интерпретации политической и социальной действительности [1, 2], что ставит перед экспертным сообществом задачу определения движущих сил и трендов изменения соответствующего процесса.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Структурной основой национально-государственной идентичности являются символы, используе-

мые в рамках разнообразных ритуалов (социальных, политических, мемориальных и т.д.). Символы и связанные с ними ритуалы выступают в роли ресурса воспроизводства национально-государственной идентичности за счет того, что соответствующие культурные знаки представляют собой способ кодирования определенных ценностей, смыслов и детерминируемых ими моделей поведения. В силу этого идентичность выступает, в том числе, в роли системы координат, определяющих представление ее носителя о социальных нормах и девиациях, а также фактора, задающего образ его поведения в разнообразных ситуациях [3–5].

Наличие взаимосвязи между идентичностью, системой ценностей и обусловленной ею моделью поведения позволяет проследить процессы трансформации, эрозии или импорта идентичности в ключе сопоставления бихевиористских и смысловых ориентаций у представителей различных поколений в структуре макросоциальной корпорации. При этом необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет об устойчивых отличиях, не связанных с преимущественно возрастными особенностями восприятия [6–8].

Анализ данных социологических исследований за последние годы показывает, что между молодежью и представителями старших поколений существуют серьезные расхождения с точки зрения восприятия допустимости определенных форм поведения и приверженности ценностям. Опрос, проведенный ФОМ в ноябре 2020 г., показал, что для представителей российской молодежи в значительно большей степени, чем в целом в рамках общества, характерно признание незыблемости принципа свободы слова, даже в случае обсуждения табуированных и остросоциальных вопросов. В том числе это касается вопросов религии. Так, 38% молодых респондентов, оценивая события, связанные с терактом во Франции в результате демонстрации карикатур на пророка Мухаммеда, поддержали позицию президента Э. Макрона. По-

следний заявил, что Франция никогда не откажется от свободы слова, в том числе от права публиковать карикатуры на религиозные темы. Для сравнения, в целом по выборке точку зрения президента Франции поддержали лишь 23% опрошенных, а среди прочих возрастных групп соответствующий вариант ответа выбрали от 14 до 26%¹.

Меняются и многие стереотипные представления о традиционных гендерных ролях. Так, в ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в феврале 2021 г., о необходимости комплектовать вооруженные силы исключительно мужчинами заявили лишь 55% респондентов в возрасте 18–24 лет (в целом по выборке данный вариант ответа отметили 68% опрошенных, среди представителей более старших возрастов — от 68 до 71%)².

Исследование ФОМ, проведенное в августе 2016 г., показало, что, по мнению 60% опрошенных в возрасте от 18 до 30 лет, современная молодежь значительно отличается даже от россиян, возрастная дистанция с которыми составляет около 10–15 лет, в первую очередь — в плане ценностей и традиций³.

Рост различий в ценностных и поведенческих установках между молодежью и представителями старших возрастов не сопровождается, однако, негативной стигматизацией молодого поколения в среде иных возрастных групп. Напротив, образ молодежи в общественном сознании трансформируется в позитивном ключе. В соответствии с результатами опроса ВЦИОМ, проведенного в августе 2020 г., за период 2014–2020 гг. доля респондентов, полагающих, что российской молодежи присуща в первую очередь агрессивность, уменьшилась с 44 до 34%. Число опрошенных, приписывающих молодому поколению цинизм, сократилось с 48 до 44%, эгоизм — с 49 до 39%, лень — с 57 до 45%, расточительность — с 57 до 51%⁴.

Таким образом, мы наблюдаем среди молодежи выраженную трансформацию ценностных и поведенческих установок, которая по своему содержанию не всегда соответствует смысловой «нагрузке» значительной части массовых представлений, обеспечивающих воспроизводство национально-государственной идентичности у более старших

поколений (вопросы, касающиеся армии и религии, мнения о свободе слова и т.д.). Симптоматично, что указанные отличия осознаются как собственно молодыми гражданами, так и представителями старших возрастов. Однако существенные расхождения в плане восприятия социально-политической реальности и обусловленные этим отличия в поведенческих стратегиях не порождают среди старших поколений острой неприязни по отношению к молодежи.

Объяснить данное противоречие можно лишь посредством обращения к вопросу о причинах трансформации ценностных установок молодежи.

Вульгарные объяснительные модели предполагают выделение в качестве определяющего влияния «вестернизации» — некритического импорта символической составляющей зарубежной культуры. Однако, по нашему мнению, данная позиция построена на абсолютизации данного фактора.

В действительности данные социологов позволяют выделить ориентацию молодежи на потребление преимущественно зарубежной культурной продукции. Однако такая модель потребительского поведения молодых россиян весьма селективна и наиболее ярко проявляет себя лишь в отдельных сегментах. В качестве наглядного ее примера можно привести данные относительно специфики кинопотребления в России. Опрос ФОМ, проведенный в ноябре 2020 г., показал, что 44% молодых респондентов предпочитают смотреть зарубежные фильмы, и лишь 10% отдают предпочтение российским. Для сравнения, в рамках всей выборки 44% опрошенных декларировали приоритетное внимание к отечественной кинопродукции, и лишь 16% заявили о преимущественном внимании к зарубежной продукции⁵.

Общеизвестно, что национально-государственная идентичность и различные ее вариации в значительной степени формируются массовой культурой. Именно это сфера деятельности генерирует большинство ценностей и смыслов, на повседневном уровне определяющих модель поведения большинства людей. Поэтому сфера массовой популярной культуры выступает в качестве своеобразного «инкубатора» лидеров общественного мнения, обладающих высоким уровнем узнаваемости на общенациональном уровне. И в данном случае необходимо констатировать существенное

¹ Теракты во Франции. URL: <https://fom.ru/Mir/14496>.

² О настоящих мужчинах. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-muzhchinakh>.

³ Молодежь о молодежи. Молодежь говорит о своих особенностях и о трудностях в жизни. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>.

⁴ Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10401>.

⁵ Кино: предпочтения россиян. Что людям нравится и что не нравится в современном российском кино. URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14491>.

влияние западных смыслов и установок поведения на повседневные идентификационные ориентиры значительного числа молодых россиян.

Однако гипотезу о том, что культурный нарратив зарубежного происхождения полностью определяет ценностную ориентацию молодежи, опровергает обращение к социологическим данным относительно восприятия российской молодежью отдельных знаковых событий национальной истории.

Например, среди представителей поколений Y и Z достаточно выражены позитивные реминисценции по поводу советского прошлого. Так, в ходе исследования ВЦИОМ, проведенного в январе 2016 г., 70% респондентов в возрасте 18–24 лет (т.е. речь идет о «зумерах», так называемой «молодой молодежи») заявили о том, что В.И. Ленин действовал в интересах общества в целом или большинства его членов. Опрос, датированный июлем 2017 г., показал, что 77% молодых опрошенных поддерживают идею создания памятных знаков, прославляющих «государственные успехи Сталина»⁶. Позитивная оценка упомянутых политических лидеров коренным образом противоречит содержанию нарратива популярной культуры «коллективного Запада», что само по себе опровергает предположение о доминирующем, своего рода «безальтернативном» влиянии импортируемой популярной культуры на систему ценностей и национально-государственную идентичность российской молодежи.

Соответственно, трансформация ценностных и поведенческих моделей молодежи обусловлена иными факторами. Согласно выдвинутой нами гипотезе в качестве движущей силы данного процесса выступает социальное самочувствие молодежи.

В ходе опроса ФОМ, проведенного в сентябре-октябре 2014 г., 56% молодых респондентов заявили о том, что представителям их поколения сложно реализовать себя в текущих условиях (в целом в рамках выборки эту позицию продекларировали 67% опрошенных). При этом чаще всего в качестве факторов, мешающих молодым людям добиться успеха в жизни, упоминались объективные обстоятельства социально-экономического характера: проблемы с трудоустройством (27%), бедность (11%), рост удельной доли коммерческого сегмента в системе образования (7%) и т.д.⁷

⁶ Ленин жил, Ленин жив, Ленин..? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=298>; Память о Сталине: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323>.

⁷ Легко или трудно живется молодым. Легко или сложно молодежи в нашей стране добиться успеха? URL: <https://fom.ru/TSennosti/11749>.

Результаты более поздних опросов также указывают на отсутствие позитивной динамики в восприятии молодежью собственного социального статуса и жизненных перспектив. В ходе исследования ФОМ, проведенного в августе 2016 г., примерно две трети респондентов в возрасте от 18 до 30 лет выразили мнение, что представителям молодежи сложно добиться успеха в жизни и реализовать себя (противоположной точки зрения придерживались 22% опрошенных). При этом наличие соответствующих барьеров в большинстве случаев участники вопроса связывали с объективными факторами социально-экономического характера (22% упомянули бедность, 9% — коррупцию и nepoтизм, 9% — расширение сегмента коммерческого образования на фоне сокращения доступности бесплатных услуг в педагогической сфере и т.д.)⁸.

В ноябре 2020 г. ФОМ был проведен опрос относительно возможностей самореализации, доступных гражданам нашей страны и жителям отдельных ее регионов. Исследование показало, что 45% молодых респондентов хотели бы переехать на территорию другого субъекта федерации (в целом по выборке этот вариант ответа выбрали 29% опрошенных). Чтобы корректно интерпретировать эти данные, необходимо учитывать качество влияния переезда в другой регион на повседневную жизнь молодого человека. В результате этого решения он утрачивает связь с привычным социальным окружением в лице родных и друзей, лишается доступа к большинству форм материальной поддержки с их стороны и оказывается в положении, когда у его сверстников из числа коренных жителей конечного пункта миграции возникают серьезные конкурентные преимущества (отсутствует необходимость в найме жилья, имеется разветвленная система связей и т.д.). Таким образом, в случае наличия приемлемых условий для жизни в регионе постоянного проживания молодой человек должен быть в целом слабо мотивирован к миграции (исключение составляют лишь особо мотивированные личности с серьезными амбициями, общая доля которых в структуре любого сообщества всегда относительно невелика). В связи с этим можно предположить, что аномально высокий уровень миграционных устремлений среди представителей молодежи обусловлен тем, что почти каждый второй представитель подрастающего поколения рассма-

⁸ Молодежь о молодежи. Молодежь говорит о своих особенностях и о трудностях в жизни. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>.

тривает условия жизни в «домашнем» регионе как неприемлемо низкие для себя. Исследование ФОМ, проведенное в октябре 2020 г., показало, что 36% молодых респондентов предпочитают «не жить одним днем» и ориентированы на будущее (в рамках всей выборки соответствующий вариант ответа отметили 25% опрошенных). Однако при этом 79% представителей молодежи заявили о том, что, по их мнению, текущая ситуация в России в принципе неблагоприятна для планирования будущего (средний показатель по выборке — 68%)⁹.

Гипотетически рост социального пессимизма как среди россиян в целом, так и среди молодежи, существенным образом подкрепляет фиксируемое социологами снижение чувства безопасности в повседневной жизни, связанное с ростом агрессии со стороны окружающих. По данным ФОМ, за период 2013–2019 гг. серьезно выросла доля граждан, сталкивавшихся в рамках бытовых ситуаций с различными проявлениями агрессии. Причем наибольший прирост этого показателя был зафиксирован в одном из наиболее материально благополучных регионов России — Москве. За обозначенный период удельная доля респондентов, сталкивавшихся за последние несколько лет с проявлениями грубости и хамства, выросла с 43 до 55% (в Москве — до 65%). Число опрошенных, сталкивавшихся с нападениями и драками, увеличилось вдвое, с 8 до 16% (в столице РФ — до 29%)¹⁰.

Исследование ФОМ, датированное октябрём 2020 г., позволило установить, что 61% респондентов расценивали устройство российского общества на тот момент как несправедливое (противоположной точки зрения придерживались 24%). При этом в случае молодежи наблюдалось наличие специфических установок. С одной стороны, ее представители рассматривали в качестве более справедливой социальную модель западноевропейских государств (воспринимаемую многими молодыми людьми как позитивный образ будущего). О более справедливом характере западноевропейского общественного устройства заявили 38% молодых респондентов (против 27% в целом по выборке). Большую справедливость российской системы социальной организации отметили 34% молодых опрошенных. В то же время 48% респондентов, относящихся к данной

возрастной группе, заявили о том, что советское общественное устройство в период 1970–1980-х гг. было более справедливым, нежели современная российская модель (противоположную точку зрения продекларировали 34% молодых опрошенных). Таким образом, существующая на данный момент модель общественного устройства в глазах молодежи по степени справедливости уступает основным альтернативам, формирующим как образ прошлого, так и систему позитивных представлений о возможном будущем¹¹.

ВЫВОДЫ

Можно резюмировать, что социальное самочувствие молодежи свидетельствует о наличии неблагоприятного психоэмоционального фона, способствующего размыванию у представителей молодого поколения ценностно-смысловых и символических оснований выстраивания национально-государственной идентичности [9–12]. Образ коллективного прошлого построен в значительной степени на идеализации советского исторического периода, символическое, политическое и социальное наследие которого представляет несомненную важность и могло бы служить одним из императивов кристаллизации общенациональной российской идентичности, но во многом отторгается российским истеблишментом. Позитивный образ коллективного будущего в сознании «миллениалов» и «зуммеров» либо отсутствует, либо подменяется представлениями о возможности заимствования западноевропейской модели или реконструкции советской системы в ее некотором модифицированном варианте. При этом парадоксально, что образ значимого другого в лице «коллективного Запада» (при всем сдержанном отношении к ценностям «западного мира») все же рассматривается значительной частью российской молодежи как более положительный именно с точки зрения обеспечения социальной справедливости.

Таким образом, сохранение негативного тренда социального самочувствия молодежи способствует дисфункции системы массовых представлений, обеспечивающих устойчивость и воспроизводство национально-государственной идентичности. В перспективе данная ситуация будет неизбежно способствовать дальнейшему усилению кризисной динамики существующей модели национально-государственной идентичности.

⁹ Планы на будущее. Об уверенности в завтрашнем дне и пользе долгосрочных планов. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483>.

¹⁰ Чувство безопасности. Об ощущении безопасности в темное и светлое время суток и о самых опасных местах. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14291>.

¹¹ Справедливость и несправедливость. Справедливо ли устроено наше общество? Как часто люди сталкиваются с несправедливостью? URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лубский Р.А. Проекты nation-building и формирование национально-государственной идентичности в России. *Социально-гуманитарные знания*. 2014;(7):35–41.
2. Герштейн И.З., Казаков М.А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016;(6):36–42.
3. Евгеньева Т.В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России. *Ценности и смыслы*. 2012;(5):27–36.
4. Замараева Е.И. Проблема национальной идентичности в условиях глобализации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2013;(3):129–136.
5. Регнацкий В.В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015;(1):39–46.
6. Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России. *Власть*. 2017;(1):5–11.
7. Кашаф Ш.Р. Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического сообщества России: крымский казус. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014;(2):64–71.
8. Edelman M. Myths, metaphors and political conformity. *Psychiatry*. 1967;(3):217–228.
9. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. The psychology of intergroup relations. Chicago: Hall Publishers; 1986.

REFERENCES

1. Lubsy R.A. Projects nation-building and the formation of national-state identity in Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2014;(7):35–41. (In Russ.).
2. Gershtein I.Z., Kazakov M.A. National-state identity: historical evolution of models and modern typology. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2016;6:36–42. (In Russ.).
3. Evgenieva T.V. Historical memory and national-state identity in modern Russia. *Tsennosti i smysly = Values and meanings*. 2012;(5):27–36. (In Russ.).
4. Zamaraeva E.I. The problem of national identity in the context of globalisation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2013;(3):129–136. (In Russ.).
5. Regnatsky V.V. National-state identity in Russia: A Theoretical Model of Learning. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2015;(1):39–46. (In Russ.).
6. Komarovskiy V.S. Poverty and inequality as challenges to national-state identity and the formation of the civil nation of Russia. *Vlast' = Power*. 2017;(1):5–11. (In Russ.).
7. Kashaf Sh.R. Multisubjective construction of national-state identity in the new borders of the political community of Russia: Crimean incident. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*. 2014;(2):64–71. (In Russ.).
8. Edelman M. Myths, metaphors, and political conformity. *Psychiatry*. 1967;(3):217–228.
9. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour. The psychology of intergroup relations. Chicago; 1986.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Валериевич Титов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
VVTitov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victor V. Titov — Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University Moscow, Russia
VVTitov@fa.ru

Статья поступила 25.03.2021; принята к публикации 10.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.03.2021; accepted for publication on 10.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-33-38
УДК 321.022(045)

Позиционирование событий Великой Отечественной войны в рамках государственной политики памяти: проблемы и перспективы

П. С. Селезнёв^а, Д. В. Александров^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия; ^б Хоккейный клуб ЦСКА, Москва, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7014-8516>

АННОТАЦИЯ

В рамках данного исследования решается задача выявления недостатков в действующей модели позиционирования событий Великой Отечественной войны на государственном уровне в ключе оценки перспектив ее развития. Методология данной работы сформирована за счет сочетания дескриптивного анализа и вторичной обработки данных массовых опросов ведущих социологических агентств России. Теоретический фундамент исследования выстроен за счет интеграции концепций социальной памяти Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Рикера и Я. Ассмана. Авторы приходят к выводу, что действующая модель мемориального позиционирования событий Великой Отечественной войны государством выстроена без учета ряда фундаментальных закономерностей формирования социальной памяти в контексте воспроизводства и сохранения национально-государственной идентичности. Базовые символы, детерминирующие пространство мемориального нарратива, могут позиционироваться принципиально отличным образом в зависимости от контекста повествования и специфики политической конъюнктуры. Важнейшее противоречие заключается в декларации массового героизма и выдающихся достижений народа на фоне негативного позиционирования существовавшего социально-политического строя. Таким образом, все достижения и завоевания нивелируются посредством негативного контекста, в рамках которого описываются предшествующие и последующие события. На стратегическом уровне фиксируется отсутствие рефлексии в отношении ожидаемой в среднесрочной перспективе смены форматов трансляции мемориального нарратива.

Ключевые слова: политика памяти; государственная политика; Великая Отечественная война; проблемы; перспективы; позиционирование

Для цитирования: Селезнёв П. С., Александров Д. В. Позиционирование событий Великой Отечественной войны в рамках государственной политики памяти: проблемы и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):33-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-33-38

ORIGINAL PAPER

Positioning the Events of the Great Patriotic War in the Framework of the State Policy of Memory: Problems and Prospects

P.S. Seleznev^а, D.V. Alexandrov^б

^а Financial University, Moscow, Russia; ^б Hockey club CSKA Moscow, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7014-8516>

ABSTRACT

Within the framework of this study, the problem of identifying shortcomings in the current model of positioning the events of the Great Patriotic War at the state level is being solved in terms of assessing the prospects for its development. The methodology of this work is formed through a combination of descriptive analysis and secondary processing of data from mass surveys of leading sociological agencies in Russia. The theoretical foundation of the research is built by integrating the concepts of social memory by Durkheim, M. Halbwachs, P. Riker and J. Assmann. The authors concluded that the current model of the memorial positioning of the events of the Great Patriotic War by the state is built without considering some fundamental laws of the formation of social memory in the context of reproduction and preservation of national-state identity. The basic symbols that determine the space of the memorial narrative can be positioned fundamentally, depending on the context of the narrative and the specifics of the political situation. The most important

contradiction is manifested in the declaration of mass heroism, and outstanding achievements against the background of the negative positioning of the socio-political are levelled through the negative context within which the previous and subsequent events are described. There is a lack of reflection on the expected change in the broadcast formats of the memorial narrative in the medium term at the strategic level.

Keywords: politics of memory; state policy; Great Patriotic War; problems; prospects; positioning

For citation: Seleznev P.S., Alexandrov D.V. Positioning the events of the Great Patriotic war in the framework of the state policy of memory: Problems and prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):33-38. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-33-38

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день национальная история выступает в качестве одного из наиболее значимых ресурсов выстраивания и воспроизводства национально-государственной идентичности россиян. И в то же время ключевую роль в структуре мемориального нарратива, генерируемого как государством, так и прочими мнемоническими акторами, играет событийный ряд, связанный с историей Великой Отечественной войны.

Исследование ВЦИОМ, датированное июнем 2020 г., позволило установить, что, по мнению 95% респондентов, победа в Великой Отечественной войне является главным событием российской истории в XX в. Более того, почти 70% участников опроса обозначили ее как важнейшее событие в отечественной истории¹.

В ходе массового опроса, проведенного по заказу Левада-центра в ноябре-декабре 2018 г., было установлено, что именно победа в Великой Отечественной войне является для совершеннолетних россиян главным основанием для гордости за свою национально-государственную идентичность. Соответствующий вариант ответа выбрали 87% респондентов. Для сравнения, возвращение Крыма в состав РФ упомянули 45% опрошенных, а восстановление экономического потенциала России в период правления В.В. Путина — 18%².

Результаты социологического исследования, проведенного ВЦИОМ в июне 2016 г., также указывают на то, что самым значимым поводом для гордости за свою идентичность для россиян является национальная история (соответствующий ответ дали 90% респондентов). Для сравнения, высокие достижения в спорте в качестве повода

для гордости обозначили 75% опрошенных, положение России на международной арене — 72%.

Гипотезу о том, что именно высокая оценка вклада народов Советского Союза в разгром держав «оси» является в настоящее время одним из главных обоснований престижного характера российской идентичности, подтверждают и результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в июне 2016 г. 81% участвовавших в нем респондентов придерживались мнения, что СССР внес решающий вклад в победу Объединенных Наций. 67% опрошенных декларировали точку зрения, согласно которой Советский Союз мог победить державы «оси» без помощи союзников³.

При этом в последние годы социологи фиксируют существенный рост вовлеченности россиян в мемориальные торжества, связанные с событиями Великой Отечественной войны. По данным ВЦИОМ, за период 2012–2018 гг. доля россиян, декларирующих готовность принять участие в праздновании Дня Победы, увеличилась с 37 до 55%. В 2010–2018 гг. число опрошенных, сообщавших о присутствии на Парадах Победы, выросло в 2,5 раза, с 10 до 25%. В 2014–2018 гг. доля респондентов, посетивших встречи с ветеранами, выросла с 30 до 45% от общего объема выборки. За тот же период число опрошенных, посещавших места боевой славы и музеи, посвященные истории Великой Отечественной войны, увеличилось более чем в 2 раза (с 30 до 61%)⁴.

Таким образом, данные количественных исследований российских социологов (включая результаты изысканий структур, официально признанных иностранными агентами) подтверждают особую роль событий Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян и доминирующее положение соответствующего мемориального нарратива

¹ Великая победа — главное событие в истории нашей страны в XX веке. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10339>.

² Национальная идентичность и гордость. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>.

³ День памяти и скорби: 75 лет с начала. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=346>.

⁴ День Победы: сохраним память о подвиге! URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9082> (дата обращения: 12.02.2021).

в качестве ресурса построения национально-государственной идентичности граждан РФ.

Однако анализ практик мемориального позиционирования с точки зрения базовых объяснительных моделей политики памяти, как и данные социологических исследований, указывают на наличие ряда противоречий, выступающих источником генерации системно значимых проблем.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Обращаясь к вопросу об изъянах в действующей на государственном уровне модели позиционирования событий Великой Отечественной войны, в первую очередь необходимо отметить противоречивый характер продвигаемого мемориального нарратива, точнее — сочетания в его рамках зачастую прямо противоположных версий интерпретации прошлого.

Как было отмечено Э. Дюркгеймом, присущая социальной корпорации память о событиях, совместно пережитых ее представителями, выступает не только в качестве фактора, детерминирующего специфику восприятия носителем конкретной идентичности окружающего мира, но и в роли регулирующего его поведение инструмента. Обеспечить реализацию этой функции можно лишь при одном условии: как и в случае с ценностями, нормами морали и этики, общая память должна носить универсальный характер. Последнее предполагает необходимость «мемориального конформизма»: члены социальной корпорации должны помнить либо предавать забвению факты в ключе единой концепции [1, 2].

Данный тезис получил развитие в работах М. Хальбвакса, пришедшего к выводу о существовании мемориальных рамок и «фигур памяти». Первые представляют собой дискурсивные практики, задающие характер восприятия того или иного исторического события либо личности. Сущность вторых заключается в символических образах, обладающих связью с конкретными личностями деятелей прошлого и характеризующихся посредством наличия определенной хронологической и топографической локализации. При этом «фигура памяти» в обязательном порядке обладает ценностным наполнением, воплощая собой одобряемые либо порицаемые обществом модели поведения. В качестве конкретного примера мемориальных рамок можно привести негласный запрет на обсуждение допустимости сдачи Ленинграда немецким войскам. Наглядной иллюстрацией «фигуры памяти» может служить «дом Павлова» в Сталинграде [3].

Эта концепция получила развитие в трудах П. Рикера, акцентировавшего внимание на том, что в процессе реконструкции картины прошлого социальная память вынужденным образом упрощается. Лакунарность и фрагментарность исторических источников, как и обстоятельства их происхождения (включая личность создателей), приводят к формированию нескольких версий событий прошлого, зачастую избилующих пробелами и искажениями. Как правило, массовая аудитория отрицательно воспринимает попытки одновременной трансляции противоречащих вариантов мемориального нарратива, выбирая одну из полярных точек зрения. При этом сторонники конкретной концепции зачастую воспринимают ее как абсолютную истину: история в их глазах интерпретируется сквозь призму конкретной системы ценностей либо авторитета лидеров общественного мнения или кровного родственника — очевидца или современника описываемых событий. «Верующие» в определенную концепцию интерпретации фактов прошлого формируют сообщества единомышленников (что порождает усиливающий эффект «эхо-камеры») и вступают в публичную полемику со сторонниками противоположной точки зрения, что провоцирует возникновение мемориального конфликта и раскол в обществе. В результате ведущие мнемонические акторы вынуждены упрощать образ прошлого, оставляя дискуссии относительно реально имевших место противоречиях представителям экспертного сообщества [4].

Однако в рамках официального государственного нарратива в России история Великой Отечественной войны зачастую подается в противоречивом ключе: либо напрямую, либо в контексте истории смежных периодов.

Ярким примером в данном случае может служить позиционирование победы в войне вопреки существовавшей на тот период общественно-политической системе. Последнее чаще всего предполагает стигматизацию соответствующих управленческих, социальных и ценностных моделей на символическом уровне. Таким образом, негативное позиционирование зачастую достигает уровня, при котором антиобраз советской системы может вызвать у аудитории большее отторжение, чем транслируемая система представлений о нацистской Германии.

В результате реципиентам мемориального нарратива предлагается версия прошлого, в рамках которой граждане СССР, подавляемые одним тоталитарным режимом, вели борьбу против другой диктатуры, чтобы после победы подвергнуться новым репрессиям. Последнее предполагает не

только косвенную девальвацию значения победы над Третьим рейхом, но и разрушает структурное единство ее символов. Описываемая модель мемориального нарратива предполагает, что накануне Великой Отечественной войны советские граждане массово игнорировали политические репрессии из страха подвергнуться наказанию либо прямо или косвенно участвовали в организации политического террора. Но уже через несколько лет те же люди (опять же — в массовом порядке) начали проявлять примеры героического поведения под руководством исторических деятелей, обозначаемых ранее в качестве организаторов и бенефициаров «большого террора». Таким образом, одни и те же субъекты позиционируются при помощи принципиально отличных, прямо противоположных по содержанию архетипов.

При этом данные социологических опросов указывают на то, что большая часть целевой аудитории воспринимает официальный исторический нарратив селективно, отсеивая противоречащие друг другу факты в ключе единой концепции.

В качестве подтверждения этого тезиса можно сослаться на данные двух опросов, организованных ВЦИОМ в июне-июле 2017 г. Первое исследование показало, что 90% опрошенных осведомлены о сталинских репрессиях, причем 68% респондентов оценили их как несправедливые, а 49% заявили об отсутствии оправдания у действий организаторов данного процесса⁵. Однако всего через месяц 62% участников опроса высказались за размещение в публичном пространстве памятников, посвященных достижениям И.В. Сталина (этот вариант ответа также выбрали 77% молодых респондентов). Параллельно 65% опрошенных заявили о негативном отношении к идее установки мемориальных знаков, указывающих на неудачи или преступления советского вождя⁶.

Можно предположить, что последнее обусловлено совокупным воздействием трех факторов. Во-первых, элементы отрицательного позиционирования символики, связанной с победой в Великой Отечественной войне, неизбежно вызывают отторжение у значительной части россиян, поскольку героический эпос о событиях 1941–1945 гг. является одним из главных источников их ингруппового фаворитизма и важнейшим основанием воспроизводства национально-госу-

дарственной идентичности. Его деконструкция равнозначна утрате для большого числа граждан РФ привычной модели самоопределения. Во-вторых, исторические символы советской эпохи могут восприниматься позитивным образом и вне контекста соответствующей идеологии. В частности, образ И.В. Сталина может восприниматься в качестве «красного монарха» или «человека, прекратившего гонения на церковь». В-третьих, важно помнить и о существовании разных вариаций интерпретации сущности политических репрессий 1930-х гг. В частности, среди ряда правых публицистов пользуется популярностью гипотеза о том, что «большой террор» носил контрреволюционный характер: якобы И.В. Сталин разочаровался в марксизме и принял решение вернуться к «нормальной» модели общественно-политического устройства, что требовало уничтожения большей части руководства ВКП(б). Равным образом в широких слоях населения бытует точка зрения, что политические репрессии носили преимущественно характер антиэлитного террора, что на фоне высокого уровня социально-экономической дифференциации и выраженного запроса на справедливость в российском обществе способствует росту симпатий к советскому лидеру.

Отторжение значительной части официального мемориального нарратива (преимущественно связанной с освещением темы политических репрессий) можно одновременно расценивать и в позитивном, и в негативном ключе. С одной стороны, широкие массы населения демонстрируют приверженность позитивной символике Великой Отечественной войны, что свидетельствует о высокой степени устойчивости их национально-государственной идентичности. С другой стороны, отрицание официальных трактовок событий прошлого указывает на низкую эффективность государственной политики памяти и служит косвенным подтверждением подрыва авторитета публичных властей на поле политики памяти.

Источником проблем потенциально может стать и относительно слабый интерес государства к новым ресурсам формирования образа прошлого в рамках культурной памяти. Как было отмечено М. Хальбваксом и Я. Ассманом, внутри социальной памяти можно выделить два компонента — коллективный и культурный. Сегмент коллективной памяти охватывает события недавнего прошлого, удаленные от текущего момента на период 80–90 лет. Память сообщества о соот-

⁵ Сталинские репрессии: преступление или наказание? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301>.

⁶ Память о Сталине: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323>.

ветствующих событиях формируется преимущественно за счет личных событий современников и очевидцев и транслируется по принципу «от одного к одному». События, относящиеся к сегменту коллективной памяти, всегда имеют для общества особое значение в силу эмпатии между кровными родственниками, выступающими в качестве акторов мемориальной коммуникации. Авторитет родственников и привязанность к ним служат дополнительной гарантией убежденности носителя памяти в достоверности представленной ему картины прошлого. Коллективную память могут дополнять другие форматы репрезентации реалий прошлого, однако ключевую роль в их оценке играют все же позиции, декларируемые родственниками-современниками. События, лежащие за границей периода 80–90 лет, относятся к культурной истории, нарратив которой создается экспертами, обладающими специальными навыками: учеными-историками, кинематографистами, писателями и т. д. Именно переход события в зону культурной памяти создает наиболее благоприятные условия для его переоценки, поскольку с этого момента точка зрения современников перестает играть определяющую роль. Одновременно формируются условия, позволяющие максимально унифицировать мемориальный нарратив, содержание которого уже не детерминируется на микросоциальном уровне историей каждой конкретной семьи [3, 5].

В настоящее время позиционирование событий Великой Отечественной войны приближается к границе мемориального перехода. Уже в среднесрочной перспективе именно акторы, работающие в сегменте культурной памяти, начнут определять характер восприятия соответствующего нарратива. При этом возникнет «окно возможностей», связанное с включением в активную социальную жизнь поколения россиян, обладающих специфической культурой медиапотребления и досуга. Можно ожидать снижения значимости таких ресурсов формирования представлений о прошлом, как российский кинематограф и телевидение, а также научная и научно-популярная литература. В то же время, вероятнее всего, вырастет значимость ресурсов социальных медиа (отдельно необходимо выделить такое направление деятельности, как обзоры на продукцию других сфер массовой культуры), видеоигр и комиксов. В пользу этого свидетельствуют результаты трансформации каналов распространения мемориального нарратива в государствах Западной Европы, Северной Амери-

ки и Восточной Азии, прежде России вступивших в период «цифровизации культуры» [6, 7].

Также можно ожидать закрепления и развития новых форм мемориального повествования в мемориальной культуре. На это указывает устойчивый рост популярности как внутри России, так и на международной арене произведений массовой культуры, построенных вокруг допущения возможности путешествий в прошлое либо перемещения исторических персонажей в пространстве и времени. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести популярные в России литературные произведения о хронопутешественниках («попаданцах»), переместившихся из современной эпохи в период Великой Отечественной войны (О. Таругин, «Если вчера война»; В. Конюшевский, цикл «Попытка возврата»; Ю. Валин, «Выйти из боя. Контрудар из будущего»; А. Конторович, цикл «Черные бушлаты») или продукцию японской массовой культуры в жанре «исторический исекай» [8].

Упомянутые выше риски и возможности до сих пор остаются неотрефлексированными на уровне государственных стратегий, что потенциально несет в себе угрозу для внутривнутриполитической стабильности и внешней безопасности России.

ВЫВОДЫ

Существующая на сегодняшний день на государственном уровне модель мемориального позиционирования событий Великой Отечественной войны характеризуется игнорированием ряда базовых закономерностей формирования социальной памяти в контексте воспроизводства и сохранения национально-государственной идентичности. Ключевые символы, формирующие пространство мемориального нарратива, могут позиционироваться принципиально отличным образом в зависимости от контекста повествования. Ключевое противоречие заключается в декларации массового героизма и выдающихся достижений на фоне стигматизации социально-политического строя и продуцируемых им поведенческих моделей. Помимо того, смысл борьбы с агрессором и значение победы над ним размываются и нивелируются за счет негативного контекста, в рамках которого описываются предшествующие и последующие события. Помимо того, на стратегическом уровне наблюдается отсутствие рефлексии в отношении ожидающейся в среднесрочной перспективе смены форматов трансляции мемориального нарратива (как в технологическом, так и методологическом планах).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука; 1991.
2. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений. Пер. с фр. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН; 1996.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. Новое издательство; 2007.
4. Рикер П. Память. История. Забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы; 2004.
5. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры; 2004.
6. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013;(4):106–122.
7. Федорченко С.Н., Тедиков Д.О., Теслюк К.В., Маркарян Р.А. Фактор компьютерных игр в реализации политики памяти. *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2020;(3):39–47.
8. Фрумкин К.Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти. *Историческая экспертиза*. 2016;(4):21–23.

REFERENCES

1. Durkheim E. On the division of social labor. *Sociology method*. M.; 1991. (In Russ.).
2. Durkheim E., Moss M. On some primitive forms of classification. Towards the study of collective representations. *Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii = Society. Exchange. Personality: Works on social anthropology*. M.; 1996:31–35. (In Russ.).
3. Halbwachs M. Social framework of memory. M.; 2007. (In Russ.).
4. Riker P. Memory. Story. Oblivion. M.; 2004. (In Russ.).
5. Assman J. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. M.; 2004. (In Russ.).
6. Achkasov V.A. "The politics of memory" as a tool for building post-socialist nations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;(4):106–122. (In Russ.).
7. Fedorchenko S.N., Tedikov D.O., Teslyuk K.V., Markaryan R.A. The factor of computer games in the implementation of the memory policy. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole = Teaching history and social studies at school*. 2020;(3):39–47. (In Russ.).
8. Frumkin K.G. Alternative historical fiction as a form of historical memory. *Istoricheskaya ekspertiza = Historical expertise*. 2016;(4):21–23. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Сергеевич Селезнёв — доктор политических наук, доцент, профессор Департамента политологии, первый заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
pseleznev@fa.ru

Дмитрий Валерьевич Александров — Советник министра физической культуры и спорта Московской области, Советник президента Хоккейного клуба ЦСКА, Член Попечительского совета регби-клуба ЦСКА, Москва, Россия
Dima007@me.com

ABOUT THE AUTHORS

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, the First Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
pseleznev@fa.ru

Dmitry V. Alexandrov — Adviser to the Minister of Physical Education and Sport of the Moscow region, Counselor of the President of the Hockey Club CSKA, Member of the Board of Trustees of the CSKA Rugby Club, Moscow, Russia
Dima007@me.com

Статья поступила 25.03.2021; принята к публикации 10.04.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.03.2021; accepted for publication on 10.04.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-39-46
УДК 325.252(045)

Русский язык в социолингвистическом пространстве Германии как объект государственной языковой политики России

Е.В. Бестаева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

АННОТАЦИЯ

Русский язык в Германии сегодня изучают около 110 тыс. чел., немецкий в России – почти 2 млн. Очевидное противоречие состоит в том, что, если этнические немцы не составляют доминирующую неавтохтонную группу населения России, то русский язык в Германии – однозначно один из самых распространенных среди жителей и граждан страны, имеющих иммигрантское происхождение. По некоторым данным он занимает даже лидирующую позицию в этом сегменте. Его популяризация может (и должна) служить сохранению этноязыковой идентичности русскоязычного сообщества за границей. Русский язык – эффективный инструмент «мягкой силы» российской политики за рубежом, способствующий созданию/сохранению привлекательного имиджа России на международной арене, налаживанию экономических, академических и этнокультурных связей, конструированию комфортного поля обмена объективной информацией, развитию «русского мира» в его сегодняшнем масштабном понимании. В чьей зоне ответственности должно находиться решение актуальных проблем в этой области? Ответ, на взгляд автора, однозначен. Успех усилий, предпринимаемых общественными и научными организациями наших государств, реализация проектов, инициированных образовательными учреждениями и официальными органами Германии в рамках международного сотрудничества, должны быть не просто поддержаны, а в значительной степени обеспечены российской стороной.

В статье дается актуальная оценка роли русского языка и русскоязычного сообщества в социально-политическом пространстве Германии в русле образовательных, интеграционных, электоральных и иных процессов, деятельности отдельных акторов в стремлении переломить пугающую тенденцию утраты русского языка и российских культурных традиций за пределами РФ, проблемы и перспективы развития внешнего направления современной российской языковой политики

Ключевые слова: языковая политика; русский язык; государственный язык; языки мигрантов; «мягкая сила»; «русский мир»; этноязыковая идентичность

Для цитирования: Бестаева Е.В. Русский язык в социолингвистическом пространстве Германии как объект государственной языковой политики России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):39-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-339-46

ORIGINAL PAPER

Russian Language in German Socio-linguistic Space as an Object of Russian Language State Policy

E.V. Bestaeva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

ABSTRACT

Today about 110 thousand people are learning Russian in Germany, and almost 2 million people are learning German in Russia. The apparent contradiction is that if ethnic Germans do not constitute the dominant non-autochthonous group in Russia, then Russian in Germany is definitely one of the most widespread languages among the residents and citizens of immigrant origin. According to some sources, it even takes the leading position in this segment. Its popularisation can (and should) serve to preserve the ethnolinguistics identity of the Russian-speaking community abroad. The Russian language is undoubtedly an effective instrument of 'soft power' in Russian policy abroad, contributing to the creation/preservation of an attractive image of Russia in the international arena, the establishment of economic, academic, and ethnocultural relations, the construction of a comfortable field of objective information exchange, the development

of the 'Russian world' in its current large-scale understanding. The answer, in the author's opinion, is unequivocal. The success of efforts undertaken by public and academic organisations of our states; the implementation of projects initiated by German educational institutions and official institutions in the framework of international cooperation should not only be supported but to a large extent ensured by the Russian side. The article gives an up-to-date assessment of the role of the Russian language and Russian-speaking community in the sociopolitical space of Germany in the course of education, integration, electoral and other processes, the activities of certain actors in striving to reverse the frightening trend of losing Russian language and Russian cultural traditions outside Russia, the problems and prospects of the external direction of contemporary Russian language policy.

Keywords: language policy; Russian language; state language; languages of migrants; "soft power"; "Russian world"; ethnolinguistic identity

For citation: Bestaeva E.V. Russian language in German socio-linguistic space as an object of Russian language state policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):39-46. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-39-46

Продвижение собственного государственного (и/или автохтонных языков страны) за рубежом — один из лучших способов сохранить свои позиции на международной арене, преумножить влияние, обеспечить благожелательное отношение жителей иного государства к своему. Сколько бы ни говорили о несущественности для России имиджа в международном пространстве, о трудности донести свои взгляды в обстановке негативных оценок на всевозможных информационных платформах, работа в этом направлении, несомненно, должна продолжаться. И одной из крупных целевых аудиторий в таком случае становятся русскоговорящие иностранцы, часть того самого «русского мира», часто довольно серьезно влияющая на внутреннюю и внешнюю политическую повестку их новой родины.

Родной язык [в традиции многих языков — материнский (mother tongue — в английском, Muttersprache — в немецком и т.д.)], как правило, остается нашим главным средством коммуникации, равно как и воплощением тысячелетнего ментального и культурного опыта этносоциальной общности. Но, как справедливо отмечает академик В.А. Тишков, выбор языка все же определяется «рациональными мотивами индивида» [1, с. 129], особенно сегодня, когда глобальный мир стирает коммуникативные, профессиональные и культурные границы. До сегодняшнего дня в этот список включаются и этнические, но некая парадоксальность ситуации заключается в том, что при триумфальном шествии глобализации запрос на этнокультурное самосознание только растет. К сожалению, одним из подтверждений тому являются бесчисленные межэтнические конфликты. В условиях мирного сосуществования в рамках единого государства и правового поля граждане с гордостью причисляют себя к определенной этнической общности

и сохраняют в этих рамках свою этноязыковую идентичность. Важность этого признает и мировое политическое сообщество, поддерживая, к примеру, программы по сохранению и развитию малых языков на международном, государственных и региональных уровнях.

Одним из таких событий стало провозглашение ЮНЕСКО 2019 г. Международным годом языков коренных народов. Привлекает внимание тот факт, что, согласно данным организаторов, больше всего мероприятий на территории ФРГ в рамках Года были посвящены популяризации языков народов американского континента — майя, а также автохтонных языков Бразилии и Мексики (https://en.iyil2019.org/events/?ending_date_and_time=today).

Подобный опыт наталкивает на мысль, почему в рамках таких проектов столь скупо представлены в Германии, к примеру, интересы русскоязычного сообщества и русского языка как самостоятельной социополитической единицы? С этой точкой зрения можно не согласиться, сославшись на форматы мероприятий и прочее. Но, может быть, следует использовать максимум возможностей в продвижении интересов собственного этноязыкового сообщества на международном уровне, двигаясь в русле таких «демократичных» тенденций?

Не секрет, что для того, чтобы язык перестал существовать, достаточно не использовать его всего в четырех поколениях. Конечно, речь не идет о вымирании крупных языков, языков с государственным статусом. Однако столь печальный вывод напрямую касается жизни языка (а с ним и национального самосознания, понимания принадлежности к коренной культуре) в среде населения с так называемым «мигрантским фоном».

Одно из исследований в Германии, еще десятилетней давности, было посвящено этому вопросу. Судя по результатам, решающее значение имеет

тот фактор, к какому именно поколению мигрантов относится человек, и, если речь идет о представителе молодой генерации, в каком возрасте он попал в новую культурно-языковую ситуацию. Было выявлено, что дети, чей родной язык — русский, приехавшие в Германию из России и стран бывшего Советского Союза в возрасте от 0 до 10 лет, даже с друзьями из русскоговорящих семей общаются по-немецки и лишь изредка по-русски. Для тех, кто сменил страну проживания в возрасте от 11 до 17 лет, русский язык является однозначно более значимым, именно его указывают как родной и демонстрируют уверенное владение (чему способствовали годы обучения в прежних, русскоязычных, школах). Хотя, безусловно, он остается лишь языком бытового общения [2, с. 125].

Тогда же был проведен опрос группы молодых людей 15–18 лет, прибывших с родителями в Германию в возрасте от 0 до 12 лет. Примечательно, что все они в качестве родного указали русский (иногда в качестве второго родного — и немецкий). На вопрос о важности для них владения русским все ответили в диапазоне «важно» и «очень важно». Практически все сошлись во мнении, что обязательно будут учить русскому собственных детей. 100% опрошенных заявили, что гордятся тем, что знают русский язык. Около 90% заявили, что не считают некомфортным для себя разговаривать на русском в общественных местах [2, с. 110].

При этом, несмотря на очевидный интерес к сохранению русского языка в семье, тенденция к монолингвальности в пользу немецкого очевидна, даже несмотря на высокий процент браков внутри русскоговорящей общины [2, с. 126].

Важность сохранения родных языков, в том числе языков мигрантов, равно как и необходимость участия в этом самых разных структур исконного и принимающего государств, часто подчеркиваются в современном политическом дискурсе.

Есть и другое мнение, прямо противоположное этому, но отлично аргументированное. Языки мигрантов часто не являются автохтонными для принимающего государства, хотя на них могут говорить и миллионы жителей, и сотни тысяч граждан. Они — колоссальный коммуникативный ресурс, но не часть культурного наследия государства. Напомним, русский — один из самых распространенных языков современной Германии, по разным данным — второй после немецкого или третий после немецкого и турецкого. Но русский, турецкий, фарси, польский, французский, итальянский, греческий, арабский, урду и десятки других — языки населения

Германии, имеющего мигрантское происхождение. Эти языки не равны в правах с государственным немецким и автохтонными языками и диалектом (в Германии — фризские языки, датский, сорбский, языки синти и рома, нижненемецкий диалект). На региональном уровне предпринимаются значительные усилия по сохранению, документированию и популяризации последних, но, с точки зрения профессора Бернда Мейера, стало бы политическим самоубийством распространять те же усилия и на языки мигрантов. Уж лучше считать исчезновение или снижение роли языков мигрантов неким сопутствующим фактором в поддерживаемом на государственном уровне изучении и использовании немецкого языка [3, с. 191].

Защита и развитие языков мигрантов именно при поддержке принимающего государства или региональных властей совершенно нецелесообразны. Согласитесь, довольно резкое суждение. На мой взгляд, вполне справедливое, хотя довольно часто, на общей волне толерантности к многообразию, и подвергается критике.

Столь же объяснимо и стремление в российских субъектах «развивать свои национальные языки и культуры с акцентом на региональной языковой проблематике» [4, с. 51], в сотрудничестве с государственными органами или вопреки не всегда продуманным официальным решениям, в том числе, приводящим к протестным настроениям. Более того, в эту логику прекрасно укладывается концепт главного европейского документа по защите малых языков — Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, принятой в Страсбурге еще в 1992 г. и вскоре ратифицированной в Германии. Интересы носителей неавтохтонных языков в ней не учитываются.

Соответственно, возникают 3 основных вопроса:

1. Нуждается ли государство, чьи граждане и/или их потомки в разном официальном статусе проживают за пределами его территории, в сохранении и продвижении собственного государственного или автохтонных языков за границей?

2. Кто ответственен за сохранение и популяризацию государственного или собственных коренных языков за пределами страны?

3. Возможно ли использовать родной язык (речь в данном случае идет о русском) в качестве «мягкой силы», сохраняющей традиции и умножающей влияние «русского мира» на международной арене?

Вопросы не праздные. Рассмотрим их на конкретном примере ситуации в современной Германии. Так называемые «русские немцы» (этнические

немцы из России и других государств постсоветского пространства) и представители еврейской общины в Германии — основная русскоязычная группа в ФРГ.

По данным Федерального административного ведомства ФРГ, около 2,4 млн переселенцев и поздних переселенцев приехали из стран бывшего СССР в Германию в период 1959–2019 гг. (https://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Buerger/Migration-Integration/Spaetaussiedler/Statistik/Zeitreihe_1950_2019.pdf?__blob=publicationFile&v=5). В 90-е гг. около 200 тыс. так называемых контингентных беженцев (Kontingentflüchtlinge) еврейской национальности переехали в Германию в рамках Программы помощи людям из кризисных регионов [5, с. 131]. Подавляющее большинство — из России и Украины.

Согласно годовому отчету Федеральной статистической службы за 2019 г., примерно 7% населения Германии с мигрантским происхождением составляют выходцы из России. Эта цифра значительна уже сама по себе [первые две строчки занимают Турция (14%) и Польша (11%)]. Стоит отметить, что на пятом месте — переселенцы из Казахстана (6%) [6, с. 45], естественно, в массе своей тоже русскоязычные. То есть, как минимум 13% жителей Германии, имеющих иммигрантские корни, исконно русскоязычны. И это, не учитывая переселенцев из Украины, Белоруссии и других стран постсоветского пространства. В абсолютных цифрах это около 3,5 млн чел., большинство — из России, Украины и Казахстана [7, с. 137–138].

Оценить же на текущий период количество фактически русскоговорящих нелегко. Их, по разным оценкам, от 3 до 6 млн. Последняя цифра внушает оптимизм, но не доверие. Она включает и тех, кто изучал русский в разные периоды и в разном объеме. Исходя из всех обстоятельств и соглашаясь с мнением пресс-службы Федерального объединения исследователей миграционных процессов, около 3 млн жителей Германии можно уверенно причислить к русскоязычному сообществу (<https://mediendienst-integration.de/artikel/wie-viele-russischsprachige-leben-in-deutschland.html>). И даже такой пессимистичный прогноз представляет нам социальную группу, составляющую примерно 3,5% от населения страны.

Стоит отметить, что эта группа отличается очень высоким процентом наличия гражданства Германии, что позволяет 1,5 миллионам выражать свои предпочтения на выборах и влиять на политическую карту новой родины. При этом электоральная активность на выборах в Германии в общем

и в различных возрастных группах в частности, существенно выше и стабильнее, чем, к примеру, в соседней Франции или Великобритании [8, с. 192]. Позволю себе короткую иллюстрацию.

Граждане Германии с советскими и постсоветскими корнями в большинстве своем стабильно голосовали за христианских демократов. Это корректно и для сегодняшнего дня, однако с явной тенденцией к снижению. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) уже довольно давно не пользуется большой популярностью у наших бывших соотечественников. Левая партия набрала вес на выборах 2017 г., а 15% голосов русскоговорящих избирателей [что выше, чем в целом по стране (12,6%)] было отдано за «Альтернативу для Германии» (<https://www.initiative-quorum.org/de/themen/details/wer-sind-die-russischsprachigen-waehlerinnen-in-deutschland.html>), партию правую (в иной интерпретации — ультраправую), евро-скептическую, консервативную. Последнее обстоятельство нашло широкий отклик в немецкой прессе. Равно как и то, что два российских немца стали депутатами немецкого Парламента от «Альтернативы для Германии» (справедливости ради отмечу, что немецкая пресса наряду с этим не забывает и о русскоговорящих депутатах от других партий). Отмечались особые успехи «Альтернативы для Германии» именно в районах с высокой степенью концентрации выходцев из стран постсоветского пространства. Причинами тому (действительными или надуманными — вопрос спорный) часто объявляется чувство неприятия (несмотря на значительный период пребывания в Германии и официального признания) членов этой социальной группы со стороны германского общества и их антимигрантские настроения.

Что касается последнего, то фоном служат противоречия германской миграционной политики, колеблющейся от благоприятной к переселенцам новой волны (СДПГ), лояльно-агрессивной (ХДС/ХСС), вплоть до агрессивной в случае «Альтернативы для Германии» [9, с. 264].

Рассуждая о русскоговорящем сообществе, хотелось бы отметить, что далеко не все его члены говорят на русском свободно, и это объяснимо. В национальных республиках или автономиях СССР, в новых независимых государствах русский мог быть вторым в семье, системе образования или общественном пространстве. После переезда русский не всегда передавался от родителей детям. О выросших в Германии детях вообще довольно трудно судить с точки зрения степени владения русским.

По результатам исследования, проведенного Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, в изучении русского языка за пределами России (речь идет о 185 странах) заинтересованы сегодня около 125 млн человек. 10 миллионов из них — потенциальные носители, дети наших бывших соотечественников, проживающих за границей. (<https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=4942>). Обе цифры могут рассматриваться как серьезный успех в решении задачи популяризации русского языка.

Но если в конце 90-х — начале 2000-х гг. мы наблюдали стабильный интерес к сохранению и изучению русского в Германии, то сегодня вынуждены констатировать его снижение. Сокращается количество школ, предлагающих русский в качестве иностранного (даже в качестве третьего или четвертого), равно как и спрос на билингвальные детские сады. Эксперимент с преподаванием на русском в начальных классах некоторых школ тоже нельзя назвать успешным. Функционирующие воскресные школы не бесплатны. Кафедры славистики закрываются. По данным информационного портала «Русский мир», русский в Германии изучают не более 110 тыс. чел. (<https://ruskiymir.ru/publications/254230>); в соответствии с данными Федеральной статистической службы (Statistisches Bundesamt) почти 98,5 тыс. учеников общеобразовательных школ Германии и около 10,5 тыс. в школах с профессиональным уклоном. (<https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/Schulen/Tabellen/allgemeinbildende-beruflicheschulen-fremdsprachunterricht.html>).

Для сравнения: по данным МИД ФРГ на 2020 г., в Европе и России немецкий изучают 11 227 913 чел. — 72,7% от числа всех, изучающих этот язык в мире [10, с. 6]. Цифры впечатляют. В Великобритании — почти 1 270 000, 1 953 000 — в Польше (!), около 100 000 — в Австралии, почти 160 000 — в крошечной Боснии и Герцеговине, 128 000 — в Беларуси, 405 000 — в Египте, 1 186 000 — во Франции, 355 000 — в Дании, 117 000 — в Бразилии, 458 000 — в Италии, 184 000 — в Турции, 422 000 — в США и почти столько же — 406 000 — в Узбекистане, 535 000 — в Нидерландах. Не так впечатляюще выглядит статистика в отношении Индии (211 000) и Китая (145 000), 242 000 — в Японии. В России — почти 1,8 млн чел. [10, с. 11–18].

Практически сразу по окончании Второй мировой войны вопрос популяризации немецкого языка, в том числе, с целью постепенного улучшения имиджа государства, ответственного за крупнейшую

гуманитарную катастрофу в истории человечества, разрабатывался в Германии на самом высоком государственном уровне. Возможности обучения немецкому за рубежом и сегодня рассматриваются исключительно дифференцированно в отношении каждого государства, — с учетом исторических традиций, экономических потребностей, источников мотивации целевой группы и пр. [11, с. 216].

Коснемся деятельности организаций, что называется, на местах. Стоит отметить, речь идет о настоящих профессионалах и приверженцах идеи сохранения и популяризации русского языка.

Среди них — сотрудники Немецко-русского института культуры в Дрездене (Deutsch-Russisches Kulturinstitut e.V.), ведущие огромную работу по вопросам сотрудничества наших стран, преодоления разногласий, сохранения исторической памяти и продвижения русского языка и российской культуры в Германии.

Ассоциация преподавателей русского языка в Германии (Der Deutsche Russischlehrerverband, Bundesverband der Lehrkräfte und Freunde der russischen Sprache in Deutschland e.V.) была образована еще в далеком 1962 г. Она является частью МАПРЯЛ — Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, объединяющей на сегодняшний день более 150 членов из 67 стран мира (<https://ru.mapryal.org/mapryal/members>). Коллективными членами МАПРЯЛ от ФРГ являются также названный выше Немецко-русский институт культуры в Дрездене, Общество русскоязычных родителей и педагогов Берлина МИТРА, Всегерманское профессиональное объединение «Русский язык и многоязычие», Немецкая ассоциация славистов, Грайфсвальдский университет, Институт славистики Дрезденского технического университета, Институт славистики Берлинского университета имени Гумбольдта. Сама Ассоциация преподавателей русского языка в Германии имеет 8 представительств в федеральных землях. Многие обстоятельства, в том числе пандемия коронавирусной инфекции, не позволяют сегодня проводить полномасштабные очные мероприятия, но, тем не менее, работа продолжается, и ее результатами авторы могут гордиться. И столь серьезное представительство организаций, целью которых является продвижение русского языка в Германии, не может не радовать.

Так, к примеру, Ассоциация преподавателей русского языка гимназий и университетов земель Рейнланд-Пфальц и Саар (Landesverband der Lehrkräfte der russischen Sprache an Gymnasien

und Hochschulen des Landes Rheinland-Pfalz und des Saarlandes e. V.) сотрудничает с двенадцатью школами региона, где в разном качестве (от первого до третьего иностранного языка) преподается русский, и с двумя университетами (в Трире и Майнце), сохранившими «Русский язык» как направление подготовки в рамках бакалавриата и магистратуры.

Слоган Региональной ассоциации преподавателей русского языка и славистов Баден-Вюртемберга (Der Landesverband der Russischlehrer und Slawisten Baden-Württemberg e.V.) гласит: «Учи русский, строй мосты». Не это ли наша общая цель? Русский как второй, третий, четвертый иностранный язык изучается в 19 гимназиях региона и в 11 школах профессиональной подготовки, а также в 19 вальдорфских школах.

Эти и другие партнерские объединения вносят весомый вклад в укрепление (часто — сохранение) позиций русского в системе образования Германии), отстаивают интересы русского языка как образовательной дисциплины в соответствующих министерствах и ведомствах, налаживают кооперативные связи между преподавателями, предоставляют учебно-методические материалы, организуют съезды и семинары, проводят олимпиады по русскому языку, готовят к сдаче экзаменов с целью получения международного языкового сертификата.

Союз преподавателей русского и славистов в Баден-Вюртемберге ежегодно присуждает Чеховскую премию школьникам с выдающимися результатами в изучении русского (<http://russischlehrer-bw.de/ueberuns>).

Ассоциация преподавателей русского языка земли Северный Рейн-Вестфалия (Russischlehrerverband Nordrhein-Westfalen e.V.) при помощи региональных и государственных партнеров, а также разного рода фондов сотрудничества реализует программы обмена среди школьников и студентов. По данным регионального Министерства образования, около 10000 школьников изучают русский, для 3000 есть возможность учить его в школе и как родной язык, предлагаются курсы русского языка в сфере профессионального образования и в рамках повышения квалификации (<https://www.schulministerium.nrw.de/themen/schulsystem/unterricht/lernbereiche-und-unterrichtsfacher/russisch>).

С большим или меньшим успехом действуют такие объединения в Баварии, Бремене, Гессене, Нижней Саксонии, Шлезвиг-Гольштейне (<http://russischlehrer-deutschland.de/verband/>

landesverbaende/). Безусловно, все они нуждаются в поддержке российской стороны. Более того, не все 16 федеральных земель находятся в орбите внимания увлеченных людей, старающихся сохранить и укрепить позиции русского в современной пестрой языковой палитре ФРГ.

Хочу обратить особое внимание на то, что решение рассматриваемой проблемы продвижения русского языка в мире не должно ограничиваться некими количественными показателями в отношении говорящих на языке и изучающих его. Интересные данные еще в 2006 г., на фоне относительного благополучия с изучением русского в Германии, представило Федеральное статистическое агентство. Среди 2500 опрошенных молодых людей в возрасте от 12 до 25 лет, изучавших русский, 94,4% признались в том, что освоили русский язык не в той степени, чтобы суметь общаться на нем (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/177300/umfrage/beherrschen-der-russischen-sprache/#statisticContainer>). Такие результаты — еще один серьезный повод пересмотреть политику России в части продвижения русского языка за рубежом.

Основной маркер востребованности языка сегодня — рынок труда. Так, издание «Frankfurter Allgemeine» в 2016 г. сделало вывод о том, что за английским, безусловным лидером в немецкой системе образования, впрочем, как и общеевропейской [94% школьников в ЕС учат английский как (первый) иностранный], в Германии следует французский — язык соседа и делового партнера, далее — испанский с полумиллиардным контингентом носителей на планете, польский и русский (русский как наиболее популярный язык изучения среди языков стран — не членов ЕС). До сих пор несколько экзотическими остаются китайский и арабский. Первый, по признанию экспертов, значительно увеличивает конкурентоспособность на рынке труда (<https://www.faz.net/aktuell/karriere-hochschule/buero-co/fremdsprachen-im-beruf-ni-hao-oder-bonjour-14459763.html>).

На основе проведенного анкетирования 2299 наемных работников, среди которых 1021 использовали в своей работе иностранный язык, проведенного в 2018 г. в Германии, 97,4% использовали английский, 19,2% — французский, 12,5% — русский, 11,3% — испанский, 8,5% — турецкий, 7,2% — итальянский, 4,5% — китайский, 2,4% — португальский (<https://de.statista.com/infografik/13361/fremdsprachen-im-job/>). Данные вполне оптимистичны. Но нет причин не доверять и изданию Business

Insider Deutschland GmbH, утверждающему, что 93,1% всех предложений на рынке труда, содержащих требование знания иностранного языка, указывают английский, за ним — 2,9% — французский и 1,2% — испанский, только 0,3% — китайский, и лишь вслед за ним — итальянский, польский, русский и арабский (<https://www.businessinsider.de/wirtschaft/das-sind-die-wichtigsten-fremdsprachen-am-arbeitsplatz-in-deutschland/>).

К сожалению, отсутствие некоей универсальной всеохватывающей базы данных, отражающих положение русского языка как механизма конкурентного преимущества на рынке труда, не позволяет сделать однозначные выводы. Это обстоятельство укрепляет во мнении, что мы нуждаемся в проведении собственных компетентных объективных исследований, ибо статистические и прогностические данные в этом вопросе существенно разнятся. Что совершенно неудивительно, так как результаты эмпирических исследований зависят от множества факторов: вовлеченных регионов и профессиональных полей, возрастных показателей участников, уровня их образования и пр.

Эффективность языковой политики всегда стоит рассматривать через возможность исключить языковой фактор как причину социального раскола [12, с. 74]. И это измерение нельзя недооценивать. Достаточно взглянуть на ситуацию с русским языком, в частности на Украине, в странах бывшего Советского Союза. Исследуя положение русского на территории дальнего зарубежья, к примеру ФРГ, с данной точки зрения [не учитывая некие, часто политически ангажированные, попытки оценки электорального поведения ввиду (этно)языковой принадлежности избирателя], мы можем говорить именно о деполитизированном статусе русского языка.

Серьезное основание для оптимизма — внушительная доля (те самые 3,5% населения) русскоговорящих в этой стране, прекрасные примеры столь бережного отношения к русскому языку и русской (российской) культуре.

Но две цифры, приведенные выше среди десятков других, никак не позволяют закончить на мажорной ноте. Напомню, 110 тыс. чел. изучают русский в Германии, 1,8 млн — изучают немецкий в России (и в сравнении со статистикой 2015 г. эта цифра выросла на 20% [10, с. 28]). Интерес последних вызван, как правило, желанием получить образование и/или высокооплачиваемую работу в Европе, в Германии — прежде всего. И главную роль здесь играет пресловутый экономический фактор (где цель — обеспечение желаемого уровня жизни), социокультурные аспекты (включая желание воссоединения с семьей) и гуманитарные, среди которых — гарантия прав человека, перспективы личностного и профессионального роста и прочие [13, с. 90].

Анализ сложившейся ситуации был призван обратить внимание на эффективность усилий на внешнем направлении российской государственной языковой политики и очевидные трудности в реализации целей. Сохранение и популяризация русского языка за границами России — как часть государственной стратегии, как фундамент этноязыковой самобытности, как возможность идентификации огромных социальных групп в орбите «русского мира» — должны не просто декларироваться, а всемерно обеспечиваться российской стороной. Автор, в свою очередь, выражает искреннюю благодарность всем столь компетентным и увлеченным сотрудникам функционирующих в Германии и десятках других государств организаций поддержки русского языка и культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик). *Политические исследования*. 2019;(3):127–144.
Tishkov V.A. Language situation and language policy in Russia (revision of categories and practices). *Polis. Political Studies*. 2019;(3):127–144. (In Russ.).
2. Anstatt Tanja. Russisch in der zweiten Generation. Zur Sprachsituation von Jugendlichen aus russischsprachigen Familien in Deutschland. Ludwig M. Eichinger Albrecht Plewnia, Melanie Steinle; Hrsg. Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration. Narr Francke Attempto Verlag GmbH; 2011:101–128. ISSN 0949–409X ISBN 978–3–8233–6632–4.
3. Bernd Meyer. Herkunftssprachen als kommunikative Ressource? Ludwig M. Eichinger Albrecht Plewnia Melanie Steinle; Hrsg. Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration. Narr Francke Attempto Verlag GmbH; 2011:189–214.
4. Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении. *Новые исследования Тувы*. 2020;(1):50–61 DOI: 10.25178/nit.2020.1.4

- Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N. Tuvinian language in legal and functional dimensions. *Novyye issledovaniya Tuvy*. 2020;(1):50–61. (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.4
5. Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung Migrationsbericht 2015. BAMF, Silber Druck oHG, Niestetal, 2016.
 6. Statistisches Bundesamt (Destatis). Statistisches Jahrbuch 2019. Deutschland und Internationales. Westermann Druck Zwickau GmbH; 2019:716.
 7. Statistisches Bundesamt, Fachserie 1 Reihe 2.2, 2019. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus 2019. Statistisches Bundesamt (Destatis); 2020:521.
 8. Пырма Р. В. Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России. Сравнительное исследование. *Полития*. 2019;4(95):188–204. DOI: 10.30570/2078–5089–2019–95–4–188–204
Pyrma R. V. Electoral activity of youth in the USA, Great Britain, France, Germany and Russia. Comparative study. *Politia*. 2019;4(95):188–204. (In Russ.). DOI: 10.30570 / 2078–5089–2019–95–4–188–204
 9. Родионова М. Е. Вопросы миграции в электоральных процессах Европы (позиции ведущих партий Европы относительно миграционного вопроса). *Власть*. 2020; 28(1):262–267.
Rodionova M. E. Migration issues in the electoral processes of Europe (positions of the leading parties in Europe on the migration issue). *Vlast*. 2020;28(1):262–267. (In Russ.).
 10. Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit. Datenerhebung 2020. Referat 610 — Förderung von Deutsch als Fremdsprache/Partnerschulinitiative PASCH. Bonifatius GmbH, Paderborn; 2020. 56 p.
 11. He Jun. A language policy and comparative view of the German language in Japan, Korea and China: Historical overview, present situation and future prospects (Article). [Eine sprachpolitische und vergleichende Betrachtung der deutschen Sprache in Japan, Korea und China: Geschichtlicher überblick, Gegenwartssituation und Zukunftsperspektive. *Muttersprache*. 2020;130(3):216–234.
 12. Борисова Н. В. Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016; 60(9):67–75. DOI: 10.20542/0131–2227–2016–60–9–67–75
Borisova N. V. Politicization of language and language policy in ethnic territorial autonomies. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya = World economy and international relations*. 2016;60(9):67–75. (In Russ.). DOI: 10.20542 / 0131–2227–2016–60–9–67–75
 13. Галас М. Л. Страновые политико-правовые основы регулирования миграционных процессов в условиях кризисного развития мирового сообщества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):85–91. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–4–85–91
Galas M. L. State's political and legal foundations for regulating migration processes in the context of the crisis in the development of the world community. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):85–91. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–4–85–91

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Викторовна Бестаева — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
ELVBestaeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Bestaeva — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
ELVBestaeva@fa.ru

Статья поступила 21.03.2021; принята к публикации 05.04.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.03.2021; accepted for publication on 05.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-47-54
УДК 32.019.5(045)

Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России

А.И. Сперкач

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

АННОТАЦИЯ

Акцент в статье сделан на отсутствии устойчивых идеологических оснований в функционировании российских элит и последствиях подобного положения как в общих, так и в частных вопросах социально-политического бытия нашей страны. Современное взаимодействие правящих и неправящих элит (подчиненное и во многом даже бесправное положение вторых) рассматривается как традиционное для России, имеющее исторические положительные и отрицательные следствия. В частности, ослабление политической, административной силы и воли политического центра практически всегда провоцирует открытый бунт местных и неправящих элит против него. Констатируется повышение трений на современном этапе между федеральным центром и региональными элитами, что потенциально может иметь серьезные негативные политические последствия. Отвергаются представления, выводящие на первый план достижение тех или иных экономических показателей в рамках лишенных целостных идеологических основ тактических пилотных проектов. Конфликт России с Западом (идеологией глобализма) трактуется в первую очередь как идейный, материальные его аспекты имеют второстепенный характер. По мнению автора, в России детерминированно возобладает та или иная форма идеократии, вопрос лишь в том, какая идеология и ценности будут являться для нее основой.

Ключевые слова: элита; идеология; идеократия; цивилизация; глобализм

Для цитирования: Сперкач А.И. Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):47-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-47-54

ORIGINAL PAPER

Civilisational Foundations of Inter-elite Interaction in Modern Russia

A. I. Sperkach

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

ABSTRACT

In this article, the author emphasised the absence of stable ideological foundations in the functioning of the Russian elites and the consequences of such a situation both in general and in particular issues of the socio-political life of our country. The everyday interaction of the ruling and non-ruling elites (the subordinate and in many respects even the powerless position of the latter) is viewed as traditional for Russia, having historical positive and negative consequences. In particular, the weakening of the political, administrative power and will of the political centre almost invariably provokes an open revolt of local and non-ruling elites against it. An increase in friction at the present stage between the federal centre and regional elites is noted, which can potentially have serious negative political consequences. The idea is rejected that bring to the fore the achievement of certain economic indicators within the framework of tactical pilot projects devoid of integral ideological foundations. The conflict between Russia and the West (the ideology of globalism) the author interpreted as ideological; its material aspects are of a secondary nature. In the author's opinion, this or that form of ideocracy will deterministically prevail in Russia; the only question is what ideology and values will be the basis for it.

Keywords: elite; ideology; ideocracy; civilisation; globalism

For citation: Sperkach A.I. Civilisational foundations of inter-elite interaction in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):47-54. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-47-54

Затронутые в данной статье темы сами по себе настолько масштабные и разноплановые, что излагать их в небольшой по объему статье возможно только в форме редуцированных выборочных тезисов, поневоле носящих декларативный и спекулятивный характер. Многие из приводимых в представленном тексте императивных утверждений нуждаются в оговорках и уточнениях, которые автором не делаются, но вполне осознаются.

В тех случаях, когда речь ведется об элитах (федеральных, национальных, местных, промышленных, технократических и т.п.), автор исходит из постулата о множественности элит и их в первую очередь социокультурной природе. Из чего следует вывод о ключевом значении ценностных, идеологических установок для формирования и выживания любых политических элит ровно в той степени, в какой они в исторической перспективе собираются сохранять свой статус.

В данной статье понятия «федеральный центр», «политические акторы», «политические элиты», «национальные элиты» (подразумевается — доминирующие политические акторы и элиты общероссийского масштаба) близки понятию «властвующие элиты» Р. Миллса. Ровно так же, по аналогии со взглядами этого исследователя, представители региональных элит, состоятельные люди «старой и новой формации... в крупных и мелких городах и в сельской периферии» и даже большинство, по формальным признакам, федеральных политиков (у Р. Миллса, писавшего про США, тут фигурируют «профессиональные политики из средних звеньев власти, принадлежащие к кругам конгресса») [1, с. 24] в «федеральный центр» не входят.

Вполне очевидна внутренняя двойственность и противоречивость любого политического объекта [2], обусловленная различными составляющими его внутренней структуры, наличием имманентного группового и личностного соперничества и т.д. Разумеется, «федеральный центр» даже в принятом узком понимании не является монолитным: разнонаправленные политические устремления различных его составляющих («башен Кремля») вполне можно считать триумфом. Принимая данную очевидную практически для всех элитных групп оговорку, автор в рамках настоящей статьи оперирует усредненными, общими для этих страт характеристиками.

Закрытость системы принятия ключевых решений, администрирования в современной

России, недетерминированность человеческого поведения, вероятностный характер в объяснении многих процессов, связанных с функционированием и целеположением элит, использование автором закрытых источников информации — все это следует учитывать, обращаясь к содержанию настоящей статьи. В общетеоретическом плане автор в основном следует за положениями классиков теории элит. Разумеется, принимаются не все без исключения их выводы и подходы. Например, неверным является представление Г. Моска об автократическом и либеральных способах передачи власти, при которых она передается соответственно сверху вниз или снизу вверх. Власть никогда, даже в революционные периоды, не передается снизу. Другое дело, что между элитными группами, представителями конкурирующих идеологических течений ведется борьба за обладание ресурсом массовой поддержки, который может обеспечить различные формы и степени доминирования, и который в определенных исторических ситуациях временно приобретает значение ключевого фактора в борьбе за власть.

Если использовать терминологию самого Г. Моска, в современных сложных обществах ядро «класса управляющих» никогда не определяется «классом управляемых». «Организованное меньшинство» всегда формируется первой из этих страт или в революционные периоды рекрутируется из более широкой категории «политического класса», включающего и существующую оппозиции [3]. В области политических идей вторичная роль «класса управляемых» («масс») может быть проиллюстрирована утверждением Р. Миллса о том, что решительные перемены в политической жизни США, которые можно даже было охарактеризовать как «перевороты», не сопровождалась «какой-либо решительной идеологической борьбой за овладение массами» [1, с. 369]. Таким образом, идеологическая борьба длительное время, по сути, разворачивалась исключительно в среде элит, не затрагивая широкие слои населения. Другое дело, что такая ситуация начала меняться: уничтожение сакральных основ гражданской религии США, которым в последние десятилетия целенаправленно занялась часть элиты (причем элиты правящей) этой страны, коренным образом изменило положение, хотя и сейчас «массы» являются объектом, а не субъектом данного процесса.

В контексте настоящей работы значимой и интересной проблемой является взаимосвязь ценностных и идейных представлений, характерных для «элит» и «масс». Даже в случае контрарного их расхождения подобная взаимосвязь (и взаимовлияние) существуют. В России они являются вполне значимым, хотя и второстепенным фактором, благоприятным для формирования самостоятельной (в том числе идейно) национальной элиты.

Под условным «Западом» подразумеваются зарубежные правящие элиты, действующие в общей парадигме идеологии глобализма, которые во все большей степени актуализируют идеократическую модель руководства обществом. При этом данное определение постепенно утрачивает привязку к конкретным странам, сохраняя ее только отчасти.

В рамках российской цивилизационной модели следует отметить способность политического Центра к концентрации материальных ресурсов зачастую вопреки частным интересам и пожеланиям элит другого уровня, в частности региональных. Отзвуки теории Энтони Смита могут восприниматься как архаизм, однако с определенной точки зрения в традиционной политической обособленности имперских (федеральных) российских политических элит — обособленности, разумеется, относительной — присутствуют неизгладимые черты глубоко укорененной латеральности. Высокая степень политического бесправия (также, разумеется, относительного) периферии по отношению к центру определяет и поддерживает такую ситуацию. Ее причины носят исторический характер, закрепленный успешными ответами на целый ряд стратегических вызовов, и, с понятными оговорками, они характеризуют и Московское царство, и Петровскую империю, и СССР, и, как все более отчетливо проявляющаяся тенденция, Российскую Федерацию XXI в.

В рамках такой традиционной модели ресурсы последовательно изымаются из регионов (из распоряжения, используя терминологию Вильфредо Парето, неправящих элит), аккумулируются, отчасти — по регионам же перераспределяются, отчасти — обеспечивают возможность проведения стратегически важных проектов (освоение Арктики, модернизация нефтеперерабатывающей отрасли, усилия в области вооружений и т.п.), отчасти — «растворяются» в оффшорах и т.п. К слову, пресловутое продвижение «технократов» на должности глав регионов — не просто полити-

зированная управленческая централизаторская практика, но необходимое условие и прелюдия все большего перекачивания региональных ресурсов «в пользу» единого федерального распределительного центра.

Отдельные региональные элиты, занимающие автономное и более или менее политически независимое положение в отношениях с центром, расширительно тоже можно характеризовать как правящие. Например, элиты Чечни (этнократический режим Р. Кадырова) или Татарстана. Однако они в общероссийском контексте представляют не правило, а исключение.

Федеральный центр, используя исторически проверенный прием концентрации ресурсов, пытается преодолеть системный кризис, продвигая экономические проекты, которые в дальнейшем должны стать драйверами развития, точками роста страны. Параллельно ведется вынужденная локальная контригра против условного Запада и его союзников. Между тем, если обратиться к недавнему опыту, по возможности реализации подобных экономических проектов и тем более проведения самостоятельной, в том числе силовой политики в различных регионах мира, потенциал современной России несопоставимо ниже возможностей позднего СССР. Это, однако, не уберегло советский проект от исторического провала, истоки которого находились как раз в области идеологии, мировоззренческих и ценностных установок. Провал в этих сугубо «нематериальных» сферах не позволил конструктивно использовать гигантские материальные и научно-технические ресурсы Советского Союза.

При этом все мобилизации в рамках российского исторического опыта, от периода Московского царства до «сталинской индустриализации», проводились в условиях жестких мессианских идейно-политических установок, — важнейшем факторе, без которого подобные действия не могли сколь-нибудь успешно осуществляться.

Достаточно распространено убеждение, будто главная угроза дестабилизации в современной России связана с бедностью значительной части населения [4]. Между тем, связь социальной стабильности, социальных предпочтений, способности к развитию и выживанию с уровнем благосостояния в обществе не имеет характера прямой зависимости [5].

Раскол элит — в первую очередь противостояние элит федеральных и региональных (считая этнократические) — в гораздо большей степени

чреват необратимыми социально-политическими потрясениями.

В последние годы нарастает раздражение местных элит исторически вполне традиционной «централизаторской» политикой Центра, которая все меньше соответствует социальным ожиданиям региональных акторов (по имеющейся инсайдерской информации — вплоть до высокопоставленных региональных чиновников). В настоящий момент закладываются основы того качественного разделения различных уровней элит, которое представляет смертельную угрозу для России как единой страны и ядра отдельной цивилизации.

События в Хабаровске, связанные с арестом губернатора Фургала, показали существенное изменение в общественных и, что более важно, в элитных настроениях.

Можно констатировать кризис архетипической роли Центра в качестве грозной карающей силы, роли, которая практически всегда вызывала благожелательный массовый отклик на арест или преследование силовиками практически любого высокопоставленного чиновника, в том числе чиновника регионального.

Показательна реакция абсолютно провластных политологов на арест пензенского губернатора Ивана Белозерцева, который, по факту, они связали не столько с всемерно одобряемой антикоррупционной борьбой, сколько с переделом фармацевтического рынка (<https://ura.news/news/1052476830>).

Налицо имиджевый кризис федерального центра: даже в умеренно ангажированной экспертной среде подорвана вера в чистоту его «антикоррупционных помыслов» и ведется поиск иных обоснований громких акций силовиков.

Политологи в протестных выступлениях 2021 г. небезосновательно выделяют «региональный» тренд: «Судя по косвенным данным, оппозиционные акции на местах латентно поддерживают, а где-то и стимулируют региональные элиты, а также региональный криминалитет» [6].

Правда, тут следует оговориться, что в российских условиях региональный фактор может приобрести ключевое значение только в случае раскола самих правящих элит. На сегодняшний день федеральный центр демонстрирует достаточно высокий уровень контроля за региональными акторами, в случае необходимости легко «ломая» даже устоявшиеся в течение десятилетий тесные связи экономических тяжеловесов

со своими региональными партнерами. Давние тесные контакты с одним из богатейших людей России Алишером Усмановым, очень серьезные позиции в местном бизнесе, очевидные, почти уникальные социально-экономические достижения вверенного его попечению региона, вхождение в руководящие органы партии власти («Единой России»), уверенная победа на очередных выборах не смогли уберечь главу Белгородской области Евгения Савченко от отставки, после того, как федеральный центр твердо взял курс на его отстранение.

Как правило, рост межэлитного напряжения, напряжения по линии «Центр-регионы» связывают с сокращением ресурсной базы, политическими и социально-психологическими последствиями пандемии, поколенческим фактором и т.п. В период так называемого сталинского правления (во всяком случае, некоторых его этапов) жизнь значительной части граждан СССР в целом вполне подпадала под эмоциональную характеристику «социальный ад». Несмотря на это, России того периода «было, что предложить» миру, она участвовала в глобальной конкуренции идей, пользовалась искренней массовой поддержкой, в том числе поддержкой и симпатиями многих западных интеллектуалов.

Можно вспомнить и относительную популярность маоизма в интеллектуальной среде самых богатых стран мира, наличие различных маоистских группировок, людей, готовых жертвовать жизнями под флагом этого учения в партизанских отрядах (особенно характерно для Латинской Америки). Таким образом, не только «социальный ад», массовый террор, но и экономические провалы отнюдь не детерминируют ситуацию, когда той или иной стране (цивилизации) «нечего предложить» своим соседям и миру. При этом, как в случае с Советским Союзом, так и КНР, масштабы материальной поддержки политических союзников вовне, уровень благосостояния, социальной благоустроенности собственных граждан не определяют интенсивность идейной и политической экспансии.

Следует обратить внимание на успешные на протяжении нескольких десятилетий конструктивные действия современных китайских элит, не порвавших с существующим в КНР идеологическим дискурсом. Еще нагляднее в этом смысле пример Индии — страны, исключительно пестрой этнически, абсолютно не преемственной в рамках нынешних своих границ, находящейся в перма-

нентном конфликте со своими соседями (к слову, двумя ядерными державами), с переплетением множества архаических черт и с элементами такого «социального ада», который тяжело представить даже жителям самого депрессивного региона России. Очевидная неэффективность современной российской элиты, по сравнению с вышеназванными, определилась изначально, заложенной еще в период ее формирования и обретения базовых идейных ориентиров, ориентированностью на всемерное ослабление роли государства, нацеленностью преимущественно на личное обогащение и дележ советского наследства (впоследствии — доступных бюджетов).

Примечателен изначально идейный инфантилизм и несамостоятельность российских постсоветских элит: так, ключевые проблемы общественного строительства должна была чудесным образом разрешать незримая рука всемогущего рынка. При этом подобная «идейно-политическая импотенция» не только являлась прикрытием понятных меркантильных интересов или информационным обеспечением производившегося максимально возможными темпами дележа советского наследства, но сплошь и рядом действительно отражала уровень и круг понятий новых «хозяев жизни», т.е. правящих политических элит России конца 80–90-х гг. Как следствие подобных качеств — отсутствие позитивной стратегической программы, конструктивного образа будущего, отсутствие у нашей страны артикулированных целей развития. Фатальность такого положения превратились практически в общее место.

Следует учитывать, что идеология не является агитационным прикрытием для элиты, обосновывающим те или иные спорадические ситуативные реакции на те или иные раздражители. Она определяет последовательность и целенаправленность действий элиты и не столько является инструментом в руках правящих групп и персон, сколько фактором, подчиняющим и, вместе с тем, объединяющим их, обеспечивающим последовательность, осмысленность и преемственность проводимого ими курса.

Систематизация политических взглядов и политических действий возможна только на идеологической основе и никак иначе.

Тут можно отметить относительно успешную работу национальных элит Татарстана. Причина — не в особых материальных условиях взаимодействия с федеральным центром (любые ресурсы, в конце концов, можно просто разворовать, под

каким бы лозунгом они не были «отжаты» у «Москвы»), но как раз в наличии хоть какого-нибудь позитивного, устремленного в будущее национального проекта, вокруг которого региональные элиты отстраиваются.

По существу и закрепленная конституционно норма деидеологизации, и настойчиво навязываемое отношение к образованию как к сфере услуг являются далеко не случайными действиями одного порядка, направленными на расчистку идейного поля для безраздельного господства уже готовых идеологических и ценностных рецептов: идей и ценностей глобализма. При таких подходах выработка и формулирование альтернативных установок, актуальных для российской цивилизации, затрудняется и перестает быть задачей российских политических, интеллектуальных элит (а сами они в перспективе уже в силу одного этого должны перестать быть политическими и субъектными). В финансовом и организационном плане глобальным центрам в «деидеологизированном» пространстве противопоставить абсолютно нечего. Это, в свою очередь, приводит к системному идейному кризису во всех сферах, например в работе по формированию лояльных России кадров в других странах. В тематической статье В.Ш. Сургуладзе показан уровень и масштаб возвращения квалифицированных высокомотивированных кадров в рамках идейно-политического глобалистского проекта. Российские реалии на этом направлении выглядят откровенно слабо, но вполне укладываются в парадигму «оказания услуг», когда иностранных учащихся (да и не только) рассматривают скорее как источник доходов и клиентуру, нуждающуюся в обслуживании, чем объект вложений в отдаленное будущее и предъявления жестких требований [7].

Отнюдь не надуманным оказывается вопрос о том, станут ли в перспективе лояльным России компонентом элит зарубежных стран даже те их представители, которые прошли обучение в нашей стране [8].

Справедливо утверждение, что Владимир Путин в начале своего правления «предпринял попытки выработать пусть и временную, но объединяющую идею». При этом им «было поручено подобрать гибкую идеологическую схему» [9]. Однако «гибкость» не является характеристикой базовых ценностей. Точно так же, как определяющие принципы не могут быть временными: им имманентно присущи качест-

венно другой хронологический масштаб и иное целеположение, — основы гражданской религии (а ведь речь идет, в том числе, о ней) должны во многих своих частях обладать жесткостью, определенностью и устойчивостью, претендовать на вневременной характер (во всяком случае, оперировать масштабом в пределах жизни нескольких поколений). Попытка «подобрать гибкое» возможна в тактике при практическом разрешении различных политических проблем, но в идеологической и ценностной сфере — это путь к заведомому провалу.

Утверждается, в том числе профессиональными политологами, что с мюнхенской речи Владимира Путина 2007 г. пришло понимание того, что «Россия — не идеологический противник, а экономический и политический конкурент в объективном соперничестве за ресурсы планеты, необходимые для устойчивого развития национальных государств». С. И. Бойко в своей статье настоятельно акцентировал внимание именно на «неидеологическом» характере конфликтных отношений с Западом: «Конфигурация экономических коалиций, политических и военно-политических блоков будет меняться, и не по идеологическим мотивам, а по причинам явного противодействия глобального политического истеблишмента многополярному мироустройству, которое пока не получило сколько-нибудь детерминированный проект или даже политический абрис» [10].

Скорее всего, именно «неидеологическая» трактовка происходящего возобладала и в Кремле. Иначе сложно объяснить, что в скором времени после мюнхенской речи В. В. Путина «в России практически прекратилась политическая работа с молодежью» [11].

Между тем, сама по себе концепция «устойчивого развития национальных государств» в любом ее виде является неприемлемым глубоко идеологическим посылом, далеко не ограничивающимся конкуренцией за материальные ресурсы. Упоминание о «национальных государствах» в любом контексте, кроме контекста их планомерной ликвидации, является идеологической и мировоззренческой декларацией, гораздо более принципиальной и значимой, чем «борьба за ресурсы». Разумеется, идеология, мировоззрение не изолированы от упомянутых материальных оснований межцивилизационного или межгосударственного соперничества. Но сведение к материальным основаниям современного

конфликта России и Запада является редукцией, не более обоснованной, чем, например, объяснение причин противостояния СССР (особенно до 1953 г.) с капиталистическими или национал-социалистическими странами исключительно и по преимуществу «борьбой за ресурсы».

П. Б. Салин совершенно справедливо отмечает, что «на уровне официального дискурса проблема национализации элиты стала подниматься в 2012 г., когда этот концепт был публично озвучен, а затем переведен в юридическую плоскость». Он же пишет о значительном сопротивлении «самого «объекта» — национализируемой элиты» [12]. Проблема национализации элиты, хотя и значимая сама по себе, все же является частью, которая не может восполнить отсутствие более общих стратегических оснований развития общества. Но следует обратить внимание, что с момента мюнхенской речи В. Путина и простого официального озвучивания связанных с нею практических следствий прошла целая пятилетка.

Показательна констатация того, что антиглобалистский тренд («многополярное мироустройство») в настоящий момент, т. е. более чем через 14 лет после речи В. Путина в Мюнхене, «не имеет даже самого общего политического абриса», не говоря уже о «детерминированном проекте» [13]. Вполне справедливо утверждение П. Б. Салина, который видит ключевую проблему российской политической системы в том, что «у российской элиты нет «стратегии выхода» (exit strategy) внутри страны, причем, это справедливо как для ситуации до 2014 г., так и после нее» [14].

Разумеется, если старательно избегать констатации именно идеологического, принципиального характера конфликта России и Запада, то в подобной пустоте нет ничего удивительного.

Подобное положение является прямым следствием межеумочного идейного состояния значительной части российских политических элит, которые, с одной стороны, силой сложившихся реалий вынуждены отстаивать свое существование, с крайней неохотой ввязываясь в детерминированное противостояние с Западом; с другой — оказались не способны сформулировать связные политические и идеологические принципы упомянутого противостояния, их стратегический смысл, которые наложит жесткие ограничения, в первую очередь, на них самих.

Наглядно идейная нищета российской политики проявилась, в частности, во время событий на Украине. Политический национализм в упомя-

нудой стране культивируется длительный период и основывается на связной системе взглядов и ценностей. Несмотря на всю примордиальную примитивность и очевидную дегенеративность данной мировоззренческой и идейной системы, она служит основой консолидации для части украинских элит и миллионов граждан этой страны. Вопрос в том, какую последовательную систему взглядов и принципов на практике продемонстрировала в конфликте на Украине российская политическая элита?

Однако сказав «а», российские элиты, пусть и с огромной неохотой, должны говорить «б». Претензии на национальную субъектность, через тему «национализации элит», детерминированно привели к «введению в официальный дискурс» идеи отказа от контролируемых Западом платежных систем и доллара (<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5af1b9ce9a79478bd3ebfec7>).

Ошибочной, причем принципиально ошибочной, является установка, согласно которой главная задача развития России — стать как можно скорее лидером экономической гонки постиндустриальных обществ, по крайней мере, находиться на уровне лидеров. Не рассматривается возможность того, что современная Россия по объективным причинам в принципе может оказаться не способной к такой почетной и заманчивой роли. Подавляющее большинство стран

никогда не являлись лидерами технологического развития, однако могли существовать, развиваться, быть субъектами международной политики (юридическая субъектность ничего в данном аспекте не определяет), иметь будущее, в конце концов. С потерей же идейных, ценностных и социо-культурных ориентиров любое, даже вполне или относительно материально успешно развивающееся общество, обречено на поглощение или подчинение теми, кто подобными ориентирами располагает.

Поэтому первостепенная задача выживания России (а задача все больше сводится именно к этому) связана с трансформацией существующих элит, приобретением властью устойчивых идеократических оснований. Тут нужно сделать оговорку, что, по мнению автора, идеократическая форма правления возобладает в России (и не только в ней) в обязательном порядке. Вопрос в том, какие ценностные и мировоззренческие установки эта идеократия будет разделять и навязывать обществу и неправящим элитам. По большому счету, возможны только две модели, одна из которых будет ориентирована на субъектность российских политических элит, другая, по факту, эту субъектность будет уничтожать и, как следствие, уничтожать субъектность России как независимого государства и самобытной многонациональной цивилизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы; 1959.
2. Бойко С.И. Политическая амбивалентность элиты как капитал революции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;8(2):31–36.
3. Итиуридзе Л.А. Основные проблемы теории «Правящего класса» Гаэтано Моски. *Вестник РУДН, серия Социология*. 2001;(2):30–36.
4. Купрещенко Н.П. Феномен бедности в современной России как угроза социально-экономической стабильности. *Вестник Московского университета МВД России*. 2020;(6):287–290.
5. Шатилов А.Б. «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов. *Власть*. 2020;28(4):13–14.
6. Шатилов А.Б. «Моральный износ» власти: протесты охватывают регионы России. URL: <http://realtribune.ru/news-authority-5784>.
7. Сургуладзе В.Ш. Опыт западных научно-образовательных структур по формированию лояльных кадров из числа прошедших стажировку иностранцев. *Проблемы национальной стратегии* 2015;(6):82–99.
8. Салин П.Б. Ключевые проблемы политической социализации обучающихся в РФ иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):14–18.
9. Шатилов А.Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: Основные этапы и базовые идеологемы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(3):18–23.
10. Салин П.Б. Национализация элиты в России в 2010-е годы как элемент страховки политсистемы от реализации деструктивного сценария. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;(9):13–18.

REFERENCES

1. Mills R. The Ruling Elite. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury; 1959.
2. Boyko S. I. Political ambivalence of the elite as the capital of the revolution. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018;8(2):31–36.
3. Itiuridze L. A. The main problems of the theory of the “Ruling class” Gaetano Mosca. *Vestnik RUDN, seriya Sotsiologiya*. 2001;(2):30–36.
4. Kupreschenko N. P. The phenomenon of poverty in modern Russia as a threat to socio-economic stability. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2020;(6):287–290.
5. Shatilov A. B. “Moral wear and tear” of the authorities as a factor in the destabilisation of political regimes. *Vlast*. 2020;28(4):13–14.
6. Shatilov A. B. “Moral wear and tear” of the authorities: protests cover the regions of Russia. URL: <http://realtribune.ru/news-authority-5784>.
7. Surguladze V. Sh. Western scientific and educational structures experience the formation of loyal personnel from among the foreigners who have undergone training. *Problemy natsional'noy strategii*. 2015;(6):82–99.
8. Salin P. B. Key problems of political socialisation of international students studying in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):14–18.
9. Shatilov A. B. Formation of the concept of state patriotism in Russia in the period 2000–2017: Main stages and basic ideologemes. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(3):18–23.
10. Salin P. B. Nationalization of the elite in Russia in the 2010s as an element of the political system's insurance against implementing a destructive scenario. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;(9):13–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Иванович Сперкач — кандидат исторических наук, старший преподаватель Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
sperkperk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Sperekach — Cand. Sci. (Historical Sciences), Senior Lecturer, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
sperkperk@yandex.ru

Статья поступила 20.03.2021; принята к публикации 15.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.03.2021; accepted for publication on 15.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-55-61
УДК 32(045)

Электронное голосование в России: технологический и политический аспекты

О.В. Ерохина

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5453-4118>

АННОТАЦИЯ

Основные направления применения цифровых технологий в российском политическом процессе связаны с проведением электронного голосования, а также использованием интернет-сервисов для развития новых форм политического участия, как на общегосударственном уровне, так и в сфере местного самоуправления. Рост числа интернет-пользователей, ставший устойчивой тенденцией последних 20 лет, создает новые условия для взаимодействия властных структур и общества. Они включают как новые риски дестабилизации, связанные с повышением требований к государственным институтам и снижением доверия к власти, так и новые возможности для взаимодействия государства и общественности в социально значимых сферах госуправления. Реализация на практике курса, обозначенного программой «Цифровая экономика» и призванного обеспечить конкурентные преимущества России с учетом глобальных тенденций ожидания либо наступления (по разным оценкам) четвертой промышленной революции, создает новый контекст для развития политических процессов. В этих условиях электронные технологии голосования рассматриваются как неотъемлемая часть развития современного государства, и этот взгляд характерен, в том числе, для значительной части политических элит.

Ключевые слова: электронное голосование; доверие власти; электоральные процессы; технология блокчейн

Для цитирования: Ерохина О.В. Электронное голосование в России: технологический и политический аспекты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):55-61. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-55-61

ORIGINAL PAPER

Prospects of Electronic Voting in Russia: Technological and Political Aspects

O.V. Erokhina

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5453-4118>

ABSTRACT

The main areas of application of digital technologies in the Russian political process are related to the conduct of electronic voting and the use of Internet services for the development of new forms of political participation both at the national level and in the field of local self-government. The growth in the number of Internet users, which has become a steady trend over the past 20 years, creates new conditions for interaction between government structures and society. They include both unknown risks of destabilization associated with increased demands on state institutions and reduced confidence in the government, as well as new opportunities for interaction between the state and the public in socially significant areas of public administration. The implementation in practice of the course outlined by the Digital Economy program and designed to ensure Russia's competitive advantages, taking into account the global trends of the expectation or the onset (according to various estimates) of the fourth industrial revolution, creates a new context for the development of political processes. In these conditions, the author considered electronic voting technologies an integral part of the development of the modern state, and this view is typical, including for a significant part of the political elites.

Keywords: electronic voting; trust in the authorities; electoral processes; blockchain technology

For citation: Erokhina O.V. Prospects of electronic voting in Russia: Technological and political aspects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):55-61. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-55-61

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем рассматривать подробнее практику применения технологий электронного голосования в России, необходимо уточнить используемую для их анализа терминологию. Так, различают стационарное и дистанционное голосование: оба способа волеизъявления граждан предполагают возможность использования «цифровых» решений, однако дистанционное голосование осуществляется при отсутствии избирателей на участке или в ином специально оборудованном месте, а стационарное — только при условии личного присутствия избирателя. «Электронным» голосованием считают процедуру волеизъявления избирателей, подсчета голосов и подведения итогов голосования с помощью специальных электронных технических средств [1]. Кроме того, анализ нормативно-правовой базы позволяет акцентировать внимание на отсутствии применения бумажных бюллетеней при проведении электронного голосования [2].

Дистанционное голосование проводится в РФ с 2019 г. в виде эксперимента разной степени масштабности и предполагает использование специальных цифровых платформ, двухступенчатой системы шифрования данных для соблюдения анонимности волеизъявления и принципов блокчейн для обеспечения достоверности результатов голосования и обеспечения информационной безопасности. Можно прогнозировать, что границы применения технологий голосования через интернет будут существенно расширены уже в ближайшем будущем.

По предварительным данным, дистанционное электронное голосование пройдет в 10 субъектах федерации (в том числе, в Москве) во время «единого дня голосования» в сентябре 2021 г., однако список может быть дополнен после рассмотрения Центризбиркомом соответствующих заявок от администраций субъектов федерации. На данном этапе, кроме столицы, к проведению электронных выборов готовятся Ярославская, Курская, Нижегородская, Вологодская, Мурманская, Рязанская области, республики Северная Осетия и Бурятия, а также Севастополь, однако окончательный список субъектов, переходящих на цифровую форму голосования, еще не утвержден.

Обобщая заявления руководства Центризбиркома, можно сформулировать ряд критериев отбора региональных заявок. Во-первых, учитываются технические требования. Среди них: широкое использование интернет-технологий населением, достаточное число совершеннолет-

них пользователей электронных госуслуг. Также необходим реестр актуальных данных о гражданах, имеющих право голоса и зарегистрированных на Едином портале госуслуг, который используется для авторизации при получении бюллетеня. При этом указанные сведения должны соответствовать данным автоматизированной системы «Выборы» (ГАС «Выборы»). Во-вторых, отметим политический аспект готовности к внедрению электронного голосования, включающий как наличие квалифицированных кадров и возможности для обучения членов региональных избирательных комиссий, так и целенаправленную PR-поддержку и разъяснительную работу среди населения, которое в целом пока настороженно относится к электронному голосованию. Возможность наблюдения за ходом выборов со стороны региональных общественных палат и иных общественных организаций вряд ли может кардинально повлиять на общественное мнение, так как уровень доверия этим структурам также невысок.

Проиллюстрируем неоднозначное отношение граждан к электронному голосованию данными социологических исследований. Как показал опрос ВЦИОМ в 2020 г.,¹ при возможности выбора способа голосования 23% россиян предпочли бы проголосовать с помощью электронных технологий, хотя в целом возможность использования электронного голосования допускают 51% опрошенных; 69% высказались за использование традиционной электоральной процедуры на избирательных участках с бумажными бюллетенями (в случае выбора из нескольких альтернатив). Основные причины настороженного отношения к электронному голосованию связаны с недостаточным материально-техническим обеспечением избирателей, а также с опасениями насчет возможных фальсификаций, нарушения тайны голосования и т.д. Немаловажен низкий уровень информированности населения о новых технологиях волеизъявления: общая доля тех, кто ничего не знает об электронном голосовании или плохо информирован, в мае 2020 г. составила 86%. Также можно отметить рост положительных оценок электоральной процедуры, хотя сформированные еще в 1990-е гг. представления о широко распространенных нарушениях в ходе проведения голосования сохраняют свою значимость. Так, по исследованиям ВЦИОМ, в 2007–

¹ Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/elektronnoe-golosovanie-novye-tekhnologii-menyayut-ekonomalnye-privyчки>.

2011 г. доля граждан, уверенных в достоверности результатов выборов, колебалась от 21 до 45% [3], а в марте 2021 г. более половины (57%) опрошенных оценили подсчет голосов на известных им выборах как «скорее честный» и заслуживающий доверия, но при этом 42% указали, что «слышали о нарушениях», хотя и не сталкивались с ними лично, а 48% не сталкивались с фальсификациями². В описанной ситуации, учитывая курс на внедрение цифровых инструментов и сервисов в сферу политических процессов и госуправления, целесообразной выглядит разработка властными структурами мер информационного характера, направленных на преодоление стереотипов и формирование положительного отношения к интернет-решениям в избирательном процессе. Ниже будут рассмотрены особенности технологии электронного голосования с точки зрения обеспечения честности и «прозрачности» электоральной процедуры, а также показано значение фактора доверия общества новым институтам.

БЛОКЧЕЙН ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Ключевые особенности применяемых в России технологий дистанционного электронного голосования связаны с использованием технологии блокчейн — созданием распределенного реестра данных по тому же принципу, что применяется в децентрализованной среде Ethereum. В результате реализации решений блокчейн формируется выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка информационных блоков (транзакций), связь между которыми и безопасность цепочки в целом обеспечивается криптографическими методами. В рассматриваемом примере транзакции — это акты голосования. К достоинствам технологии блокчейн, особенно востребованным в политическом процессе, можно отнести отсутствие необходимости в участии третьей доверенной стороны. На каждом из компьютеров пользователей цепочки транзакций хранится полная, обновляемая с каждой транзакцией копия данных всего блокчейна. Пока функционирует хоть одно устройство хранения данных любого пользователя, сведения в блокчейне существуют. Однажды внесенная в распределенный реестр запись уже не может быть изменена или стерта,

однако возможно внесение корректировок путем проведения новых транзакций, и после того, как информация о каждой из них станет частью нового блока, обновленные данные появятся у каждого участника сети. В настоящее время сформированы две платформы для обеспечения реализации избирательных прав граждан в режиме онлайн. Первая, разработанная Правительством (Департаментом информационных технологий) Москвы функционирует в столичном регионе, вторая, основанная на решениях компании «Ростелеком», имеет общедоинформационный «радиус распространения». В основе обеих платформ лежат сходные принципы доступности для широкого круга пользователей, обеспечения анонимности голосования и безопасности передачи данных.

Указанные особенности позволяют рассматривать решения блокчейн как наиболее востребованный в настоящее время способ обеспечения «прозрачности» хода голосования и подсчета его результатов. Вместе с тем задача обеспечения анонимности волеизъявления вряд ли может быть решена полностью. Это актуализирует вопрос о целесообразности применения технологии блокчейн в политических процессах. Технологически подобные решения обеспечивают высокий уровень сохранности данных и защиты от вмешательств (внешних воздействий), однако основополагающие принципы (в случае электоральных процедур — это соблюдение тайны голосования и честность подсчета результатов) будут работать только в том случае, если общество характеризуется высоким уровнем доверия к властным структурам/государству.

Технологические изменения нередко сопровождаются обратным эффектом снижения поддержки властей и ростом угроз безопасности, связанных со сбором и использованием «больших данных» [4]. Исследования рисков, связанных с внедрением цифровых технологий, отмечают в числе негативных факторов применение инноваций в интересах государства в ущерб общественным инициативам, рост административных барьеров, а также расширение сферы для манипуляций и негативную реакцию потенциальных избирателей [5]. Вопрос о мерах для снижения политических рисков внедрения цифровых технологий заслуживает особого внимания. Так или иначе, даже при благоприятном сценарии технологических изменений позиционировать решения на основе блокчейн как автоматизированную гарантию честности и «прозрачности» избира-

² Выборы в российских регионах: легитимность, доверие, нарушения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossiiskikh-regionakh-legitimnost-doverie-narusheniya>.

тельного процесса (в противовес ассоциируемому со злоупотреблениями «человеческому фактору») нецелесообразно. При всех преимуществах технологии создания распределенного реестра данных технически невозможно ни гарантировать отсутствие «утечек» информации в результате хакерских атак, ни полностью исключить возможность неправомерной интерпретации результатов голосования. Рассмотрим особенности применения решений блокчейн на примере технологии электронного голосования, используемой в российских регионах на основе решения компании «Ростелеком».

ПЛАТФОРМА «РОСТЕЛЕКОМ» ДЛЯ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

После экспериментальных выборов, проведенных в Москве в 2019–2020 гг., дальнейшим развитием опыта электронного голосования в России стала разработанная по заказу ЦИК РФ интернет-система дистанционного волеизъявления «Ростелеком». Компания распространяет на специализированных ресурсах большое количество материалов, свидетельствующих об успешном прохождении мониторинга системы, надежности применяемых протоколов шифрования данных, а также высокой степени ее защищенности от угроз информационной безопасности. Открытых данных об особенностях функционирования платформы, разработанной «Ростелекомом», больше, чем сведений о технологиях организации электронного голосования в Москве, и они отличаются последовательностью и системным подходом к описанию технических параметров. Таким образом, можно говорить о целенаправленном PR-продвижении системы электронного дистанционного голосования еще до начала ее применения в общегосударственном масштабе. Это в полной мере соответствует курсу, предполагающему расширенное применение цифровых технологий в сфере политических процессов.

Общая конфигурация системы дистанционного электронного голосования, применение которой в общероссийском масштабе ожидается уже в сентябре 2021 г., представлена на *рисунке*.

Общероссийская платформа «Ростелекома» изначально позиционируется как сложная система, использующая как технологию блокчейн, так и иные способы организации взаимодействия между условными избирателями, наблюдателями и уполномоченными органами власти в лице избирательных

комиссий. Основные цели ее работы предсказуемо связываются с требованиями федерального законодательства о гарантиях избирательных прав граждан³, среди которых тайна голосования и неизменность волеизъявления, открытость и публичность процесса голосования, отсутствие возможности подсчитать результат голосования до окончательного завершения электоральной процедуры и пр.

Необходимым условием реализации избирательного права в рассматриваемой системе выступает прохождение идентификации личности с помощью портала государственных услуг. За составление актуального списка избирателей отвечает такой компонент системы, как «Список избирателей», с ним же связан процесс создания идентификаторов в системе блокчейн для присвоения уникального номера каждому лицу, имеющему право на участие в голосовании. Отметим, что доступ к списку избирателей имеют как члены избирательной комиссии, так и наблюдатели, и в этом смысле электронная система мало отличается от традиционной.

После прохождения идентификации избирателя решается одна из ключевых задач системы электронного голосования, связанная с анонимизацией пользователей. Голосование происходит с использованием личного цифрового устройства, и в это время пользователь уже «невидим» для системы: анонимный голос зашифровывается и передается в «хранилище» голосов, созданное по технологии распределенного реестра данных. Одновременное установление личности и шифрование данных возможно путем применения «слепой электронной подписи». Это широко известный криптографический алгоритм [6], работа которого в рамках системы электронного голосования связана с другими алгоритмами, обеспечивающими шифрование данных.

Вопрос обеспечения тайны голосования проработан в системе электронного голосования от «Ростелеком» весьма подробно и с технической точки зрения сомнений не вызывает. В ходе голосования используется алгоритм выдачи и проверки слепой подписи на базе алгоритма шифрования RSA, далее происходит создание общего открытого ключа шифрования (на основе криптографических алгоритмов, подразумевающих создание распределенного реестра для выработки ключа

³ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/.

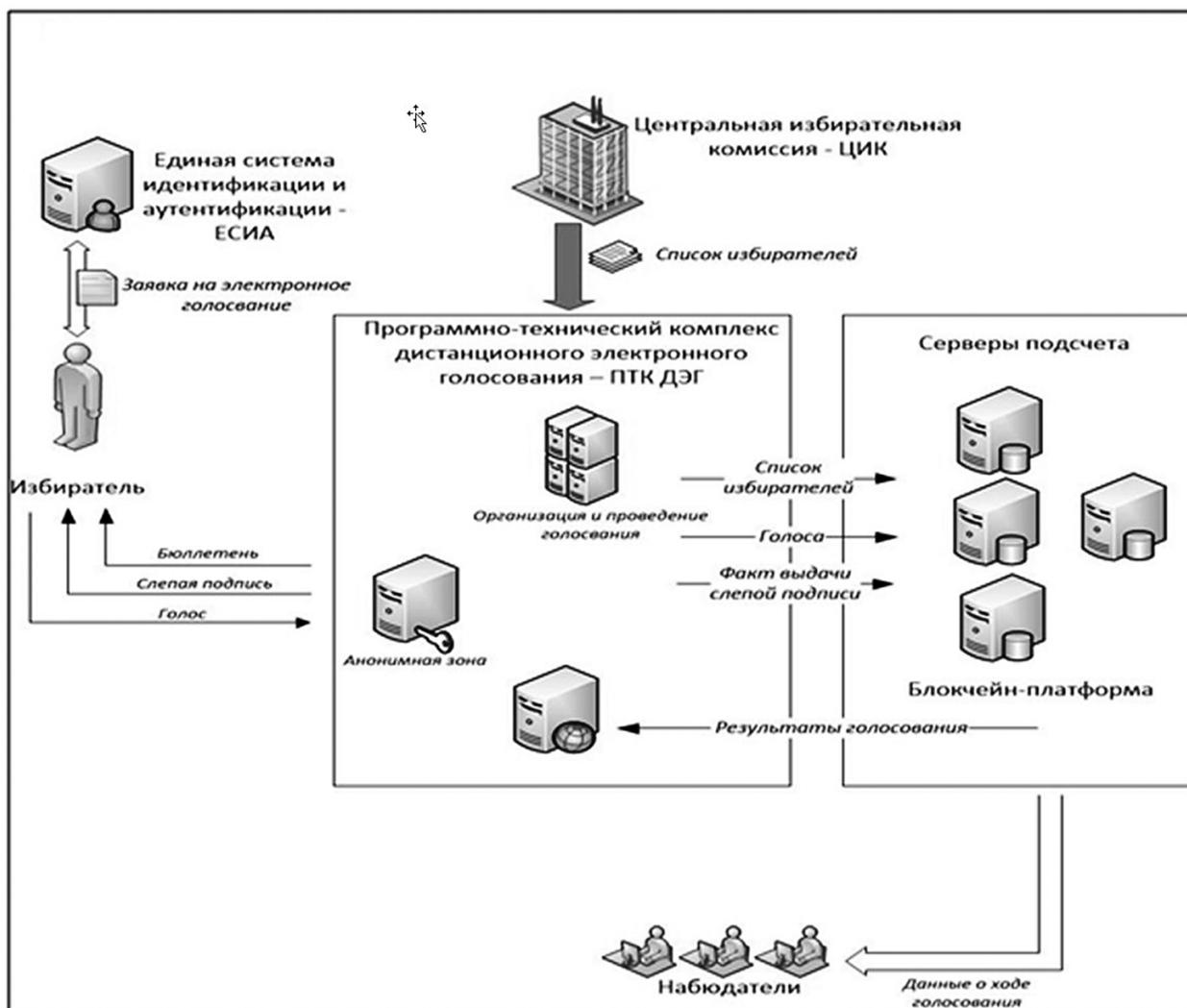

Рис./Fig. Основные элементы системы дистанционного электронного голосования /
The main elements of the remote electronic voting system

Источник / Source: составлено автором по данным открытых источников / Compiled by the author according to open sources.

и дальнейшее его разделение программными методами). Сложная двухступенчатая система призвана гарантировать безопасность передачи данных. Как и в других системах электронного голосования, для получения бюллетеня используется технология электронной подписи по стандарту ГОСТ Р 34.10–2012, а для шифрования каждого голоса и дешифрования общих результатов голосования используется протокол по схеме Эль-Гамала на эллиптических кривых и доказательство с нулевым разглашением Disjunctive Chaum-Pedersen range proof. Список используемых в рассматриваемой системе голосования криптографических протоколов далеко не полон, важно учитывать, что платформа «Ростелекома», как и другие подобные системы, предусматривает возможность замены алгоритмов шифрования в случае возникновения угроз безопасности либо

некорректного функционирования системы. Сложность изучения механизмов шифрования данных в системах электронного голосования состоит в том, что процесс решения задачи анонимизации голоса избирателя специальными техническими средствами, как правило, не освещается в открытых источниках, тем более, крайне сложно найти информацию о проблемах применения того или иного алгоритма криптографии.

ВЫВОДЫ

В настоящее время властные структуры ведут информационную кампанию в поддержку новых цифровых решений с тем, чтобы повысить уровень доверия широких слоев потенциальных избирателей к процедуре онлайн-голосования и предотвратить возможные спекуляции на тему нарушения государством принципов неразглаше-

ния персональных данных и иных угроз, связанных с избыточным контролем и ограничением гражданских свобод. По официальным данным руководства ЦИК, основная цель модернизации избирательной системы в виде снижения числа злоупотреблений и усиления контроля за соблюдением законодательства в сфере реализации избирательных прав граждан, уже достигнута [7]. Однако эта публичная позиция не отменяет необходимости дальнейшего расширения применения цифровых технологий в электоральном процессе.

В результате анализа технологических особенностей применяемой в РФ системы электронного голосования можно констатировать, что при ее разработке выполняющая госзаказ компания «Ростелеком» опиралась на общепризнанные требования к организации и функционированию подобных систем. Среди важнейших из них — тайна голосования, легитимность всех участников, невозможность изменения результатов после завершения голосования [8]. Отметим, что приоритетом государства, как и в случае с другими системами дистанционного электронного голосования, выступает обеспечение надежной защиты от внешних воздействий, а не выстраивание наиболее эффективных взаимодействий в процессе сбора и передачи данных о голосовании. Об этом, в частности, свидетельствует подключение созданной «Ростелекомом» платформы к государственной системе обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА)⁴, которая включает иерархически организованный комплекс информационных центров, распределенных по территории страны. Основная задача ГосСОПКА — сбор информации об угрозах информационной безопасности для выработки мер превентивной защиты. Аппаратно-программный комплекс электронного голосования считается объектом критической информационной инфраструктуры, вследствие чего

⁴ Деятельность ГосСОПКА регулируется Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

включается в общегосударственную систему обмена информацией об угрозах безопасности и кибератаках. В рассматриваемом примере безопасность данных находится в сфере ответственности ПАО «Ростелеком»: центры обработки данных компании обеспечивают размещение и функционирование создаваемого распределенного реестра, хотя к этому процессу в любой момент могут подключиться и другие участники (например, общественные организации в статусе наблюдателей). Однако возможность контроля за хранением данных либо частичного дешифрования итогового бюллетеня с помощью отдельных частей закрытого ключа не означает доступа к механизмам обеспечения информационной безопасности, которые остаются под контролем специалистов «Ростелеком».

В связи с технологическими особенностями системы электронного голосования вопрос легитимности власти и доверия властным институтам со стороны общества приобретает новую актуальность. Абсолютная «прозрачность» электоральной процедуры, как и анонимность пользователей, недостижимы при использовании решений на основе технологии блокчейн в политическом процессе. Это не отменяет возможности применения электронного голосования и не обесценивает его преимущества, однако ставит вопрос о необходимости эффективного взаимодействия между государством и обществом, о поддержании «обратной связи», позволяющей учитывать восприятие новых технологий при принятии политических решений. В случае низкого уровня доверия власти технически невозможная «открытость» алгоритмов управления данными о голосовании может стать основанием для снижения легитимности всей электоральной процедуры (например, на основании теоретически возможных воздействий на процесс шифрования политических предпочтений). В этом случае применение более совершенных, чем «бумажное» голосование, решений на основе блокчейн может иметь деструктивные политические эффекты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матренина К. Ю. Электронное голосование: понятие и виды. *Государство и право*. 2015(2):120–123. Matrenina K. Yu. Electronic voting: the concept and types. *State and Law*. 2015;(2):120–123.
2. Fedorov V. Presidential Elections in Russia 2018 and Electronic Voting. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/346259619_Presidential_Elections_in_Russia_2018_and_Electronic_Voting.
3. Киселев В. О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга. Мониторинг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-politicheskim-institutam-v-rossii-opyt-sotsiologicheskogo-monitoringa>.

- Kiselev V. O. Trust in political institutions in Russia: experience of sociological monitoring. *Monitoring*. 2014;6(124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-politicheskim-institutam-v-rossii-opyt-sotsiologicheskogo-monitoringa> (accessed on 01.05.2021).
4. Li G., Hou Y. & Wu A. Fourth Industrial Revolution: Technological drivers, impacts and coping methods. *Chinese Geographical Science*. 2017;27(4):626–637.
 5. Мухаметов Д.Р. Технологии big data в политических процессах: риски и ограничения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):143–149.
Mukhametov D.R. Big Data technologies in political processes: risks and opportunities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):143–149. (In Russ.).
 6. Стопинге В. Криптография и защита сетей. Принципы и практика. М.: Вильямс; 2001. 672 с.
Stopinge V. Cryptography and network protection. Principles and practice. Moscow: Williams; 2001. 672 p. (In Russ.).
 7. Чурова В.И., ред. КОИБ: история создания и применения: сб. материалов. М.: ЦИК Российской Федерации; 2014. (In Russ.).
Churov V.I., ed. KOIB: history of creation and application: collection of materials, Moscow, 2014. (In Russ.).
 8. Nurmi H., Salomaa A. Conducting secret ballot elections in computer networks: Problems and solutions. *Ann Oper Res*. 1994;(51):185–194. URL: <https://doi.org/10.1007/BF02032763>.

REFERENCES

1. Matrenina K. Yu. Electronic voting: the concept and types. *Gosudarstvo i pravo*. 2015(2):120–123. (In Russ.).
2. Fedorov V. Presidential Elections in Russia 2018 and Electronic Voting. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/346259619_Presidential_Elections_in_Russia_2018_and_Electronic_Voting.
3. Kiselev V. O. Trust in political institutions in Russia: experience of sociological monitoring. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-politicheskim-institutam-v-rossii-opyt-sotsiologicheskogo-monitoringa>. (In Russ.).
4. Li G., Hou Y., Wu A. Fourth Industrial Revolution: Technological drivers, impacts and coping methods. *Chinese Geographical Science*. 2017;27(4):626–637.
5. Mukhametov D.R. Big Data technologies in political processes: risks and opportunities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):143–149. (In Russ.).
6. Stopinge V. Cryptography and network protection. Principles and practice. Moscow: Williams; 2001. 672 p. (In Russ.).
7. Churov V.I., ed. KOIB: history of creation and application: a collection of materials. Moscow; 2014. (In Russ.).
8. Nurmi H., Salomaa A. Conducting secret ballot elections in computer networks: Problems and solutions. *Ann Oper Res*. 1994;(51):185–194. URL: <https://doi.org/10.1007/BF02032763>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оксана Валерьевна Ерохина — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
o.v.erokhina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Oksana V. Erokhina — Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
o.v.erokhina@gmail.com

Статья поступила 10.04.2021; принята к публикации 30.04.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.04.2021; accepted for publication on 30.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70
УДК 327.821,327.81(045)

Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов

А.Э. Безруков^а, К.А. Иванов^б, Е.С. Чимири^с

^{а, б, с} Институт развития интеграционных процессов ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-9321-5830>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7003-6274>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются перспективы и ограничения развития интеграционных процессов в регионе Центральной Азии с учетом наличия нескольких крупных внешних по отношению к региону игроков — России, США и ЕС («коллективного Запада»), и Китая. Актуальность выбранной тематики обусловлена несколькими причинами, среди них — высокая ресурсная емкость региона Центральной Азии, особенности геополитического и геостратегического положения, рост внешнеполитической и внешнеэкономической активности самих стран региона. Авторы статьи исходят из гипотезы, что интересы основных крупных геополитических игроков: России, Китая и Запада, играют в этих процессах одну из важных ролей. Основная проблема, которая рассматривается в данной статье, — насколько интересы крупных игроков совпадают или противоречат друг другу, а также способствуют ли они интересам евразийской экономической интеграции. Исследование проводилось с применением ресурсно-акторного анализа с учетом особенностей поведения внешнеполитических акторов. В ходе исследования были выявлены наиболее конфликтные точки в повестке крупных внешних игроков, определены возможные области для сотрудничества, а также факторы, влияющие на российские интеграционные инициативы в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия; интеграция; Россия; Китай; США; СНГ; ОДКБ; ЕАЭС; «Один пояс, один путь»

Для цитирования: Безруков А.Э., Иванов К.А., Чимири Е.С. Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):62-70. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70

ORIGINAL PAPER

Integration Processes in Central Asia: The Clash of Interests of External Factors

A.E. Bezrukov^а, K.A. Ivanov^б, E.S. Chimiris^с

^{а, б, с} Institute for the Development of Integration Processes,

Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia;

^с Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-9321-5830>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7003-6274>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>

ABSTRACT

The article examines the prospects and limitations of the development of integration processes in the Central Asian region, taking into account several prominent external players in relation to the region — Russia, the United States and the EU (“collective West”) China. The chosen topic is relevant for several reasons: the high resource capacity of the Central Asian region, the peculiarities of its geopolitical and geostrategic position, the growth of foreign policy and foreign economic activity of the countries of the region. The authors of the article proceed from the hypothesis that the interests of the main large geopolitical players: Russia, China and the West, play one of the important roles in these processes. The main problem considered in this article is to what extent the interests of large players coincide or contradict each other and whether they contribute to the interests of Eurasian economic integration. The study was carried out using resource-actor analysis, taking into account the peculiarities of the behaviour of foreign policy actors. The study identified the most conflicting points on the agenda of large external players, possible areas for cooperation, and factors, that influence Russian integration initiatives in the region.

Keywords: Central Asia; integration; Russia; China; USA; CIS; CSTO; EAEU; “One Belt, One Road”

For citation: Bezrukov A.E., Ivanov K.A., Chimiris E.S. Integration processes in Central Asia: The clash of interests of external factors. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):62-70. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70

ОСНОВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ВНЕШНИХ АКТОРОВ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КОНФЛИКТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Для России Центральная Азия имеет важнейшее стратегическое значение, что обусловлено рядом объективных факторов. Протяженность общей границы России со среднеазиатским регионом составляет примерно 7500 км. Со стороны России с регионом граничат 12 субъектов Федерации [1, 2]. Учитывая обстоятельства, связанные с социальной и политической нестабильностью Центральной Азии, южные границы России являются крайне уязвимыми перед лицом распространения радикального исламизма, роста организованной преступности и наркотрафика. Фактически любое кризисное явление высокой интенсивности в регионе в краткосрочной перспективе может стать источником нестабильности не только по периметру границ России, но и привести к росту политической неуправляемости уже внутри Российской Федерации. Все это усугубляется обширными иммиграционными потоками, в том числе нелегальными, из стран Центральной Азии [3]. Замкнутые анклав мигрантов являются питательной средой для распространения радикальных исламистских и экстремистских взглядов.

Рынок республик Центральной Азии также важен для России с точки зрения экспорта готовой продукции. Здесь реализуется значительная доля российского экспорта продовольствия, машин и транспортного оборудования, а в последние годы и металлургической продукции. При этом значительная часть добываемых в регионе углеводородов экспортируется через территорию Российской Федерации в Европу. И, несмотря на потенциальную опасность, связанную с неконтролируемой миграцией из Центральной Азии, пребывающие из региона мигранты — важный элемент удовлетворения спроса на трудовые ресурсы в России.

Однако, несмотря на очевидную необходимость российского политического и экономического присутствия в Центральной Азии, региону во внешней политике России долгое время отводилась далеко не первостепенная роль. Россия как одно из крупнейших государств мира вынуждена проводить многовекторную внешнюю политику, ориентированную на выстраивание связей со множеством игроков. С другой, оказавшись после событий на Украине в 2014 г. в ситуации санкционного давления и жесткого противостояния со

странами Запада, Россия была вынуждена стать намного более избирательной в формировании собственных внешнеполитических приоритетов. Так, вскоре после начала эскалации отношений с «коллективным Западом» был объявлен «поворот на Восток». Интенсивность экономических и политических контактов России как с Китаем, так и со странами Центральной Азии возросла многократно. Эти исторические сдвиги в российской внешней политике совпали с выходом на новую ступень процесса евразийской интеграции и выдвиганием ряда стратегических инициатив КНР [1].

Для Китая, в свою очередь, Центральная Азия также представляет существенный интерес. Для китайского политического руководства, как и для российского, интерес к региону имеет два измерения: стратегическая безопасность (противодействие экстремизму, сепаратизму и терроризму) и экономическое сотрудничество. На первый взгляд, интересы России и Китая в Центральной Азии полностью совпадают, и обе великие державы обречены на кооперацию и согласование действий в регионе. Однако приоритеты Китая и России имеют ряд отличий, что препятствует полноценному конструктивному взаимодействию двух государств. В частности, Китай на сегодняшний день не готов предпринимать активные действия по обеспечению политической стабильности региона. Во-первых, это объясняется традиционной позицией Китая о военном невмешательстве и приоритетном использовании иных инструментов политического урегулирования главным образом — экономических. Во-вторых, КНР несет существенные убытки по сдерживанию собственного регионального сепаратизма в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном округе, что сужает для него круг возможностей по непосредственному политическому и военному воздействию на ситуацию в Центральной Азии. Следует учитывать и наличие антикитайских настроений среди населения ряда центрально-азиатских республик. С одной стороны, сохранение такого положения вещей для России, играющей на сегодняшний день в регионе ведущую роль в сфере военной безопасности (российские военные базы расположены в Таджикистане и Киргизии), крайне выгодно. Военное присутствие компенсирует другие слабые позиции России, например экономические. С другой — в случае проявления масштабного кризиса, ставящего под угрозу политическую и социальную стабильность

региона, есть риск, что Россия окажется один на один с необходимостью проведения активных мероприятий по урегулированию возникшей конфликтной ситуации.

Что касается экономического взаимодействия, то и здесь у России и Китая есть несогласие по ряду позиций. Центральная Азия является для Китая важнейшим источником углеводородов. Китайские компании становятся все более активными игроками в энергетическом секторе региона. Если в 1990-х гг. интересы Китая в энергетической сфере Центральной Азии были сосредоточены главным образом на нефтегазовой отрасли Казахстана, то с начала 2000-х гг. инвестиционная активность КНР начала затрагивать и другие государства региона с их энергетическими отраслями. В первую очередь это касается Туркменистана, который обладает четвертыми по величине запасами газа в мире и является главным центральноазиатским экспортером его в Китай. В основном за счет поставки газа доля КНР в экспорте Туркменистана составила почти 70%: в одном только 2017 г. Туркменистан поставил в Китай в общей сложности свыше 30 млрд куб. м газа [4].

В перспективе между Китаем и Россией возможно соперничество за доступ к углеводородным ресурсам региона. Россия активно использует энергетические запасы Центральной Азии для экспорта в Европу. Переориентация государств региона на Китай ставит под сомнение роль России как транзитного государства и надежного поставщика ресурсов. Кроме того, Центральная Азия вполне может выступить транзитным регионом для транспортировки углеводородов из государств Ближнего Востока и Ирана [4]. В этом случае поставки нефти и газа для Китая станут значительно дешевле, что может негативно сказаться на потребности КНР уже в российских ресурсах.

Экономическая экспансия Китая в Центральной Азии не ограничивается нефтегазовым сектором. КНР имеет устойчиво высокий интерес к развитию инфраструктуры в регионе. Главным флагманским проектом Китая в этой сфере является инициатива «Экономический пояс шелкового пути» (ЭПШП). Основная цель проекта — создание и объединение транспортной инфраструктуры Китая, Центральной Азии, Южной Азии и Европы. Успешная реализация инициативы позволит КНР значительно нарастить товарные потоки в европейские государства и укрепить свое эко-

номическое влияние в мире. Китай также готов взять на себя основную часть затрат по созданию и совершенствованию инфраструктуры в странах, готовых принять участие в проекте. При этом реализация ЭПШП была поддержана Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Так, 8 мая 2015 г. подписано совместное заявление России и Китая о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). При этом стоит признать, что проекты ЕАЭС и ЭПШП являются конкурирующими [6]. Конечно, на первый взгляд, у России и Китая в данном случае цели схожи, а потенциал для кооперации очень высок. С одной стороны, успех инициативы позволит стабилизировать социально-экономическую и политическую обстановку в Центральной Азии путем значительного повышения уровня внешних инвестиций и сформировать экономическую интеграционную модель, которая в еще большей степени подорвет доминирование «коллективного Запада». С другой — финансовые возможности Китая и его ориентация именно на двусторонние отношения [5] со странами региона, а не с объединенными интеграционными блоками, в том числе ЕАЭС, в перспективе может подорвать позиции России как одного из главных субъектов интеграционных процессов в Центральной Азии. Более того, в отличие от стран Запада и России, Пекин не вмешивается в политические процессы центральноазиатских стран и не оказывает на государства региона политическое давление, чтобы удержать его в зоне своего геополитического влияния, что является значительным преимуществом Китая с точки зрения политического руководства республик Центральной Азии [6].

Что касается «коллективного Запада», то здесь необходимо признать, что решающая роль в ретрансляции его интересов в Центральной Азии принадлежит США. Однако, если у Китая и России на протяжении долгого периода времени существовали и продолжают сохраняться постоянные приоритеты в части собственного позиционирования в регионе, то политика Соединенных Штатов в Центральной Азии за последние 20 лет претерпела определенную эволюцию. Если до 2001 г. Центральная Азия являлась для американского политического руководства регионом периферийным и не представляющим особого интереса, то после событий 11 сентября 2001 г. и начала военной кампании в Афганистане регион стал важнейшим плацдармом с точки зрения

достижения стратегических успехов в рамках разворачивающихся военных действий. Однако интерес к региону не ограничивался только военной сферой. США (как и в Восточной Европе) в Афганистане взяли на вооружение концепцию агрессивной демократизации. Предполагалось, что это позволит сформировать благоприятные условия для снижения радикальных исламистских настроений и экстремизма.

При этом стоит отметить, что, конечно, целью США была не только борьба с исламистскими организациями экстремистского толка, но и сдерживание набирающих силу России и Китая. «Демократические» лояльные США режимы должны были в перспективе не позволить Китаю и России стать доминирующими державами в Азии и, соответственно, способствовать сохранению американских лидерских позиций в мире. В 2005 г. в США был презентован геополитический проект под названием «Большая Центральная Азия», согласно которому Вашингтон предполагал сформировать единое военно-стратегическое пространство, состоящее из государств Центральной Азии и Афганистана, а впоследствии объединить «Большую Центральную Азию» с подобным проектом «Большой Ближний Восток» [7].

Однако неудачи в Ираке и Афганистане (как в военном плане, так и в части демократизации), избрание в 2008 г. президентом Барака Обамы и приход к власти демократической администрации значительно изменили подходы США в Центральной Азии. По сравнению с предыдущим периодом интенсивность присутствия США в регионе заметно снизилась. Политика Б. Обамы в Центральной Азии стала характеризоваться оппонентами внутри страны как непоследовательная, противоречивая, пассивная, сопровождающаяся общим отступлением, закрытием баз, нежеланием радикально вмешиваться в дела стран региона (например, посредством «цветных революций»). В 2014 г. ситуация стала меняться в обратном направлении. События на Украине и новый период конфронтации с Россией поставили перед американским политическим руководством задачу поиска инструментов сдерживания России. Попытки снижения влияния Российской Федерации в Центральной Азии стали одними из них. В этой связи, несмотря на вывод войск США из Афганистана, внимание к региону со стороны американского истеблишмента вновь усилилось. Новый план модернизации отношений с Центральной Азией был представ-

лен в 2015 г. Во главу угла ставилось не только наращивание экономической помощи странам Центральной Азии, но и их вовлечение в более масштабный проект «Нового шелкового пути» (НШП) (был объявлен в 2011 г.), который должен был направить ресурсы региона, особенно энергетические и сырьевые, в сторону таких южных гигантов, как Индия и Пакистан, где явственно ощущается дефицит газа и электричества [8]. При этом дискуссия о необходимости политических преобразований в республиках региона ушла на второй план.

Избрание же президентом США Дональда Трампа радикальных изменений в американскую стратегию в регионе не привнесло. США продолжили активно использовать инструменты адресной экономической помощи. Однако, как показала практика, на сегодняшний день США не готовы инициировать масштабные и дорогостоящие проекты, как Китай. Если КНР имеет возможность взять на себя обязательства по реализации проекта ЭПШП, то США не могут себе позволить полностью профинансировать НШП. Недостаток финансовых ресурсов и географическая удаленность объективно снижают возможности политического и экономического присутствия США в регионе. Более того, одним из приоритетов Вашингтона является снятие с себя ответственности за стратегическую стабильность в Афганистане и переложение этого бремени на другого внешнего актора, желательно на Китай.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ВНЕШНИХ АКТОРОВ

Крупнейшим интеграционным объединением на территории региона является Содружество Независимых Государств (СНГ). Изначально предполагалось, что СНГ станет институтом, который позволит отрегулировать отношения между бывшими республиками СССР в самых различных сферах: от безопасности до экономики. Однако СНГ оказалось перед лицом серьезных кризисов и вызовов, которые не позволили ему реализовать свой потенциал. Главным образом, речь идет о конфликте между Россией и Грузией в 2008 г. и между Россией и Украиной в 2014 г. СНГ не смогло стать механизмом разрешения споров между государствами-членами. В итоге интеграционные процессы на территории постсоветского пространства, в том числе в регионе

Центральной Азии, получили свое продолжение уже в рамках других объединений.

С точки зрения обеспечения безопасности вдоль южных границ и развития военно-политической интеграции, для России важнейшим инструментом является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). На сегодняшний день помимо России, Армении и Белоруссии в ОДКБ входят следующие страны Центральной Азии: Киргизия, Казахстан и Таджикистан. На первый взгляд, ОДКБ достаточно сильная организация с централизованной системой управления, способная проводить оперативные действия с целью предотвращения угроз и стабилизации военно-политической ситуации в регионе. Так, у ОДКБ имеются: Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона (КСБР), Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) и Коллективные авиационные силы (КАС). Потенциально в случае возникновения масштабного кризиса в Центральной Азии, представляющего серьезную опасность национальной безопасности и политической стабильности стран региона, именно ОДКБ должна стать основным механизмом «умиротворения».

Однако внутри Организации имеются определенные противоречия, которые мешают ее дальнейшему развитию и превращению в полноценный инструмент обеспечения региональной стабильности. Частично это связано с природой создания ОДКБ. Организация была сформирована в 2002 г. на базе Договора о коллективной безопасности (ДКБ), заключенного в 1992 г. Важно упомянуть, что до момента создания ОДКБ свои подписи под ДКБ ставили Грузия, Азербайджан и Узбекистан. К концу 1990-х гг. указанные государства покинули ДКБ и не принимали участие в создании Организации. Здесь необходимо указать, что, наверное, основным стимулом к сотрудничеству в 1990-е гг. в таком формате стало скорее стремление сохранить остатки советской ценностно-идеологической общности, чем потребность в отражении внешних угроз. ДКБ был рыхлым объединением без серьезной функциональной составляющей. Часть государств не хотела брать на себя существенные обязательства и способствовать военно-политическому усилению России, которая бы, очевидно, заняла главенствующую роль в структуре. В этой связи смена внешнеполитической ориентации моментально привела к тому, что эти страны покинули объединение. Наиболее примечателен

здесь пример Узбекистана, который в силу сугубо конъюнктурных причин в 1999 г. покинул ДКБ, затем в 2006 г. вступил в ОДКБ, а в 2012 г. вновь вышел из Организации.

Кроме того, серьезным препятствием для наращивания позиций Организации в регионе являются ее нормативные установки о невмешательстве во внутренние дела государств-членов, что входит в серьезное противоречие с потребностями эволюции ОДКБ. Данное военно-политическое объединение сильно ограничено в своих функциональных возможностях. Другими словами, если одна из стран Центральной Азии у своих внешних границ столкнется с угрозой для своей безопасности, то силы ОДКБ имеют право вмешаться в ситуацию. Однако в случае переворота в одной из них и прихода к власти радикальной исламистской группы соответствующая реакция ОДКБ становится невозможной. При этом дестабилизация региона примет неотвратимый характер. Во многом это связано с тем, что государства — члены ОДКБ опасаются чрезмерного усиления России и не могут позволить легитимизировать ее действия на случай собственного внутреннего политического кризиса.

Другим интеграционным проектом, одна из основных задач которого — формирование условий для кооперации в сфере безопасности в регионе, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). У истоков ШОС стояли Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Киргизия. Создание Организации стало естественной реакцией на серьезную угрозу превращения региона в район постоянной нестабильности из-за резкой активизации терроризма и радикального исламизма. Также для России и Китая формирование и дальнейшее развитие ШОС являлось хорошей возможностью объединить под своей эгидой усилия и потенциалы центральноазиатских государств для сдерживания экспансии США, которая стала реальной угрозой из-за значительного усиления американского военного присутствия в регионе после начала боевых действий в Афганистане.

За годы своего существования ШОС продвинулась далеко вперед и из консультативной структуры постепенно превратилась в крупнейшую региональную организацию, взяла на себя функции одного из гарантов стабильности и мирного развития не только в Центральной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наиболее значимым событием в истории Организации

стало вступление в нее в 2017 г. в качестве полноправных членом Индии и Пакистана.

Однако на пути развития Организации имеются определенные преграды, мешающие превращению ШОС в полноценный региональный центр политической силы. Речь главным образом здесь идет о взаимных противоречиях между государствами-членами и невозможностью достижения консенсуса относительно формирования общей внешнеполитической стратегии. Данное утверждение также подтверждается рядом экспертов из США, с точки зрения которых разногласия между членами ШОС не позволяют им достичь быстрых результатов в части дальнейшего углубления сотрудничества в рамках Организации [9].

Индия и Пакистан, несмотря на их активное участие в деятельности Организации, имеют гораздо большую историческую связь с «коллективным Западом». Более того, у Индии с Китаем сохраняются определенные приграничные противоречия. Таким образом, формирование на базе Организации полноценной военно-политической структуры, бросающей вызов аналогичным западным интеграционным институтам, невозможно. Также относительно будущего ШОС имеются противоречия и у России с Китаем. Руководство КНР убеждено, что политические и экономические аспекты деятельности ШОС должны иметь равноправное значение, а в будущем возможно превалирование экономической составляющей. Россия же считает, что традиционный смысл существования Организации — борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, и она должна сохранить эту роль. Стоит подчеркнуть, что в рамках ШОС так и не удалось реализовать ряд значимых инициатив Китая. Политическое руководство КНР предлагало создать правовую базу для Зоны свободной торговли, Деловой совет, Банк регионального развития и, учитывая уроки экономического кризиса 2008–2009 гг., антикризисный фонд. Эти инициативы тем или иным образом были отведены Россией или странами Центральной Азии. Россия и Казахстан осознают, что предоставление Китаю большей экономической свободы в рамках Организации сделают из КНР единственного и непререкаемого лидера. В этой связи для России наиболее приоритетным вариантом развития экономической интеграции является Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

ЕАЭС был создан в 2014 г. и пришел на смену Евразийскому экономическому сообществу. За

13 лет существования Евразийского экономического сообщества (с 2001 по 2014 г.) были достигнуты следующие значимые результаты в части углубления экономической интеграции: введение режима свободной торговли; установление единой системы тарифного и нетарифного регулирования; образование единого финансового и энергетического рынка; обеспечение свободы движения капитала; создание равных условий предпринимательской деятельности; сближение и гармонизация национальных законодательств [10]. С точки зрения российского политического руководства ЕАЭС — один из главных инструментов позиционирования России в качестве одного из ведущих акторов в международном политическом и экономическом пространствах.

Эталоном для дальнейшего развития ЕАЭС является Европейский союз — интеграционная группировка с самым большим в мире количеством полномочий в сфере политического и экономического регулирования, переданных на надгосударственный уровень. Однако на пути строительства аналога ЕС на территории бывших советских республик постсоветского пространства, в том числе государств Центральной Азии, имеются свои проблемы. Так, например, если ЕС изначально формировался странами, фактически имеющими одинаковую структуру экономики, схожий уровень технологического развития, идентичные политические институты, то создание ЕАЭС происходило на базе государств с существенно разными показателями социально-экономического развития и особенностями политического устройства. Во многом это же обстоятельство наравне с разнонаправленными внешнеполитическими ориентирами затрудняет процесс присоединения других государств.

Например, часть стран (Узбекистан и Туркменистан) пошли по пути установления жесткой формы диктатуры во внутривнутриполитическом поле, а другая часть (например, Казахстан) сформировали более мягкие формы авторитарной модели управления. Аналогичная ситуация прослеживается и в экономическом контексте. Если, например, Казахстан стремится создать развитый класс малых и средних предпринимателей, частично либерализуя экономику, то Узбекистан в большей степени полагается на жесткие централизованные, управляемые государством шаги в экономике. Отдельной проблемой является высокая доля теневого сектора в экономиках среднеазиатских государств. Все это значительно усложняет про-

цесс поиска удовлетворяющей всех процедуры согласования экономических и политических вопросов в регионе с целью расширения и развития приоритетных для России интеграционных группировок, в том числе ЕАЭС. Проблемой для ЕАЭС в лице России также остается экономическая конкуренция с интеграционными инициативами Китая. В частности, речь идет о суперпроекте Китая «Один пояс, один путь». Именно в рамках него и продвигаются инициативы по созданию ЭПШП.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С УЧЕТОМ ИНТЕРЕСОВ ВНЕШНИХ АКТОРОВ

Для России реализация собственных интеграционных проектов в Центральной Азии — объективно важнейший внешнеэкономический и политический приоритет, приобретший после событий 2014 г. совершенное иное значение. Россия стремится к очевидному лидерству в центральноазиатских интеграционных процессах, стараясь максимально замкнуть на себе вопросы, связанные с экономической и политической кооперацией в регионе. Однако именно такая модель развития интеграции, а именно — создание жесткой структуры надгосударственного управления — как в экономической, так и военно-политической сферах, вызывает наибольшее противодействие со стороны других внешних игроков.

Принципиальная позиция России сильно отличается от текущего видения ситуации как Китаем, так и «коллективным Западом». Предлагаемые другими акторами (в особенности, Китаем) проекты рассчитаны на мягкую экономическую кооперацию без необходимости брать на себя обязательства по скорейшему углублению интеграционных процессов и делиться суверенитетом. Россия, по сравнению с другими игроками, не имеет таких же материальных ресурсов и не может конкурировать в части обеспечения социально-экономического роста. В этой связи Россия вынуждена полагаться на политические методы, а именно — позиционирование себя как единственно возможного гаранта безопасности и политической стабильности, а также арбитра при возникающих конфликтах.

Китай, в свою очередь, заинтересован как в политической и социально-экономической стабильности региона, так и в наращивании собственного экономического присутствия, особенно

в нефтегазовом секторе, и развитии местной инфраструктуры, особенно транспортной. При этом для китайского политического руководства оба аспекта взаимосвязаны. Высокий уровень инвестиций должен привести к росту благосостояния населения стран Центральной Азии и, соответственно, к снижению вероятности возникновения острых кризисных ситуаций. При этом интенсификация экономического присутствия КНР, очевидно, направлена не только на «умиротворение» региона, но и создание плацдарма для укрепления собственных лидерских позиций уже в глобальном масштабе [11].

«Коллективный Запад», в частности США, после неудачных попыток насильственной демократизации ряда восточных государств и существенного роста материальной нагрузки в связи с проведением военных операций в Афганистане и Ираке, был вынужден снизить интенсивность своего политического воздействия на страны Центральной Азии, ограничившись адресной экономической помощью. На сегодняшний день Соединенные Штаты не могут себе позволить ни инициировать крупные экономические проекты в регионе, ни предложить устраивающую политические элиты региона политическую повестку, ни значительно нарастить военное присутствие, ни, соответственно, сформировать лояльные им интеграционные структуры. Однако регион Центральной Азии все равно продолжает вызывать значительный интерес у американского политического руководства. Это обусловлено необходимостью поиска наименее затратных способов по обеспечению стабильности в Афганистане, а также сдерживанием двух своих основных геополитических конкурентов: России и Китая.

Оба аспекта, с точки зрения США, взаимодополняют друг друга. В случае, если удастся переложить ответственность за сдерживание радикального исламизма и экстремизма в Афганистане на какую-либо из конкурирующих сторон, она будет нести значительные издержки, что снизит ее возможность по наращиванию своего влияния в других регионах. При этом для американской политической элиты важно не допустить существенного повышения уровня кооперации и взаимодействия между Россией и Китаем, что может стать основанием для формирования в регионе крупного интеграционного блока, способного бросить вызов западным институтам. Более того, для Соединенных Штатов также приоритетной задачей становится содействие политиче-

скому и экономическому соперничеству между Россией и Китаем в Центральной Азии, где их интересы сильно переплетены и взаимосвязаны.

Таким образом, дальнейшее развитие интеграционных процессов в Центральной Азии с уче-

том интересов внешних акторов будет зависеть от разрешения целого ряда уже существующих и потенциальных конфликтных ситуаций, а также поиска точек соприкосновения в тех сферах, где сотрудничество неизбежно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кривопапов А.А., ред. От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона. М.: Научный эксперт; 2016.
2. Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy Towards Central Asia. *Pacific Affairs*. 2006;79(2):205–224.
3. Исакова Г.К. Региональная безопасность в Центральной Азии и стратегии Россия, США и Китая. *PolitBook*. 2014;(4):8–51.
4. Малышева Д.Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(5):101–108.
5. Братерский М.В., Суслов Д.В. Россия, США и Китай в Центральной Азии. *США и Канада: Экономика, Политика, Культура*. 2015;(4):3–17.
6. Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic, Carnegie Endowment for International Peace, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>.
7. Тофан А.В. Стратегические интересы США, России и Китая в Центральной Азии на современном этапе. *Интерактивная наука*. 2016;(10):86–90.
8. Шенин С.Ю. Текущая политика США в Центральной Азии: группы интересов и возможности для консенсуса. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2017;(12):79–95.
9. Wishnick E. Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2009. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep11652?seq=1#metadata_info_tab_contents.
10. Щерба К.Д. Политические особенности формирования интеграционных институтов Евразийского экономического союза. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*. 2019;(3):75–86.
11. Махаматов Т.Т. Диалектика цивилизаций Запада и Востока в Новом великом шелковом пути. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):47–53.

REFERENCES

1. Krivopalov A.A., ed. From Turkestan to Central Asia: The political future of the region. Moscow: Nauchny expert; 2016. (In Russ.).
2. Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy Towards Central Asia. *Pacific Affairs*. 2006;79(2):205–224.
3. Iskakova G.K. Regional Security in Central Asia and the Strategies of Russia, the USA and China. *PolitBook*. 2014;(4):8–51.
4. Malysheva D. B. Post-Soviet States of Central Asia in the Politics of China. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2019;63(5):101–108. (In Russ.).
5. Bratersky M. V., Suslov D. V. Russia, the USA, and China in Central Asia. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: Economy, Politics, Culture*. 2015;(4):3–17. (In Russ.).
6. Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic, Carnegie Endowment for International Peace, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>.
7. Tofan A. V. Strategic interests of the United States, Russia, and China in Central Asia at the present stage. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*. 2016;(10):86–90. (In Russ.).
8. Shenin C. Y. Current US policy in Central Asia: Interest groups and opportunities for consensus. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2017;(12):79–95. (In Russ.).

9. Wishnick E. Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2009. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep11652?seq=1#metadata_info_tab_contents.
10. Shcherba K.D. Political features of the formation of integration institutions of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika = Bulletin of the Moscow University. Series 27: Globalistics and Geopolitics*. 2019;(3):75–86. (In Russ.).
11. Mahamatov T. T. Dialectics of civilizations West and East in the New Great Silk Road. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):47–53. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Эдуардович Безруков — аналитик Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия

bezrukovae2012@mail.ru

Константин Александрович Иванов — заместитель директора Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия

jj22@ya.ru

Екатерина Сергеевна Чимириц — кандидат политических наук, руководитель Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия; доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

chimiris@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Alexey E. Bezrukov — Analyst at the Center for Socio-Political Research of the Institute for the Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

bezrukovae2012@mail.ru

Konstantin A. Ivanov — Deputy Director of the Institute for the Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

jj22@ya.ru

Ekaterina S. Chimiris — Cand. Sci. (Political Sciences), Head of the Centre for Socio-political Studies of the Institute for the Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

chimiris@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Е. С. Чимириц — разработка концепции, редакция и подготовка к публикации.

А. Э. Безруков — поиск и систематизация материалов, написание текста.

К. А. Иванов — анализ отдельных тематических направлений.

Declared contribution of the authors:

E. S. Chimiris — concept development, editing and preparation for publication.

A. E. Bezrukov — search and systematization of materials, writing the text.

K. A. Ivanov — analysis of individual thematic areas.

Статья поступила 03.02.2021; принята к публикации 30.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 03.02.2021; accepted for publication on 30.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-71-75
УДК 81`25(045)

Этикет и задачи переводчиков, работающих в политико-дипломатической сфере

М.С. Хейрандиш^а, Н.Ш. Джоландан^б, А. Хосейни^с

Тегеранский государственный университет, Тегеран, Иран

^а <https://orcid.org/0000-0002-3695-2551>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2470-8807>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-2470-8807>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящается определению правильного поведения, роли и задач переводчиков, работающих в политико-дипломатической сфере. Переводчик, по мнению ученых, играет большую роль в общении между людьми, развитии разных научных областей: от культуры до дипломатии и коммуникации. В данной статье акцентируется внимание на роли переводчика, работающего в политико-дипломатической сфере и имеющего несколько задач, в соответствии с которыми он должен соблюдать некоторые нормы поведения. В статье рассматриваются необходимые морально-этические нормы поведения и социально-культурная задача переводчика в указанной сфере. Именно социально-культурная задача имеет огромное значение при общении дипломатов-переводчиков с местными коллегами, населением, политиками и дипломатами. Что касается социальной задачи, то переводчик способствует сближению разных народов через перевод их литературных и социально-культурных произведений и создает необходимые предпосылки для установления политических контактов. Особое место в статье отводится роли переводческой профессии в двухсторонних переговорах, устному переводу, задачам и вызовам, с которыми профессиональные дипломатические переводчики сталкиваются. В статье применены методы наблюдения, общения, интерпретации результатов и анализ разных статей, посвященных данной теме.

Ключевые слова: социально-культурная задача; дипломатия; переговоры; переводчик; международные отношения; этикет, нормы поведения

Для цитирования: Хейрандиш М.С., Джоландан Н.Ш., Хосейни А. Этикет и задачи переводчиков, работающих в политико-дипломатической сфере. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):71-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-71-75

ORIGINAL PAPER

Etiquette and Tasks of Translators Working in the Political and Diplomatic Fields

M.S. Kheyrandish^а, N. Sh. Djolandan^б, A. Hosseini^с

University of Tehran, Faculty of Foreign Languages and Literatures, University of Tehran

^а <https://orcid.org/0000-0002-3695-2551>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2470-8807>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-2470-8807>

ABSTRACT

The article is devoted to determining the correct behaviour, role and tasks of translators working in the political and diplomatic sphere. The translator, according to scientists, plays an essential role in communication between people, the development of various scientific fields from culture to diplomacy and communication. This article focuses on the role of an interpreter in the political and diplomatic sphere. A translator working in the diplomatic field has several tasks, and following these tasks, he must comply with certain standards of conduct. The article deals with the necessary moral and ethical standards of behaviour and the social and cultural task of the translator in this area. This socio-cultural task is essential when communicating with local colleagues, the population, politicians and diplomats. As for the social task, the translator contributes to the dissemination and development of social phenomena of one society in another and helps to bring together the views of different peoples by translating their literary and socio-cultural works and creating the necessary prerequisites for establishing political contacts. The article focuses on the role of the translation

profession in bilateral negotiations, interpretation, and the challenges that professional diplomatic translators face. During their investigation, the authors used observation methods, generalisation, interpretation of results, and various articles written on this topic.

Keywords: Socio-cultural task; diplomacy; negotiations; translator; international relations; etiquette; norms of behaviour

For citation: Kheyrandish M.S., Djolandan N. Sh., Hosseini A. Etiquette and tasks of translators working in the political and diplomatic field. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):71-75. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-71-75

ВВЕДЕНИЕ

Мир, по убеждению большинства ученых, — это некая глобальная деревня. Люди на всех уровнях жизни взаимосвязаны: как в торговых, экономических, культурных, религиозных, так и в политико-дипломатических и прочих отношениях. В настоящий период глобализации происходят многовекторные и интеграционные процессы, и контакты между разными народами резко увеличиваются. В наш век информационные потоки распространяются по всему миру и безгранично охватывают все этапы нашей жизни. Для обмена информацией необходимы услуги переводчика. Данное информационное пространство как раз является опорой для человеческого развития в XXI в. В нашем мире перевод для установления коммуникации, общения и взаимного понимания жизненно необходим.

И. С. Алексеева пишет: «...поскольку разные народы вступали и вступают в торговые, военные, политические, экономические, культурные, научные отношения друг с другом на протяжении всей истории человечества, то, несомненно, перевод является не только одним из древнейших видов разумной человеческой деятельности, но и одним из важнейших видов социально-коммуникативной деятельности, находящейся в постоянном развитии» [1].

Процесс отношения и диалога стал более востребованным после Второй мировой войны, когда стало ясно, что без уважения друг к другу, без диалога и мирного урегулирования любых спорных моментов, без умения найти компромисс и договориться, мира и безопасности не будет. Страны начали думать о решении конфликтов политико-дипломатическим путем и укреплять договорно-правовые основы отношений. Стал очевиден тот факт, что перевод — это способ понимания друг друга, катализатор установления отношений и связующее звено. Даже опытные дипломаты, хорошо владеющие конкретным языком, иногда в целях точной передачи смысла используют услуги переводчика.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАДАЧА И ЭТИКЕТ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Дипломатический перевод осуществляется на международных мероприятиях, в организациях, а также в двухсторонних и многосторонних переговорах. Так как чиновники и должностные лица затрагивают разные темы, «переводчик должен обладать достаточно высокой квалификацией для того, чтобы решить идеологические и этические проблемы» [2].

В дипломатической сфере переводчик должен соблюдать следующие этические нормы:

1. Политико-дипломатический переводчик должен быть в курсе событий, происходящих в мире, иметь широкий круг знаний о разных науках, особенно о политике и международных отношениях.

2. Переводчик должен точно переводить фразы собеседника. Детали в политико-дипломатической сфере имеют огромное значение. В политике нюансы иногда изменяют ход переговоров и соответствующие реакции собеседника. Если в других неофициальных сферах допустимо донесение смысла, то в политике от переводчика требуется быть точным в переводе.

3. Переводчик должен быть находчивым и способным запомнить и понять длинные фразы, которые произносят переговорщики. На низком уровне можно попросить переговорщиков употреблять короткие предложения или делать паузу через каждые две-три фразы, но на высоком и высшем уровне переводчик не в праве прерывать речь высокопоставленных лиц.

4. Переводчик должен знать просторечия, диалекты, жаргон и неофициальный вариант переводимого языка. На высоком уровне стороны иногда воздерживаются употреблять просторечия, а в неформальной обстановке, например за обеденным столом, это вполне возможно.

5. У переводческой профессии, как и у других, есть этические нормы. Ответственность за целостность и сохранность переводимой фразы

напрямую лежит на переводчике. Переводчик в политико-дипломатической сфере должен донести до каждого переговорщика все нюансы сказанного. Соблюдение этической нормы важно и в случае редких языков, когда некоторые переводчики думают, что никто их не понимает, и можно перевести что угодно.

6. Соблюдение конфиденциальности информации в переговорах — еще один пример соблюдения профессиональной этики.

7. Переводчик не вправе комментировать фразу и высказывать свое видение и точку зрения. Он должен сохранять хладнокровие даже в непростых ситуациях.

8. На международных мероприятиях переводчик является представителем своей страны, поэтому ему следует соблюдать протокольные принципы.

Что касается к дресс-кода, то очевидно, что одеваться нужно строго и подобающе мероприятию. В Иране принято одеваться в черный костюм с черными носками. Галстук не надевают, но принято застегиваться на последнюю пуговицу и носить рубашку с воротником типа «стойка».

КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ЗАДАЧА ПЕРЕВОДЧИКА В ДИПЛОМАТИИ

«Перед назначением на должность в страны с другой культурой дипломатам предлагается в первую очередь познакомиться с этой культурой, чтобы уметь общаться и взаимодействовать с местными коллегами и населением, не нарушая рамок пристойности» [3].

В последние годы страны стали вступать в интеграционные процессы и налаживать взаимные отношения через переговоры, конференции, форумы и международные мероприятия. Нужен межкультурный диалог и сближение стран на основе взаимного учета интересов и уважения к традициям и культуре друг друга, чему способствует перевод. Во время исполнения своей функции переводчик должен обратить внимание на культурные тонкости собеседников. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает: «Каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру, — за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [4].

По словам М.Л. Вотинцевой, «смысл лингвистического элемента ясен только тогда, когда он согласуется с культурным контекстом, в котором

употребляется» [5]. Например, однажды В.В. Путин в интервью с арабскими телеканалами употребил фразу «Нельзя путать бога с яичницей», что по-ирански звучит не очень прилично.

С другой стороны, для хорошего выполнения своей профессиональной функции переводчик должен только передать слова и идею собеседника и не вдаваться в культурные детали. Переводчик облегчает процесс коммуникации между представителями разных стран, содействует процессу обмена опытом и знанием и помогает передаче культурной и коммуникативной информации. Переводчик улучшает развитие общества, играет роль в его совершенствовании, облегчает коммуникацию между людьми, представляет все культурно-социальное богатство мира, способствует распространению и развитию социальных явлений одного общества в другом, помогает сближению взглядов разных народов через перевод их литературных и социально-культурных произведений и создает необходимые предпосылки для установления политических контактов.

ДВУСТОРОННИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Новый век — это век глобализации. Несмотря на то что страны физически отделены друг от друга, они мысленно связаны и не могут существовать изолированно. Поэтому государства сотрудничают во всех сферах — от торговли до дипломатии. И здесь для получения общих и взаимных выгод и установления коммуникации важную роль играет язык.

Для установления двусторонних и многосторонних связей разные страны ведут переговоры и таким образом достигают договоренностей, согласовывают тексты документов, которые составляют нормативно-правовые основы взаимоотношений.

По мнению Т.В. Максимовой и Н.А. Баландиной, «переговоры являются особым типом интеракции, отличающимся своими целями, отношениями, нормами от других типов коммуникации и характеризующимся стратегическим и тактическим поведением участников» [6].

В переговорах на английском в большинстве случаев стороны справляются без переводчика. В переговорах на редких языках приходится прибегать к услугам специалиста. В официальных переговорах иногда с каждой стороны переводит свой специалист. Переводчик, как правило, присаживается по левую сторону от главного переговорщика. Он выступает в роли посредника

и должен перевести все без «довесков» и изъятий. Другая роль переводчика — это исключение риска возникновения недопонимания, двойного толкования и подбор правильного варианта или термина под каждый документ.

Использование терминов имеет критически важное значение, поскольку в момент переговоров экспертные группы согласовывают тексты, а потом либо их подписывают, либо вносят на рассмотрение и подписание других высокопоставленных лиц. Поэтому необходимо использовать переводчика для понимания нюансов переговоров, правильного выбора терминов и последующего однозначного толкования текста. Присутствие переводчика дает шанс каждому из переговорщиков хорошо обдумать свои слова и сформулировать мысль. Таким образом, устный последовательный перевод вносит огромный вклад в успешность и точность переговорного процесса.

В переговорах используют последовательный перевод: каждый переговорщик говорит несколько слов, а потом переводчик переводит фразу. Устный последовательный перевод — это «процесс перевода с одного языка на другой, осуществляемый переводчиком в устной форме без записи содержания сообщения» [7].

«Устный перевод является неотъемлемой частью мероприятий международного уровня, деловых переговоров, конференций, выставок. От

его качества зависит успех мероприятия и общий имидж компании» [8].

Бывает, что в работе переводчика случаются трудности. Иногда стороны слишком долго говорят и не дают перевести уже высказанные ими фразы, а использование жаргонизмов и просторечных слов мешает переводчику сконцентрироваться. Отсутствие материалов мероприятий с основными стержневыми темами переговоров, изменение выступления в последний момент — все это также представляет трудность для переводчика.

ВЫВОДЫ

В нашем мире гармония и мирное сосуществование между государствами достигается только через диалог и взаимный учет интересов. Для правильного понимания друг друга, налаживания отношений и оформления нормативно-правовых баз, а также для сотрудничества в разных областях роль языка и перевода очевидна. Переводчик, работающий в сфере международных отношений, должен иметь широкий кругозор, поскольку на переговорах затрагиваются разные темы.

У переводчика в политике есть и культурно-социальные задачи. Культурная близость переводчика к той или иной стороне переговоров не должна заставлять его отдавать ей предпочтение. Переводчик на переговорах должен играть роль неподвзятых посредника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студ. фил. и лингв. фак. высш. учебных заведений. СПб.: филол. фак-т СПбГУ; М.: Академия; 2004. 350 с.
2. Мельничук М. В., Осипова В. М. Роль перевода и переводчика в условиях глобализации знаний. *Российский гуманитарный журнал*. 2016;5(4):385–393.
3. Какичева А. М., Краснова Е. В. Социально-коммуникативная роль перевода в дипломатических отношениях. *Международный журнал экспериментального образования*. 2016;4(1):149–152.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. М.: Слово/Slovo; 2000. 624 с.
5. Вотинцева М. Л. переводчик как медиатор межкультурной коммуникации. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. 2011;24(63):43–47.
6. Максимова Т. В., Баландина Н. А. Переговоры как преодоленный коммуникативный конфликт. *Вестник ВолГУ. Серия. 2*. 2005;(4):139–143.
7. Санарова Е. Г. К вопросу об особенностях устного перевода и его роли в современном мире. *Вестник ЮИМ*. 2016;(16):72–75.
8. Воеводина Т. В. Устный перевод в его коммуникативном аспекте и его соотношение с другими видами перевода. М.: ВШ; 1983.

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. Introduction to translation studies: textbook. Manual for students for philological and linguistic faculties of higher educational institutions. St. Petersburg State: St. Petersburg State University; Moscow: Academia; 2004. 350 p. (In Russ.).

2. Melnichuk M.V., Osipova V.M. The role of translation and translator in the context of globalisation of knowledge. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Russian humanitarian journal*. 2016;5(4):385–393. (In Russ.).
3. Kakicheva A.M., Krasnova E.V. Socio-communicative role of translation in diplomatic relations. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*. 2016;4(1):149–152. (In Russ.).
4. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Tutorial. Moscow: Slovo; 2000. 624 p. (In Russ.).
5. Votintseva M.L. translator as a mediator of intercultural communication. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii" = Scientific notes of the Vernadsky Tavrichesky National University. Series "Philology. Social communications"*. 2011;24(63):43–47. (In Russ.).
6. Maksimova T.V., Balandina N.A. Negotiations as an overcome communicative conflict. *Vestnik VolGU. Seriya. 2 = VolSU Bulletin. Seriya*. 2005;(4):139–143. (In Russ.).
7. Sanarova E.G. On the issue of the specifics of interpretation and its role in the modern world. *Viestnik UIM = Bulletin of UIM*. 2016;(16):72–75. (In Russ.).
8. Voevodina T.V. Interpretation in its communicative aspect and its relationship with other types of translation. Moscow: Higher School; 1983. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Милад Самет Хейрандиш — аспирант по специальности «обучение русскому языку», Тегеранский государственный университет, Тегеран, Иран

milad_samet@ut.ac.ir

Нахид Шейхи Джоландан — кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, научный руководитель, Тегеранский государственный университет, Тегеран, Иран

sheikhinahid@ut.ac.ir

Амир Хосейни — кандидат филологических наук, доцент, научный консультант, Тегеранский государственный университет, Тегеран, Иран

amhoseini@ut.ac.ir

ABOUT THE AUTHORS

M. S. Kheyrandish — postgraduate student in the specialty “Teaching the Russian language”, University of Tehran, Faculty of Foreign Languages and Literatures, the University of Tehran, Iran

milad_samet@ut.ac.ir

N. Sh. Djolandan — Cand. Sci. (Philology), University of Tehran, Faculty of Foreign Languages and Literatures, the University of Tehran, Iran

sheikhinahid@ut.ac.ir

A. Hosseini — Cand. Sci. (Philology), University of Tehran, Faculty of Foreign Languages and Literatures, the University of Tehran, Iran

amhoseini@ut.ac.ir

Заявленный вклад авторов:

Милад Самет Хейрандиш — общее руководство.

Нахид Шейхи Джоландан — научное руководство.

Амир Хосейни — научное консультирование.

Declared authors' contributions:

Milad Samet Kheyrandish — general guide.

Nahid Sheikhi Djolandan — scientific guide.

Amir Hosseini — Scientific Consulting.

Статья поступила 03.03.2021; принята к публикации 30.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 03.03.2021; accepted for publication on 30.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-76-81
УДК 323.22/.28(045)

Политическая и социально-экономическая модернизация современного Китая: динамика идейно-мировоззренческих акцентов

С.А. Просеков

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6049-2479>

АННОТАЦИЯ

В статье описывается история развития экономики и социально-политических отношений Китайской Народной Республики на протяжении проведения «реформ и открытости» начиная с декабря 1978 г. Раскрывается история развития реформ вплоть до прихода к власти Си Цзиньпина. Исследуется вклад каждого лидера из четырех поколений руководителей страны при решении проблем реализации экономических и политических реформ. Автор статьи описывает методы, которые использовали лидеры Поднебесной, модернизируя страну, с целью повышения благосостояния населения и построения «социализма с китайской спецификой». Дается краткая характеристика достижений и неудач в процессе руководства страной Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином, Цзян Цзэминем и Ху Цзиньтао. **Ключевые слова:** реформы и открытость; социализм с китайской спецификой; конфуцианство; гармония; свободные экономические зоны

Для цитирования: Просеков С.А. Политическая и социально-экономическая модернизация современного Китая: динамика идейно-мировоззренческих акцентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):76-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-76-81

ORIGINAL PAPER

Political and Socio-Economic Modernization of Modern China: The Dynamics of Ideological and Worldview Accents

S.A. Prosekov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6049-2479>

ABSTRACT

The article describes the history of the development of the economy and socio-political relations within the People's Republic of China during the "reforms and opening up" since December 1978. The article gives a history of the progress of reforms before Xi Jinping came to power. The paper examines each leader's contribution from four generations of the country's leaders in solving the problems of implementing economic and political reforms. The author of the article describes the methods used by the leaders of the Celestial Empire to modernise the country to improve the well-being of the population and build "socialism with Chinese characteristic". The article provides a brief description of the achievements and failures in the process of leading the country by Mao Zedong, Deng Xiaoping, Jiang Zemin, and Hu Jintao.

Keywords: reforms and openness; socialism with Chinese characteristics; Confucianism; harmony; special economic zones

For citation: Prosekov S.A. Political and socio-economic modernization of modern China: The dynamics of Ideological and worldview accents. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):76-81. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-76-81

«Китайское экономическое чудо» не имеет аналогов в истории человечества. По многим социально-экономическим направлениям страна обошла самые развитые индустриальные государства. Ни одна страна мира не сумела так эффективно организовать экономическую игру на мировых рынках, как КНР. Сегодня Китай воспринимается как самый большой рынок сбыта.

Многие западные экономисты сомневаются в том, что Китай выстраивает «социализм с китайской спецификой», так как стратегия построения «китайского чуда» отличается от общих представлений о том, что такое социализм.

Мао Цзэдун на протяжении всего периода руководства страной оставался сторонником марксистских догм, в соответствии с которыми классовая борьба рассматривалась как двигатель общественного прогресса. Нравственные критерии оценки поведения гражданина страны являлись второстепенными, важнейшим считалась его принадлежность к тому или иному классу.

Мао Цзэдун использовал в своей идеологии учения различных философских школ Китая. Так, например, в середине 70-х гг. в Китае была развернута кампания, восхвалявшая школу законников, многие идеи которой воспринимались как подавление инакомыслия.

Эти взгляды пропагандировались Мао Цзэдуном для того, чтобы попытаться оправдать методы подавления оппозиции и обосновать свой политический курс. При этом одна из самых известных философских школ древности, конфуцианство, подвергалась жесточайшей критике, так как, по мнению Мао, Конфуций выражал интересы феодальной буржуазии.

Все концепции модернизации экономики и социально-политической жизни по западным образцам он считал «философией порабощения заграницей». Он полагал, что в процессе экономического строительства страна должна опираться в первую очередь на собственные силы.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. захват власти вдовой «великого кормчего» Цзян Цин и другими представителями радикального движения внутри партии, которые вошли в состав «банды четырех», мог привести к тотальному хаосу в стране, забастовкам и т.д. Дэн Сяопин

и его сторонники молниеносно перехватили управление группой высших чинов партии и армией, спасая Китай от социально-политической катастрофы. Ветераны КПК и Народной освободительной армии Китая обеспечили Дэн Сяопину карт-бланш для спасения партии и государства.

Модернизация Китая под руководством Дэн Сяопина началась после III пленума XI Созыва (18–22 декабря 1978 г.) и проходила на фоне тяжелейшей внутривластной ситуации. Разрабатывая стратегию реформ, Дэн Сяопин выдвинул четыре основные задачи: модернизацию сельского хозяйства, науки, промышленности и обороны. Он провозгласил отказ от первенства идеологии над экономикой, выдвинув лозунг «практика — единственный критерий истины».

Развертывая модернизацию страны, Дэн Сяопин пытался максимально строить и развивать рынок и частное предпринимательство. Происходила либерализация внутренней и внешней политики.

Для более эффективного проведения реформ Дэн Сяопин часто использовал в своих выступлениях мысли древнекитайских философов: «не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей», «переходя реку, нащупывай камни» и т.д.

Необходимо напомнить, что в 20-е гг. прошлого века Дэн Сяопин, будучи членом компартии Китая, находясь на нелегальном положении, посетил Францию, а затем Советский Союз. Находясь в этих странах, он никогда не упускал возможности учиться. Неслучайно, находясь в Париже, он посещал лекции в Сорбонне, а затем, приехав в 1927 г. в Советский Союз, поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока.

Знания, которые получил будущий лидер Поднебесной, пригодились ему впоследствии при работе над концепцией «социализма с китайской спецификой», а также при разработке социально-экономической программы будущего развития страны. Находясь в России, он наблюдал, как НЭП (новая экономическая политика) помогла государству выйти из глубочайшего экономического кризиса. Опыт, полученный в процессе изучения социально-экономической деятельности советского государства, помог ему в дальнейшем удачно провести реформы.

Особенностью НЭПа стало разделение экономической системы страны на две части: крупное производство подлежало централизованному управлению, а товарно-рыночное хозяйство охватывало крестьянские хозяйства, торговлю и мелкое городское производство, что обеспечило быстрое восстановление экономики страны в результате перехода к НЭПу (1921–1929 гг.). Эти знания оказались полезными во время кризисного состояния китайской экономики после экспериментов «большого скачка» и «культурной революции».

Дэн Сяопин хорошо помнил те неудачные реформы, связанные с «большим скачком» и «культурной революцией», которые проводил в 50–70-е гг. XX в. Мао Цзэдун.

На XVI Съезде компартии Китая было принято решение о том, что частные предприниматели имеют право вступать в ряды коммунистов, более того, – занимать руководящие посты. Это решение вызвало жесткую критику со стороны ветеранов партии.

Осуществляя политику «реформ и открытости», Дэн Сяопин не ставил вопрос о смещении социально-политической власти, которая существовала в стране. Однако, несмотря на авторитарный режим в КНР, идеологический контроль не носил тотальный характер.

Существование двух экономических систем в государстве вызвало широкие дискуссии среди руководства компартии. Помимо коммерсантов, лозунг Дэн Сяопина «Обогащайтесь!» приняли на свой счет партийные и административные чиновники. Стала процветать коррупция, которая приобрела пугающие размеры, что вызвало острые споры и возмущение в партийной среде. На последних съездах компартии Китая коррупция объявлялась смертельным врагом, который может привести к гибели государства.

На XIII Съезде КПК в 1987 г. Дэн Сяопин обосновал положение о том, что производи-

тельные силы определяют все общественное развитие. При этом он любил повторять мысль В. И. Ленина, указывая на то, что новый социалистический строй может победить капиталистический строй только более высоким уровнем производительных сил, которые и позволят решить основное противоречие между постоянно растущими материальными потребностями населения и отсталым общественным производством.

Весной 1989 г. инфляция в КНР достигла 18%, был замечен резкий разрыв доходов, что вызвало массовое возмущение населения. В июне 1989 г. на площади «Тяньаньмэнь» в Пекине и на улицах других городов Китая прошли стихийные митинги и начались массовые беспорядки среди студентов.

В эти дни Китай был близок к гражданской войне, и потребовалось вмешательство Дэн Сяопина, чтобы компартия смогла удержать контроль над ситуацией в Пекине. После многократных призывов к молодежи и демонстрантам, обосновавшимся на площади «Тяньаньмэнь», разойтись и прекратить митинги, Дэн Сяопин санкционировал разгон молодых людей регулярной армией.

После этих событий многие лидеры компартии Китая поставили под сомнение правильность экономического курса, который разработал реформатор страны.

В 1992 г. Дэн Сяопин был вынужден отправиться на юго-восток Китая, чтобы посетить приморские провинции, города и деревни и убедиться в том, что стратегия «реформ и открытости» принесла населению пользу, как в экономике, так и в общественной жизни. Жители этих провинций энергично поддерживали престарелого лидера и вдохновили его на борьбу за продолжение реформ. Он был убежден в том, что стратегия «реформ и открытости» поможет построить «социализм с китайской спецификой», и наглядно в этом убедился, путешествуя по южным регионам страны.

Модернизация страны очень напоминала концепцию конвергенции американского экономиста Дж. Гэлбрейта, которую тот выдвинул еще в 50-е гг. XX в. Рассматривая капитализм и социализм, американский ученый выдвинул идею о том, что пороки рынка и его стихии можно компенсировать сильной социально-экономической политикой государства. Поэтому КПК взяла курс на поддержку малого

и среднего бизнеса, чтобы стимулировать его развитие со стороны государства. Идеи Дэн Сяопина в области экономики и социально-политического развития перекликались с концепцией конвергенции Дж. Гэлбрейта [1, с. 143].

В результате смелого эксперимента страна сумела выстроить уникальную модель экономики, которая сочетает в себе принципы социализма и капитализма и не сводится ни к одному из них.

Дэн Сяопин, возглавлявший реформы, был харизматическим лидером, обладающим огромным жизненным опытом, профессиональными знаниями, волей и целеустремленностью. Только такой руководитель мог организовать, несмотря на сильное сопротивление внутренней оппозиции, политику «реформ и открытости» и предложить концепцию «социалистической рыночной экономики», которая впоследствии получила название «Теория Дэн Сяопина».

В 80-е гг. прошлого столетия китайские власти обратились к иностранному капиталу с просьбой инвестировать в страну, на что охотно отозвались этнические китайцы различных стран, в первую очередь в Гонконге, Сингапуре, Индонезии, Малайзии. Китайские власти законодательно оформили льготы и гарантии безопасности зарубежным инвесторам. Те охотно создали большое количество совместных предприятий по производству продукции легкой промышленности и бытовой техники, но, позволяя зарубежным инвесторам осваивать китайский рынок, власти КНР потребовали от них внедрять самые передовые технологии: «рынок в обмен на технологии».

В 2001 г. к власти в стране пришел представитель третьего поколения руководителей, а именно Цзян Цзэминь, который «огорошил» ветеранов компартии Китая смелым предложением: разрешить включать в состав компартии коммерсантов, приносящих непосредственный вклад в социально-экономическое развитие страны.

На XVI Съезде компартии Китая было принято решение о том, что частные предприниматели имеют право вступать в ряды коммунистов, более того, — занимать руководящие посты. Это решение вызвало жесткую критику со стороны ветеранов партии. Они обвинили лидера Китая в нарушении партийной дисциплины и в том, что он не посоветовался с раз-

личными руководящими органами страны, и назвали поведение Цзян Цзэминя безрассудным. Они считали, что это решение приведет к гибели партии. Однако Председатель КПК победил в этой борьбе, и в настоящее время китайские предприниматели не только вступают в компартию, но и занимают там руководящие посты [1, с. 185].

Продолжая строительство «социализма с китайской спецификой», Цзян Цзэминь, опираясь на идеи Конфуция, использовал термин «сяокан», которым древний мудрец обозначил социальную утопию — «общество малого благоденствия». Тем самым лидер Китая поддержал конфуцианство как составную часть «теории Дэн Сяопина» и идеологии реформ.

Особенностью НЭПа стало разделение экономической системы страны на две части: крупное производство подлежало централизованному управлению, а товарно-рыночное хозяйство охватывало крестьянские хозяйства, торговлю и мелкое городское производство, что обеспечило быстрое восстановление экономики страны в результате перехода к НЭПу (1921–1929 гг.).

Руководство КНР во главе с Цзян Цзэминем, уделяя большое внимание развитию гуманитарных наук, создало в Китае «мощную армию философов». Именно на эту «армию» была возложена задача выработки стратегического курса развития страны в XXI в., где конфуцианству была отведена роль творческой составляющей модернизации страны. Универсальность конфуцианской культуры связана с тем, что конфуцианство базируется на фундаментальных ценностях китайской цивилизации и всегда выступало как инструмент центральной власти, с помощью которого были разработаны социальные технологии [2, с. 5].

В 2001 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь выдвинул от имени компартии

идею «трех представительств», в соответствии с которой партия включает в себя наиболее передовых представителей китайской нации, развивает производительные силы и представляет собой передовую китайскую культуру. Идея «трех представительств» стала новым вкладом в разработку организационно-хозяйственных, идеологических и методологических принципов «социализма с китайской спецификой».

Представитель четвертого поколения руководителей компартии страны Ху Цзиньтао, получивший власть на XVI Съезде КПК, начал свою деятельность на посту лидера КПК с выдвижения идеи «гармоничного социалистического общества» [3, с. 153].

На фоне обостряющихся социальных противоречий, таких как безработица, проблемы социального обеспечения жильем, медобслуживания, безопасность пищевых продуктов и т. д., резко дали знать о себе противоречия в обществе: большой разрыв между доходами богатых и бедных, между городом и деревней, между восточными и западными регионами страны.

На XVIII Съезде КПК Ху Цзиньтао признал наличие этих проблем, а потому выступил с идеей гармонизации социально-экономических противоречий. Он был вынужден обратить внимание на очень важный принцип — «хэ», который он позаимствовал у Конфуция. Этот принцип подразумевает гармонию, выдержку, терпимость, толерантность и миролюбие. Председателю КНР с помощью «хэ» необходимо было сплотить китайское общество и вновь подчеркнуть важность коллективизма.

Анализируя развитие «гармоничного социалистического общества», можно сделать следующие выводы: Поднебесная сделала упор на собственные силы, а не только на внешние инвестиции. Было отдано предпочтение эволюционному росту в противовес поиску «прорывных» экономических моделей. Страна была ориентирована на непрерывное развитие во времени и пространстве в противовес скачкообразным изменениям. КНР стремилась к гармонии прошлого, настоящего и будущего; внутреннего и внешнего; дискретного и непрерывного при сохранении собственной идентичности. Патриотизм, вместо космополитизма,

был выдвинут в качестве основы нравственного воспитания [4, с. 2].

Компартия Китая, не порывая с коммунистической идеологией, идеями строительства социализма с китайскими характеристиками и не изменяя системам политической власти, отвергла устаревшие экономические догмы, которые тормозили развитие страны.

Бурное развитие китайской экономики привело к тому, что ежегодный прирост ВВП за последние 30 лет в среднем составлял 10%. Это позволило назвать КНР «фабрикой мира». Заработанные огромные средства были вложены Китаем в науку, производство, строительство высокоскоростных магистралей и т. д. Самым крупным инвестором и инициатором новых проектов выступило государство [5, с. 10].

Пытаясь эффективно вкладывать средства в экономику, государство выбирало в первую очередь приоритетные направления, устанавливая на них налоговые льготы. Много финансовых ресурсов, полученных от все более расширяющегося экспорта товаров, власти Китая направляли на социальные программы, которые позволили, например, решить к 2010 г. проблему пенсионного обеспечения как городского, так и сельского населения.

На XVIII Съезде КПК Председатель КНР Ху Цзиньтао заявил о «новой нормальности»: период высоких темпов развития экономики закончился, надо привыкать к умеренным и низким темпам роста, перестраивая социально-экономическую модель. Тем самым он признал тот факт, что была исчерпана модель развития, основанная на дешевой рабочей силе и экспортной ориентации китайской экономики [6, с. 10].

Чуть позже Ху Цзиньтао выдвигает концепцию научного развития, которая предусматривает соединение марксизма с реалиями современного Китая, и поднимает на более высокий уровень понимание закономерностей «социализма с китайской спецификой».

Политика «реформ и открытости», идеи «о трех представительствах», концепция гармонизации социально-экономических противоречий и научная концепция развития дали новое представление об идеологических и методологических принципах в выработке партией политической и социально-экономической стратегии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Просеков С. А. Социально-философский анализ модернизации современного Китая в условиях глобализации. Монография. М.: Финакадемия; 2009. 236 с.
2. Аллаберт А. В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX — начало XXI века) / Отв. ред. Л. С. Переломов. М.: РАН. Ин-т Дальн. Востока; 2008. 228 с.
3. Титаренко М. Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М.: ИД «ФОРУМ»; 2014. 224 с.
4. Нуреева Р. М., Просекова С. А. Успехи и проблемы модернизации современного Китая: сборник тезисов докладов участников III Международной научно-практической конференции «Успехи и проблемы модернизации современного Китая» (к 110-летию со дня рождения Дэн Сяопина). «Великие экономисты и великие реформы» (Москва, 10–11 декабря 2014 г.). М.: Финансовый университет; 2014. 308 с.
5. Маслов А. А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы. М.: РИПОЛ классик; 2020. 368 с.
6. Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 года). М.: ИДВ РАН; 2018. 304 с.

REFERENCES

1. Prosekov S. A. Socio-philosophical analysis of the modernisation of modern China in the context of globalization. Monograph. Moscow: Financial Academy; 2009. 236 p. (In Russ.).
2. Allabert A. V. The place of Confucianism in the modernisation of China (late XX — early XXI century). Perelomov L. S., ed. Moscow: RAS. Institute of the Far East; 2008. 228 p. (In Russ.).
3. Titarenko M. L. Russia and China: Strategic Partnership and Challenges of the Time. Moscow: FORUM; 2014. 224 p. (In Russ.).
4. Nureyev R. M., Prosekov S. A., eds. Successes and problems of modernisation of modern China: a collection of abstracts of the III International scientific-practical conference “Successes and problems of modernisation of modern China” (to the 110th anniversary of the birth of Deng Xiaoping). “Great Economists and Great Reforms” (Moscow, 10–11 December 2014). Moscow: Financial University; 2014. 308 p. (In Russ.).
5. Maslov A. A. China 2020: Pandemic, Society and Global Alternatives. Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. Moscow: RIPOL classic; 2020. 368 p. (In Russ.).
6. New era: China after the XIX Congress of the CPC. Proceedings of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts IFES RAN (Moscow, March 14 and 16, 2018). Moscow: IFES RAN; 2018. 304 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Анатольевич Просеков — кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
ProsekovSergei@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Prosekov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
ProsekovSergei@yandex.ru

Статья поступила 20.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-82-88
УДК 323(045)

Государственно-политические меры Российской Федерации по достижению целей устойчивого развития в период борьбы с COVID-19 с учетом повышения качества жизни населения*

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

АННОТАЦИЯ

Устойчивость развития государства характеризуется уровнем удовлетворения потребностей в безопасности, достойными условиями жизни населения, реализацией способностей индивида к труду, творчеству, личностному росту, комфортным ментально-культурным и бытовым пространством, обеспеченностью законных прав и свобод человека, стабильностью экономической, социальной, политической систем государства. В условиях глобальных угроз (в их числе — пандемии, такие, как COVID-19) перед современным социальным государством встают задачи предотвращения экспонентного снижения качества жизни населения при ограниченности бюджетных ресурсов, турбулентности банковской сферы, кризиса отраслей экономики, малого и среднего бизнеса. В статье рассматриваются основные государственно-политические меры по достижению целей устойчивого развития с учетом повышения качества жизни российского населения.

Ключевые слова: устойчивое развитие; качество жизни; государственная политика; социальная стабильность; российское население

Для цитирования: Галас М.Л. Государственно-политические меры Российской Федерации по достижению целей устойчивого развития в период борьбы с COVID-19 с учетом повышения качества жизни населения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):82-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-82-88

ORIGINAL PAPER

State and Political Measures of the Russian Federation to Achieve the Sustainable Development Goals during the Fight against COVID-19, with the Account of Improving the Quality of Life of the Population**

M.L. Galas

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

ABSTRACT

Sustainability of the development of the state characterizes the level of satisfaction of security needs, in decent living conditions of the population, in the realization of the individual's abilities to work, to creativity, to personal growth, in a comfortable mental-cultural and everyday space, in the provision of legal rights and freedoms of the person, in the stability of the economic, social, political systems of the state. In the face of global threats, including pandemics of hazardous infections, such as COVID-19, the modern social state faces the task of preventing the exponential decline in the quality of life of the population with limited budgetary resources, the turbulence of the banking sector, crisis

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article explores the results of research carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University.

of off-line industries, small and medium-sized businesses. The article examines the main state-political measures to achieve sustainable development goals, taking into account the improvement of the quality of life of the Russian population.

Keywords: sustainable development; quality of life; public policy; social stability; the Russian population

For citation: Galas M.L. State and political measures of the Russian Federation to achieve the sustainable development goals during the fight against COVID-19, with the account of improving the quality of life of the population. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):82-88. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-82-88

Минтруд России инициировал введение инструмента оперативного контроля ситуации на рынке труда: занятость в тех организациях экономики России, которые включены в перечень системообразующих. Основание для включения в перечень — отраслевые показатели, предложенные федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ), разрабатывающими государственную политику в соответствующих отраслях экономики и госкорпорациях. В рамках Государственной информационной системы промышленности функционирует сервис мониторинга еженедельного финансово-экономического положения системообразующих организаций¹.

Федеральная налоговая служба РФ (далее — ФНС) контролирует информацию о конфликтных ситуациях, возникающих на российском рынке труда. Органам ФНС поручено отсылать в соответствующую государственную инспекцию труда обращения российских граждан о случаях невыплаты или несвоевременной выплаты зарплаты или увольнения².

Актуальным в Российской Федерации стал вопрос о возможности неисполнения обязательств в связи с COVID-19, т.е. о возможности изменения порядка действий по отношению к определенной сделке, которая признается форс-мажором. Верховный Суд Российской Федерации дал разъяснение: невозможно признание распространения

COVID-19 как обстоятельства непреодолимой силы универсально для всех категорий должников. Необходимо учитывать тип деятельности, условия осуществления сделки, региона действия организации (например, срочности исполнения обязательства, характера неисполненного обязательства, разумности и добросовестности действий должника)³.

Правом безвозмездной выдачи субъектам предпринимательской деятельности сертификатов о форс-мажоре по внешнеторговым сделкам и международным договорам наделена Торгово-промышленная палата Российской Федерации.

В целях устойчивого развития в экстраординарных условиях эпидемии коронавирусной инфекции Правительство Российской Федерации легитимировало «особенности» использования гражданско-правового инструмента неустойки, а также других санкций и средств ответственности, применяемых в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств по договору долевого участия в строительстве за период с 03.04.2020 до 01.01.2021 г.: 1) неназначение неустойки; 2) непринятие к учету убытков⁴, причиненных в указанный период, а также вследствие установления не территории строительства объектов долевого строительства режима повышенной готовности или ЧП; 3) невзыскание предусмотренных к выплате участнику долевого строительства процентов.

¹ Приказ Минтруда России от 25.03.2020 № 16–2/10/В-2328 «Об обеспечении оперативного контроля за ситуацией на рынке труда в связи с распространением коронавирусной инфекции». Письмо Минэкономразвития России от 23.03.2020 № 8952-РМ/Д18и «О перечне системообразующих организаций» (вместе с «Перечнем системообразующих организаций российской экономики», утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития Российской экономики от 20.03.2020 г.).

² Письмо ФНС России от 24.03.2020 № СД-4–2/4988@ «Об информации о возникающих конфликтных ситуациях на рынке труда». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73700403/>.

³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73824465/>.

⁴ Предусмотренных ст. 10 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

За счет средств федерального бюджета по льготной ставке субсидируются рублевые ипотечные кредиты⁵. Предусмотрено возмещение кредитным организациям «недополученных» доходов по кредитам/займам, выданным в период с 17.04.2020 по 01.11.2020 г.⁶

Правительство РФ уточнило порядок проведения контрольно-надзорной и разрешительной деятельности в 2020 г.⁷ В частности, скорректирован порядок осуществления плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, не включенных в субъекты малого и среднего предпринимательства (далее — МСП), включенных в реестр субъектов МСП, а также некоммерческих организаций со средней численностью работников не более 200 человек за 2019 г. Перечень поручений Правительству РФ в целях поддержки бизнеса и граждан⁸ предусматривает предоставление субъектам МСП, функционирующим в наиболее уязвимых отраслях экономики, финансовую безвозмездную поддержку для решения неотложных задач, в том числе на выплату зарплаты работникам, за счет средств федерального бюджета.

Для МСП и наиболее пострадавших отраслей Правительство РФ рекомендует перенести сроки выплаты налогов и сборов, обязательства по которым появились в течение апреля-сентября 2020 г. После завершения полугодовой отсрочки МСП смогут погашать обязательства по налогам и сборам в равных долях в течение года после ее прекращения, в ряде случаев — до конца 2021 г.⁹

Банк России представил информацию о снижении с 27.04.2020 г. процентной ставки с 4 до 3,5% годовых по кредитам, предназначенным для поддержки кредитования субъектов МСП. Снижение затрагивает новые и ранее предоставленные

кредиты Банка России в рамках этого механизма (при совокупном лимите 500 млрд руб.)¹⁰.

Одними из приоритетных и универсально встраиваемых в иные направления развития становятся информационные технологии. Минкомсвязи России сформулировало меры поддержки отрасли IT-технологий¹¹: 1) поддержка проектов, нацеленных на повышение эффективности удаленной работы, онлайн-занятости, обучения, культурного досуга; 2) развитие консультационных, коммуникационных сервисов, платформ для предоставления онлайн-услуг; 3) разработка перспективных систем удаленной диагностики, мониторинга состояния здоровья, обеспечение доступа граждан к медицинским услугам при помощи телемедицины.

Предложено поддержать организацию отрасли IT-технологий путем: 1) преференциального доступного кредитования разработчиков и производителей программного обеспечения на первоочередные нужды для поддержания занятости, погашения арендных платежей, покрытия «кассового разрыва»; 2) установления до 31.12.2020 г. отсрочки по уплате НДФЛ и обнуления страховых взносов из фонда оплаты труда IT-компаний; 3) снижения ставки НДС на приоритетные виды IT-деятельности; 4) увеличения максимального размера оборота IT-компаний для применения упрощенной схемы налогообложения; 5) увеличения доли 50%-ного авансирования IT-компаний, выполняющих работы, оказывающих услуги и поставляющих высокотехнологичные продукты по государственным контрактам.

В рамках федерального проекта «Цифровые технологии» и национальной программы «Цифровая экономика» предлагается: предоставить льготные кредиты IT-компаниям для выплаты зарплаты, компенсации кассовых разрывов и арендной платы.

Значительный блок государственных мер по социально-экономической стабилизации направлен в настоящее время на поддержку на-

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 18.04.2020 № 1062-р «О внесении изменений в рекомендуемый перечень непродовольственных товаров первой необходимости, утв. Распоряжением Правительства РФ от 27.03.2020 № 762-р».

⁶ В пределах средств, выделенных АО «ДОМ.РФ» из федерального бюджета и (или) других определенных Правительством РФ источников.

⁷ Постановление Правительства РФ от 23.04.2020 № 566 «Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 году».

⁸ Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства РФ (утв. Президентом РФ 21.04.2020).

⁹ Оперативное совещание с вице-премьерами (информация с официального сайта Правительства РФ от 13.04.2020).

¹⁰ Проект федерального закона № 711277-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» (окончательная ред., принятая ГД ФС РФ 17.04.2020).

¹¹ Проект постановления Правительства РФ «О государственной поддержке организаций отрасли информационных технологий, а также разработки и внедрения отечественного программного обеспечения» (по состоянию на 22.04.2020) (подготовлен Минкомсвязью России, ID проекта 04/12/04–20/00101395).

селения России. Прежде всего следует отметить меры поддержки заемщиков — физических лиц. В апреле 2020 г. законодатель утвердил «кредитные каникулы»¹², распространив такой режим и на кредиты по ипотеке¹³.

Заемщик может определять продолжительность каникулярного периода (но не более 6 месяцев), а также момент его начала, соблюдая определенные законодателем условия. В течение 5 дней кредитор должен рассмотреть предъявленные заемщиком требования и направить ему уведомление о подтверждении или отказе в установлении преференционного периода.

Законодателем определены максимальные размеры потребительских и ипотечных кредитов/займов, по которым заемщики¹⁴ — физические лица правомочны обратиться с требованием об установлении кредитных каникул¹⁵. Кредитным организациям Правительством Российской Федерации рекомендовано максимально быстро рассматривать поступившие до 30.09.2020 г. включительно заявления физических лиц о реструктуризации задолженности.

Заемщик правомочен обратиться с требованием о предоставлении ему кредитных каникул лишь единожды по одному и тому же кредитному договору или договору займа. Нет ограничений для обращений заемщика с требованием об установлении льготного периода по нескольким кредитным договорам или договорам займа.

¹² Федеральный закон от 03.04.2020 № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа». URL: <https://rg.ru/2020/04/06/cb-dok.html>.

¹³ Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (последняя редакция) «О потребительском кредите (займе)». Ст. 6.1–1.

¹⁴ От 100 тыс. руб. до 2 млн руб., в зависимости от целей получения кредита. В отношении жилых помещений, находящихся на территории г. Москвы, максимальный объем ипотечного кредита может составлять 4 млн 500 тыс. руб., а расположенных на территориях Московской области, г. Санкт-Петербурга, субъектов Российской Федерации, вошедших в состав Дальневосточного федерального округа, — 3 млн руб.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 435 «Об установлении максимального размера кредита (займа) для кредитов (займов), по которому заемщик вправе обратиться к кредитору с требованием об изменении условий кредитного договора (договора займа), предусматривающим приостановление исполнения заемщиком своих обязательств». Постановление Правительства РФ от 10.04.2020 № 478 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 435».

Симптоматична для поддержания социально-экономической ситуации в экстраординарных условиях комплексная программа компенсации банкам предоставленных ими потребителям скидок на уплату процентов по заключенным ранее кредитным договорам на покупку специальной техники (сельскохозяйственной, строительно-дорожной, оборудования пищевого назначения), а также деревянных жилых домов¹⁶.

В период с 15.06.2020 по 15.10.2020 г. банки могли подать в Минпромторг России заявление на участие в программе субсидирования. Банкам, которые прошли квалификационный отбор, будут возмещены «выпадающие доходы» в объеме 10% от стоимости спецтехники или деревянного дома в том случае, если заемщику предоставлены скидки в не меньшем объеме при уплате им первоначального взноса по кредиту.

В качестве дополнительных мер поддержки населения Банк России рекомендовал кредитным и микрофинансовым организациям, кредитным потребительским кооперативам, сельскохозяйственным кредитным потребительским кооперативам, жилищным накопительным кооперативам не проводить до 30.09.2020 г. процедуры принудительного выселения должников из жилых помещений, на которые ранее кредиторами было наложено взыскание.

Правительством Российской Федерации установлены «особенности» выполнения базовой программы ОМС в экстраординарных условиях распространения COVID-19¹⁷: 1) пролонгирован срок действия временных свидетельств, подтверждающих оформление полиса ОМС, до 31 декабря 2020 г.; 2) высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации может быть увеличен срок ожидания планового оказания медицинской помощи, предусмотренный территориальной программой госгарантий безвозмездного оказания российским гражданам медицинской помощи; 3) в полном объеме должна оказываться медицинская помощь пациентам, страдающим онкологическими заболеваниями,

¹⁶ Информация Минпромторга России. URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!minpromtorg_rossii_prodolzhaet_lgotnoe_kreditovanie_spectehniki_i_derevyannyh_domov.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 432 «Об особенностях реализации базовой программы обязательного медицинского страхования в условиях возникновения угрозы распространения заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73749670/>.

болезнями сердечно-сосудистой и эндокринной системы, а также находящимся на диализе.

Правительством РФ в 2020 г. Министерству здравоохранения РФ из резервного фонда выделены бюджетные ассигнования на предоставление других межбюджетных трансфертов, из федерального бюджета — субсидии бюджетам субъектов Федерации, в том числе на обеспечение вышеназванных стимулирующих выплат.

Проведена оптимизация правил подтверждения целевого назначения товаров медицинского назначения, импортируемых в целях борьбы с инфекцией COVID-19¹⁸. На период с 16.03.2020 до 30.10.2020 г. импорт данных товаров освобожден от уплаты ввозных таможенных пошлин в случае подтверждения целевого назначения.

Одной из наиболее пострадавших от экстраординарной ситуации пандемии COVID-19 является туристическая отрасль¹⁹. Из средств фонда персональной ответственности туроператора российским туристам, поездка которых была запланирована на период от начала введения ограничительного режима до 01.06.2020 г., должны быть возвращены затраченные ими денежные суммы. В случае невыполнения данного правила туроператор должен перечислить ежегодный взнос за 2020 г. в фонд персональной ответственности туроператора до 15.04.2021 г.

Важным направлением в поддержании качества жизни населения РФ является оказание социальной помощи российским гражданам, пребывающим на территории зарубежного государства²⁰. Правительство РФ предусмотрело оказание социальной поддержки российским гражданам, оформившим проездные документы на возвращение в Россию с 16.03.2020 по 31.05.2020 г. Соискание социальной поддержки осуществляется дистанционно посредством электронной формы заявления на едином портале государ-

ственных и муниципальных услуг. Специальная комиссия МИД России проводила проверочные мероприятия и в течение 24 часов принимала решение о возможности оказания либо отказе в оказании, либо о прекращении социальной помощи заявителям²¹.

В целях поддержки граждан, оставшихся в условиях ограничительных мер без работы, Правительство Российской Федерации утвердило временные, до конца 2020 г., правила регистрации граждан для соискания приемлемой работы и в статусе безработных, а также порядок предоставления социальных выплат тем гражданам, которые признаны безработными²². Для подбора приемлемой работы введен механизм дистанционного обращения граждан в государственные структуры службы занятости населения.

В случаях безусловного принуждения работодателем к исполнению трудовых обязанностей под угрозой снижения зарплаты либо увольнения работнику необходимо было сообщить об этих фактах в инспекцию труда, а также при помощи сервиса «Коронавирус: горячая линия», зайдя на портал «Онлайнинспекция.рф». Было принято решение о продлении на пять месяцев сроков действия свидетельств о квалификации, которые были выданы гражданам по итогам прохождения ими независимой оценки квалификации в виде профессионального экзамена²³, в том случае, если срок действия квалификационного документа истек или истекает в период с 15.03.2020 до 31.07.2020 г.

В период апреля-июня 2020 г. гражданам, которые были уволены и признаны в утвержденном порядке безработными (за исключением граждан, уволенных ввиду нарушения трудовой дисципли-

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 22.04.2020 № 557 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части установления особенностей осуществления контрольно-надзорной и разрешительной деятельности в 2020 году».

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ от 04.04.2020 № 898-р «О возврате туристам и (или) иным заказчикам уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм из средств фонда персональной ответственности туроператора».

²⁰ Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 433 «Об утверждении Положения об оказании социальной поддержки (помощи) российским гражданам, находящимся на территории иностранного государства и не имеющим возможности вернуться в Российскую Федерацию в связи с распространением новой коронавирусной инфекции».

²¹ Помощь оказывается из расчета 2400 руб. на одного человека в день. На ребенка в возрасте до 14 лет — в размере 1600 руб. в день.

²² Постановление Правительства РФ от 08.04.2020 № 460 (с изм. от 12.04.2020) «Об утверждении Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными». Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 432 «Об особенностях реализации базовой программы обязательного медицинского страхования в условиях возникновения угрозы распространения заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией». Распоряжение Правительства РФ от 04.04.2020 № 898-р «О возврате туристам и (или) иным заказчикам уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм из средств фонда персональной ответственности туроператора».

²³ На основании Федерального закона от 03.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации».

ны или за иные деяния), начиная с 01.03.2020 г. начисляется пособие по безработице в максимальном размере (1 МРОТ — 12 130 руб.). Размер данного пособия для граждан, имеющих несовершеннолетних детей, увеличен пропорционально числу детей в возрасте до 18 лет из расчета 3 тыс. руб. за каждого ребенка для одного из родителей, приемных родителей, усыновителей, опекуна/попечителя.

Дополнительные меры поддержки безработных принимают регионы России. Так, в Москве за счет бюджетных средств города для граждан, признанных безработными в период с 01.04.2020 по 30.09.2020 г. (за исключением граждан, уволенных ввиду нарушения трудовой дисциплины или за иные деяния) утверждена дополнительная региональная компенсационная выплата. Региональная мера поддержки не распространяется на тех лиц, чья трудовая деятельность и иная деятельность, причисляемая к занятости граждан, насчитывает от 01.01.2020 г. менее 60 календарных дней²⁴.

В целях поддержки семей, имеющих малолетних детей, Правительством РФ утверждены правила²⁵ по осуществлению ежемесячной выплаты в размере 5 тыс. руб. на каждого ребенка в возрасте до 3-х лет. Данная выплата начисляется на ребенка в возрасте до 3-х лет, имеющего российское гражданство, в период апреля-июня 2020 г. лицам, которые проживают на территории России и имеют или имели право на получение материнского капитала лицам (при открытии такого права до 01.07.2020 г.).

Важной социальной новацией стало предоставление гражданам РФ права получения государственного сертификата на материнский (семейный) капитал в электронной форме²⁶. На основании поступившей из Федеральной государственной информационной системы (ФГИС) «Единый государственный реестр записи актов

гражданского состояния» информации о рождении, усыновлении ребенка территориальным органом Пенсионного фонда России в беззаявительном порядке (на основании документов, запрашиваемых в порядке межведомственного взаимодействия) может быть принято решение о предоставлении государственного сертификата либо об отказе в праве на дополнительные меры государственной поддержки.

Значительно упростилась процедура подачи гражданами заявлений о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала²⁷.

В связи с переводом на дистанционное обучение субъектам Российской Федерации рекомендовано, с учетом региональных возможностей, обеспечить социально незащищенные категории обучающихся (детей с ОВЗ, из малоимущих и многодетных семей) школьным питанием²⁸, равно — и в случае продленных школьных каникул.

Минобрнауки России инициировало снижение или приостановку взимания платы за наем и за коммунальные услуги с обучающихся или перенос ранее оплаченного периода проживания в общежитии на последующий период, закрепив эту меру социальной поддержки обучающихся в локальных нормативных актах, в распорядительных документах образовательного учреждения²⁹.

В срок до 30.09.2020 г. Банк России рекомендовал кредиторам (кредитным, микрофинансовым организациям, кредитным потребительским и сельскохозяйственным кредитным потребительским кооперативам) ввести мораторий на применение процедуры принудительного выселения из жилых помещений должников (бывших собственников и проживающих совместно

²⁴ Пункт 21 Указа Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ в редакции Указа Мэра Москвы от 28.04.2020 № 51-УМ.

²⁵ Постановление Правительства РФ от 09.04.2020 № 474 «Об утверждении Правил осуществления ежемесячной выплаты семьям, имеющим право на материнский (семейный) капитал».

²⁶ Постановление Правления ПФ РФ от 27.03.2020 № 214п «О внесении изменений в Административный регламент предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации и его территориальными органами государственной услуги по выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, утвержденный постановлением Правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 312п».

²⁷ Постановление Правления ПФ РФ от 07.04.2020 № 232п «О внесении изменений в Административный регламент предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации и его территориальными органами государственной услуги по рассмотрению заявления о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала, утвержденный постановлением Правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 24 июня 2019 г. № 364п». Зарегистрировано в Минюсте России 20.04.2020 № 58138.

²⁸ Письмо Минпросвещения России от 25.03.2020 № СК-207/03 «Об организации питания школьников».

²⁹ Письмо Минобрнауки России от 07.04.2020 № МН-13/ВФ-948 «О взимании платы за пользование жилым помещением в общежитии и платы за коммунальные услуги при временном выезде обучающихся на период действия мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации».

с ними лиц) ввиду неисполнения обязательств по договору кредита (займа)³⁰.

Жилищным накопительным кооперативам (ЖНК) — принять меры по приостановлению до 30.09.2020 г. процедуры принудительного выселения членов ЖНК (бывших членов ЖНК и совместно проживающих с ними лиц) из жилых помещений ввиду неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по уплате взносов в ЖНК.

Таким образом, система стабилизационных мер, разработанная Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации во взаимодействии с законодательными органами власти, региональными органами власти, экспертным сообществом, институтами гражданского общества, вследствие комплексности, оперативности и актуальности принимаемых решений может стать основой для создания универсальной для России модели реагирования на глобальные и национальные кризисные ситуации.

С другой стороны, экстраординарная ситуация, связанная с распространением особо опасной инфекции COVID-19, обострила уже существующие проблемы социально-экономического, институционального, правового характера, ускорила процесс реализации инновационных макро- и микроэкономических трендов, активизировала формирование гибких подходов в налоговой, банковской, финансовой, социальной, транспор-

³⁰ Информационное письмо Банка России от 22.04.2020 № ИН-06–59/79 «О приостановлении процедуры принудительного выселения должников из жилых помещений, на которые ранее было обращено взыскание».

тной, образовательной, культурно-просветительской сферах. Вместе с тем обострились проблемы, связанные с организацией деятельности крупного бизнеса и субъектов МСП, модернизацией и диверсификацией производственных отраслей, системно-институциональной, структурной, научно-технической, профессионально-компетентностной трансформацией отечественной медицины, с совершенствованием здоровья населения (широкий и качественный охват граждан профилактическими осмотрами и диспансеризацией; профилактическим консультированием и пр.).

В настоящее время в России формируются принципиально новые по инфраструктуре, организационному подходу, целеполаганию механизмы функционирования органов государственной власти, взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти. Есть основания полагать, что выкристаллизуется новый тип руководителей субъектов Федерации, способных противостоять рискам, угрозам и опасностям, принимая оперативные и эффективные решения, и поднять уровень доверия населения к региональной власти.

Как показала практика работы Президента, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти в режиме повышенной готовности в условиях эпидемии, цифровые технологии могут быть широко применимы в деятельности органов государственной власти после нормализации ситуации в ординарном режиме. Таким образом может расширяться сфера услуг в электронной форме ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия
MLGalas@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina L. Galas — Dr. Sci. (History), Chief researcher, Finance University, Moscow, Russia
MLGalas@fa.ru

Статья поступила 17.12.2020; принята к публикации 15.03.2021.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.12.2020; accepted for publication on 15.03.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-89-92
УДК 32(045)

Формирование суверенных властных систем в «молодых» центральноазиатских республиках в период 1991–2000 годов

Д.Д. Осинина

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

АННОТАЦИЯ

В 1991 г. с распадом СССР образовалось пятнадцать независимых республик. При этом процессы, которые шли в позднем Союзе, повлияли на дальнейшее формирование суверенных властных систем в «молодых» государствах. Среди них – идеологический и аппаратный факторы. В итоге все пятнадцать республик, по-разному относившиеся к распаду Советского Союза и параду суверенитетов, оказались перед задачей поиска собственной идентичности, как национальной, так и государственно-аппаратной, а также необходимостью формирования кадровой политики и выстраивания вертикали власти. Исключением не стали и центральноазиатские республики, где, помимо выше-описанных задач, остро стоял вопрос влияния трибалистского фактора.

Ключевые слова: распад СССР; Центральная Азия; Казахстан; суверенные властные системы

Для цитирования: Осинина Д.Д. Формирование суверенных властных систем в «молодых» центральноазиатских республиках в период 1991–2000 годов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2021;11(3):89-92. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-89-92

ORIGINAL PAPER

Formation of Sovereign Power Systems in the “Young” Central Asian Republics in the Period 1991–2000

D.D. Osinina

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

ABSTRACT

In 1991, with the collapse of the USSR, fifteen independent republics were formed. At the same time, the processes that took place in the late Union influenced the further formation of sovereign power systems in the “young” states. Among them are ideological and apparatus factors. As a result, having different attitudes towards the collapse of the Union and the parade of sovereignties, all fifteen republics faced the task of finding their own identity, both national and state-apparatus, and the need to form a personnel policy and build “power vertical”. The Central Asian republics were no exception, where, in addition to the above tasks, the question of the influence of the tribalist factor was acute.

Keywords: the collapse of the Soviet Union; Central Asia; Kazakhstan; sovereign power systems

For citation: Osinina D.D. Formation of sovereign power systems in the “young” Central Asian republics in the period 1991–2000. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2021;11(3):89-92. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-89-92

Распад СССР стал результатом череды процессов, происходивших в нем с конца 1970-х по 1991 г.: социальных, экономических, политических. Однако особую роль сыграл кризис коммунистической идеологии, являвшейся стержневой основой всей социалистической системы. Начавшийся в «верхах», он отразился и на простом населении. Так, вместе с ростом личных свобод (таких как право на переписку с иностранцами, облегчение процедуры выезда за рубеж и бракоразводного процесса) идет увеличение доходов граждан на фоне дефицита товаров, роста спекуляции и появления первых организованных преступных группировок, «крышующих» цеховиков [1]. В итоге меняющиеся коммунистические идеалы постепенно вели к изменению представлений о коммунистической идеологии как таковой.

В то же самое время единства не было и в рядах самой Коммунистической партии, где начиная с конца 1960-х гг. можно выделить четыре идеологических крыла, по-разному воспринимающих текущую ситуацию и перспективы реформ в СССР. К ним можно отнести:

- *Консерваторов*, среди которых были наиболее влиятельные представители Политбюро: М.А. Суслов, Л.И. Брежнев и А.А. Громыко, выступавшие за полное сохранение статуса-кво в политико-экономической системе страны.

- Второе по влиятельности — *либеральное или как его часто называют — реформистское крыло* (А. Яковлев, Г. Шахназаров, Ф. Бурлацкий), выступавшее за проведение модернизации социальной и политико-экономической системы СССР, в частности за увеличение прав и свобод граждан, а также создание фракций внутри Компартии и т.д. [2].

- *Сталинисты*, среди которых: А. Косыгин, А. Шелепин, Д. Устинов, выступавшие за реставрацию сталинских методов управления.

- *Почвенники*, отстаивавшие идею «русского» социализма и построения государства на основе превалирования русских ценностей.

Разумеется, данные течения выделены весьма условно, основным критерием для подобной дифференциации является оценка представителями Политбюро текущего состояния политической и экономической сферы СССР, общественного устройства страны, а также ориентация на проведение реформ в Союзе. Помимо четырех вышеупомянутых течений стоит отметить и либерально-диссидентское крыло, в состав которого входили ориентированные на Запад представители интеллектуальной элиты СССР: А. Сахаров, А. Гинзбург и др.

Таким образом, описанные выше процессы свидетельствуют о подрыве «канонической» коммунистической идеологии как в высших эшелонах Компартии, так и среди населения страны. Отсутствие единства в вопросах развития и модернизации государства сыграло свою роль в событиях 1991 г., заложив основы декоммунизации общества и государства в целом. А попытки Ю.В. Андропова, пришедшего к власти после смерти Л.И. Брежнева, навести порядок в стране, и прежде всего в рядах партийной элиты, опираясь на силовые структуры, лишит номенклатуру привилегий, привели к недовольству последней. В итоге после смерти Ю.В. Андропова представители всех четырех течений консолидировались вокруг консервативного кандидата К.У. Черненко, ориентированного на эпоху «брежневского застоя». Однако с началом «перестройки» неотвратимость модернизации советской системы признавалась абсолютным большинством представителей партийной номенклатуры, другое дело — какие сферы она должна затронуть и каким путем ее проводить. И несмотря на то, что большинство представителей партийной номенклатуры признавали, что Коммунистическая партия Советского Союза является ключевой объединяющей силой, ликвидация которой приведет к распаду страны, среди членов либерального крыла были и те, кто выступал за отказ от КПСС. Среди них — секретарь ЦК КПСС Б.Н. Ельцин. В итоге в марте 1990 г. была принята поправка в Конституцию СССР, отменявшая шестую статью о руководящей роли Компартии.

В дальнейшем процессе декоммунизации Союза особую роль сыграли представители республиканской элиты, в особенности — РСФСР, из-за личных амбиций Б.Н. Ельцина и его окружения, продвигавших идею суверенитета республики. Результатом борьбы республиканских и всесоюзных властей стало принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР в июне 1990 г., предоставившей республике право проводить самостоятельную политику. А процессы, шедшие в Центре, вели к ослаблению контроля за остальными республиками, и в итоге в Союзе победили центробежные силы и общий курс на децентрализацию. Описанное выше свидетельствует о двух ключевых факторах, сыгравших особую роль в распаде СССР и становлении новой постсоветской государственности, — идеологическом и аппаратном. И если первый фактор имел под собой объективные причины, то аппаратный связан со следующими мотивами:

- желанием республиканских элит обрести политико-экономическую и международную субъ-

ектность, право принимать самостоятельные, независимые от Центра решения;

- стремлением молодых республиканских партийных функционеров быстрее подняться по карьерной лестнице (что в условиях доминирования геронтократического принципа в кадровой политике СССР сделать было достаточно сложно);
- желанием представителей республиканской элиты в условиях стартовавшей децентрализации монетизировать имеющийся у них административный и силовой ресурсы.

Более того, субъективность аппаратного фактора видна на примере результатов Всесоюзного референдума о сохранении СССР, где Союз поддержало более 76% населения, при том, что явка составила 79,5% (не проводилось голосование в ряде советских республик, где национальные элиты выступили против создания избирательных комиссий и открития избирательных участков, за исключением войсковых частей)¹.

В итоге, в условиях распада СССР в борьбе между желанием сохранить страну и личными амбициями победили последние. Исключением не стали и главы центральноазиатских республик, которые, несмотря на целый багаж проблем (социально-экономический и политический кризисы, наличие этнополитических конфликтов, угроза распространения радикального исламизма и т.д.), получили новые возможности, связанные с монетизацией административного и силового ресурсов, а также с формированием персональной клиентеллы, состоящей из членов семей и ближнего окружения.

С другой стороны, распад Союза поставил перед лидерами молодых государств вопрос поиска собственной идентичности — причем как национальной, так и аппаратно-государственной. В ситуации, когда РСФСР взяла курс на дистанцирование от молодых постсоветских республик, последние сделали ставку на укрепление национальной компоненты, ориентируясь на внутреннюю политику на «консолидацию титульных этносов и легитимацию этнократии, что помогло им сделать политический режим более стабильным и менее подверженным влиянию внешних центров силы» [3]. Исключением не стали и центральноазиатские республики, среди которых дальше всех пошел Казахстан, закрепив в преамбуле к Конституции 1993 г. следующую формулировку: Казахстан является «формой государственности

самоопределившейся казахской нации» [4]. Внешение изменений в преамбулу произошло в 1995 г., на смену предыдущей версии пришла новая: «мы, народ Казахстана»². Соответственно, с принятием новой Конституции окончился период построения государства-нации, который, по М.А. Хрусталеву, является важной составляющей развития государственности у каждой страны [3].

Схожие процессы шли в соседних с Казахстаном Узбекистане, Туркменистане и Киргизии, где лидеры республик также сделали ставку на укрепление титульной компоненты. Исключением в определенной степени стал Таджикистан, где развернувшаяся гражданская война требовала не просто укрепления титульной компоненты, а поддержки одного из двух крупных кланов — ходжентского или кулябского. Война в республике завершилась только в 1997 г. при содействии России и непосредственном участии 201-й мотострелковой дивизии, — у власти окончательно закрепил свои позиции кулябский клан в лице президента страны Э. Рахмона.

Вместе с поиском государственной идентичности перед главами «молодых» центральноазиатских республик остро стоял вопрос укрепления собственных позиций в вертикали власти, а также формирования новой команды, лояльной и преданной избранным главам государств. Эти задачи тесно связаны с кадровой политикой постсоветских республик, которая с 1991 г. и по сей день опирается на следующие критерии:

Национальный. Учитывая, что все центральноазиатские лидеры пришли к власти на фоне подъема национального движения, а также принимая во внимание тот факт, что перед ними стояла задача поиска собственной идентичности, в том числе национальной, начиная с 1991 г. последовательно увеличивается доля представителей титульного этноса в высших эшелонах власти. Так, например, в Казахстане последним русским представителем в политическом истеблишменте страны был С.А. Терещенко, до октября 1994 г. занимавший должность премьер-министра РК. То же можно сказать и о силовых структурах, где процесс «казахизации» был еще более быстрым — в декабре 1991 г. Председателем республиканского КГБ вместо Н. Вдовина становится Б. Баекенов, работавший вместе с Н. Назарбаевым в Карагандинском обкоме компартии в 1970-е гг. А само ведомство

¹ «Централизация мешала»: как республики голосовали за сохранение СССР. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/03/16_a_13513298.shtml.

² Республика Казахстан. Конституция. Конституция Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution.

преобразуется в Комитет национальной безопасности Республики Казахстан и подчиняется напрямую президенту страны.

Клановый. Несмотря на то что советская система строилась на публичном отрицании влияния традиционных структур, в кадровой политике они учитывались на всем протяжении существования Союза и особую роль стали играть на фоне активизации национального движения во второй половине 1980-х гг. Более того, «молодые» руководители центральноазиатских республик пришли к власти при активной поддержке того или иного клана или жуза. Если мы говорим о Казахстане, то особую поддержку Н. Назарбаеву оказал Старший жуз, представителем которого он является. Напротив, в Узбекистане традиционные институты представлены кланами, выделенными по территориальному принципу, — И. Каримова поддержал его родной самаркандский клан.

Семейно-родственный. Если два вышеперечисленных критерия позволили лидерам центральноазиатских республик прийти к власти, то формирование кадровой политики с опорой на семью и ближайших родственников позволило удержаться на «вершине».

Жесткая аппаратная борьба, наличие межклановых/междуэтнических противоречий, а также влияние внешних центров силы заставили центральноазиатских лидеров взять курс на укрепление личной власти через интеграцию в политическое пространство страны представителей семьи и ближайшего окружения. Например, в Казахстане с середины 1990-х гг. появилось два термина, характеризующих кадровую политику в стране: «чемолганизация» (назначение на топовые позиции выходцев из родного села Н. Назарбаева — Чемолган³) и «семья президента» (интеграция в политическую и бизнес-элиты страны дочерей и зятьев Н. Назарбаева).

Конечно, важно отметить, что, исходя из задач, стоявших перед государством и лично главой страны, в разные периоды доминировали те или иные из вышеуказанных критериев. Однако все они вкуче с поиском национальной и государственно-аппаратной идентичности играли важную роль в формировании суверенных властных систем в «молодых» центральноазиатских республиках.

³ В некоторых источниках из-за разницы в произношении можно встретить другое название Шамалган.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осинина Д.Д. «Смена караула: кадровый резерв Центрально-Азиатских элитных сообществ». М.: ИНФРА-М; 2020.
2. Волгин Е.И. Общественно-политические объединения современной России на рубеже веков. Часть I: вторая половина 1980-х — 1999 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/SMPP/Staff/Volgin.pdf>.
3. Хрусталева М.А. Этнополитическая ситуация в Центральной Азии. Южный фланг СНГ. М.: Навона; 2005.

REFERENCES

1. Osinina D.D. Changing the guard: the personnel reserve of Central Asian elite communities. Moscow: INFRA-M; 2020. (In Russ.).
2. Volgin E.I. Socio-political associations of modern Russia at the turn of the century. Part I: the second half of the 1980s — 1999. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/SMPP/Staff/Volgin.pdf>. (In Russ.).
3. Khrustaleva M.A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Tsentralnoy Asii [The ethnopolitical situation in Central Asia]. Moscow: Navona; 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Дмитриевна Осинина — аспирантка 2-го года обучения Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
daria_osinina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria D. Osinina — 2nd-year Post-graduate student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
daria_osinina@mail.ru

Статья поступила 10.04.2021; принята к публикации 30.04.2021.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.04.2021; accepted for publication on 30.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-93-98
УДК 378.17(045)

О формировании ценностей ЗОЖ студентов в постковидный период

М.В. Рязанцева^а, А.О. Субочева^б, Е.С. Якушова^с

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-0002-7193>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9075-1873>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-4967-2081>

АННОТАЦИЯ

В рамках исследования было опрошено 295 студентов бакалавриата Финансового университета при Правительстве РФ. Респондентам было предложено выразить свое мнение о сущности и содержании ЗОЖ, а также определить изменения в состоянии своего здоровья и образе жизни в период пандемии. К основным результатам исследования можно отнести следующие выводы: во-первых, среди студентов нет четкого понимания сущности и содержания понятия ЗОЖ; во-вторых, студенты в целом удовлетворены состоянием своего здоровья (физического и психоэмоционального), но при этом осознают, что заботятся о нем недостаточно; в-третьих, негативное влияние пандемии на образ жизни студентов выражалось в увеличении числа приемов пищи, увеличении частоты курения и употреблении алкогольных напитков. На основе этой информации был разработан ряд рекомендаций по совершенствованию социальной политики вуза в области ЗОЖ с учетом мирового опыта.

Ключевые слова: образование; дистанционное обучение; пандемия; здоровый образ жизни; здоровый кампус

Для цитирования: Рязанцева М.В., Субочева А.О., Якушова Е.С. О формировании ценностей ЗОЖ студентов в постковидный период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):93-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-93-98

ORIGINAL PAPER

Students' Healthy Lifestyle Values Shaping in the Post-covid Period

M.V. Ryazantseva^a, A.O. Subocheva^b, E.S. Yakushova^c

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0003-0002-7193>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-9075-1873>;

^c <https://orcid.org/0000-0002-4967-2081>

ABSTRACT

In this study, we interviewed 295 undergraduate students of the Financial University under the Government of the Russian Federation. They were asked to express their opinion on the nature and content of a healthy lifestyle and determine the changes in their health and lifestyle during a pandemic. The main results of the research include the following conclusions: firstly, there is no clear understanding of the essence and content of the concept of a healthy lifestyle among students; secondly, students are generally satisfied with the state of their health (physical and psycho-emotional), but at the same time they realise that they do not care enough about it; thirdly, the negative impact of the pandemic on the lifestyle of students was expressed in an increase in the number of meals, an increase in the frequency of smoking and consumption of alcohol. Using this information, the authors developed several recommendations to improve the University's social policy in the field of a healthy lifestyle, according to international experience.

Keywords: education; online learning; pandemic; lifestyle; healthy living; healthy campus

For citation: Ryazantseva M.V., Subocheva A.O., Yakushova E.S. Students' healthy lifestyle values shaping in the post-covid period. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):93-98. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-93-98

В XXI в. глобальные изменения проникают во все сферы общества, в том числе и в деятельность образовательных организаций. После массовых локаутов и локаутов из-за пандемии COVID-19 с новой силой разгорелась дискуссия о достоинствах и недостатках онлайн-образования и его роли в подготовке будущих специалистов. В то же время пандемия и цифровые технологии заставили говорить об ухудшении состояния здоровья современной молодежи и нездоровом образе жизни, который она ведет. Под ЗОЖ понимается такой, который помогает сохранить и улучшить не только здоровье человека, но и его благополучие. По данным Росстата, совокупная доля граждан России, которые ведут здоровый образ жизни, в 2019 г. составила 12,0%, а в 2020 г. — 9,1% (в Москве — 8,8 и 6,7%, соответственно). Чтобы исправить эту ситуацию, необходимо на государственном уровне создавать условия для реализации здорового образа жизни и активизировать усилия по пропаганде ЗОЖ среди молодых людей. В этой связи стоит отметить инициативу президента Российской Федерации В. В. Путиным положение по развитию инфраструктуры для реализации ЗОЖ, которое стало ключевым элементом стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г. Министр науки и высшего образования В. Н. Фальков в своих выступлениях также подчеркивал, что сфера спорта и физической культуры является одним из приоритетов университетов в работе со студентами: «университеты должны не только передавать знания студентам, давать возможность заниматься им научными исследованиями, но и формировать культуру, в том числе культуру здорового образа жизни»¹. Формирование ценностей здорового образа жизни, создание условий для физического развития молодежи, формирование экологической культуры, повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности молодежи являются одними из элементов государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

Молодежь составляет основу человеческого капитала нашей страны, что определяет актуальность исследования, посвященного изучению отношения молодого поколения к ценностям здорового образа, изменений в физическом и психическом здоровье студентов в период пандемии [1, 2].

В последние десятилетия ЗОЖ признан одним из приоритетных факторов, влияющих на качество жизни человека. По мнению Всемирной организации здравоохранения, 60% качества жизни человека, связанного со здоровьем, зависит от образа его жизни [3, с. 204]. Многочисленные исследования свидетельствуют, что ЗОЖ зависит от раннего принятия жизненных ценностей и привычек и оказывает влияние на состояние здоровья в более зрелом возрасте, что подтверждает необходимость пропаганды ЗОЖ среди молодежи.

Понятие «здоровый образ жизни» является объектом междисциплинарного изучения. Данные проблемы изучаются как в рамках медицинских дисциплин, так и в социологической науке. В трудах российских и зарубежных ученых, таких как П. А. Сорокин, В. А. Ядов и др., рассмотрены основные категории и определения здорового образа жизни. Большинство социологов отмечают роль ЗОЖ в формировании потенциала страны. Кроме того, понимание обществом концепции ЗОЖ и отношение к нему отражают систему ценностей общества, место ценности здоровья в нем, что является проекцией эффективности и социального благополучия общества [4, 5].

На государственном уровне здоровье молодежи обычно изучается в рамках диагностики состояния здоровья населения в целом и анализа качества трудовых ресурсов. Вместе с тем студенчество отличается такими характеристиками, как возраст, специфический режим труда и отдыха, социальное положение и т. д. В период пандемии в результате перевода студентов высших учебных заведений на онлайн-обучение условия жизни именно этой категории населения изменились в большей степени — в общей сложности студенты обучались дистанционно 8 из 10 месяцев. Карантинные меры способствовали сокращению очных межличностных контактов молодежи, естественному снижению уровня их двигательной активности, изменению режима питания и отдыха. В совокупности эти изменения

¹ Официальный сайт Минобрнауки России. Пресс-центр. 06 октября 2020. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=25309&sphrase_id=48808.

оказали влияние на эмоциональное состояние студентов, их мотивацию, уровень активности, когнитивные и волевые усилия. Глобальным результатом дистанционного обучения стало изменение образа жизни студентов. Во многих странах мира ученые исследуют влияние удаленной работы и онлайн-обучения на физическое и психическое здоровье людей. Нам как работникам образовательной организации показалось целесообразным исследовать изменения в состоянии здоровья и образе жизни студентов Финансового университета.

При планировании социологического опроса мы основывались на пяти общеизвестных факторах здорового образа жизни согласно международным и национальным рекомендациям: физическая активность в свободное время, здоровое питание, контроль веса, курение и потребление алкоголя. В частности, взаимосвязь данных привычек здоровья с продолжительностью жизни была проанализирована учеными из Гарвардской школы общественного здравоохранения имени Т. Х. Чана в рамках масштабных исследований, которые проводились в период с 1980 по 2014 г. и в которых в общей сложности приняли участие почти 200 тыс. чел. [6].

По данным проведенного в 2012 г. мета-анализа 15 международных исследований (объем выборочной совокупности составил более 500 тыс. чел.), более половины преждевременных смертей были вызваны факторами нездорового образа жизни, такими как плохое питание, малоподвижный образ жизни, ожирение, чрезмерное употребление алкоголя и курение [7].

Концептуально в рамках данного исследования нас интересовали два аспекта: 1) восприятие студентами сущности и содержания ЗОЖ; 2) изменения в состоянии их здоровья и образе жизни в период пандемии.

Нами были сформулированы несколько гипотез: относительно негативного влияния пандемии на образ жизни студентов, восприятия самого понятия ЗОЖ и следования принципам ЗОЖ в реальной жизни студентов.

В феврале 2021 г. было проведено онлайн-анкетирование студентов Финансового университета, в котором приняли участие 295 человек, обучающихся на различных программах подготовки бакалавров. Возраст участников исследования составил от 17 до 22 лет (в сред-

нем 19,7 лет). Распределение респондентов по половому признаку: 34,2% — мужчины и 65,8% — женщины. Обработка эмпирических данных была реализована с помощью программы SPSS. Статистическая значимость различий между ответами респондентами оценивалась на основе критерия χ^2 . Мы осознаем, что любые выводы, сделанные в рамках настоящего исследования, имеют некоторые ограничения, связанные с общим количеством участников и их субъективной оценкой своего состояния здоровья и образа жизни.

В последние десятилетия ЗОЖ признан одним из приоритетных факторов, влияющих на качество жизни человека. По мнению Всемирной организации здравоохранения, 60% качества жизни человека, связанного со здоровьем, зависит от образа его жизни.

По результатам анализа собранных данных были сделаны следующие выводы.

1. Зарубежные исследователи, которые занимались изучением психического здоровья (mental health) студентов в период самоизоляции, отмечают увеличение тревоги и снижение работоспособности у большинства респондентов [8, 9]. Наш опрос показал, что в начале пандемии большинство студентов Финансового университета также испытывали сильный стресс, обусловленный неопределенностью ситуации и опасениями за свое здоровье и здоровье близких. Однако в настоящее время индекс удовлетворенности студентов собственным физическим и психоэмоциональным состоянием достаточно высокий — 3,69 и 3,32 соответственно (по пятибалльной шкале). При этом 97,6% опрошенных соблюдают основные рекомендации Роспотребнадзора.

2. Среди студентов нет четкого понимания сущности и содержания понятия ЗОЖ. С одной стороны, оценивая предложенные в анкете характеристики понятия ЗОЖ, 45,5% считают, что ЗОЖ — это «концепция жизнедеятельности

человека, направленная на улучшение и сохранение здоровья с помощью правильного питания, занятий спортом, отказом от вредных привычек» [10, с. 14]. С другой стороны, при ответе на вопрос: «Что прежде всего понимается под образом жизни?», были выбраны такие факторы здорового образа жизни, как сбалансированное питание (52,5%), правильный режим труда и отдыха (48,8%) и отказ от вредных привычек (45,1%). Регулярная двигательная активность в тройку основных факторов не вошла.

3. Может показаться странным, но 42,2% студентов считают, что во время пандемии их образ жизни не изменился, а 25,8% — что он стал более здоровым. В качестве негативных изменений респонденты отметили увеличение числа приемов пищи, увеличение частоты курения (10,5%) и употребления алкогольных напитков (14,2%).

4. Опрошенные студенты осознают, что недостаточно заботятся о своем здоровье. Только 30,5% респондентов полагают, что они в достаточной мере заботятся о своем здоровье. Основными мерами поддержания здоровья были названы занятия фитнесом, отказ от курения, пешие прогулки. 48,8% опрошенных занимаются фитнесом или другими физическими активностями несколько раз в неделю.

5. Для соблюдения правил ЗОЖ студентам нужна, прежде всего, мотивация и самомотивация (так считают 84,1% опрошенных), а также наличие денежных средств, свободного времени и соответствующих знаний (эти варианты ответа выбрал практически каждый второй респондент).

6. Здоровый образ жизни не определяется полом, курсом обучения, направлением подготовки. Различия между ответами респондентов по данным признакам статистически не значимы.

Данное исследование среди студентов Финансового университета показало, что проблема ЗОЖ является актуальной для студентов

нашего вуза, поскольку высокий процент студентов, несмотря на удовлетворенность своим здоровьем (как физическим, так и психоэмоциональным), не ведет здоровый образ жизни. Также вызывает беспокойство тот факт, что 73,9% респондентов признались, что нарушают режим питания (т.е. питаются реже трех раз в день). Вероятно, молодые люди пока просто не задумываются о том, к каким негативным последствиям для здоровья может привести подобное поведение. Таким образом, полученные результаты представляют практическую значимость с точки зрения составления программ санитарного просвещения студентов и разработки стратегии университета в области ЗОЖ.

Важным шагом в этом направлении может стать участие Финансового университета в глобальном проекте Healthy Campus (Здоровый кампус) Международной федерации университетского спорта (FISU), миссия которого состоит в популяризации ценностей ЗОЖ в студенческой среде. Этот международный проект стартовал в мае 2020 г. Присоединиться к этой инициативе может любое учебное заведение. По мнению инициаторов проекта, он должен оказать позитивное влияние на изменения в образе жизни и благополучии миллионов студентов по всему миру. Еще одним перспективным направлением социального развития Финансового университета может стать создание в нем по образцу ряда европейских университетов «зеленого кампуса», в котором минимизировано негативное воздействие как на студентов, так и на окружающую среду. Кроме того, необходимо более активно, с привлечением студенческого совета, мотивировать студентов на следование принципам ЗОЖ. Только в этом случае Россия сможет сохранить и преумножить человеческий капитал страны, преодолеть демографический кризис и получить необходимые для будущей экономики и рынка труда высококвалифицированные и здоровые кадры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рязанцева М. В. Стратегии развития человеческого капитала в условиях «четвертой промышленной революции». Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика. Сборник научных статей. М.: СВИВТ; 2016.
2. Белогруд И. Н., Гинойн А. Б., Горошникова Т. А. и др. Трудовой потенциал модернизации: прогнозирование потребностей инновационной экономики в квалифицированных кадрах (региональный и национальный аспекты). Монография. Смирнова В. М., ред. М.: РУСАЙНС; 2017.

3. Ziglio E., Currie C. and Rasmussen V.B. The WHO Cross-National Study of Health Behavior in School-Aged Children from 35 Countries: Findings from 2001–2002. *Journal of School Health*. 2004;(74):204–206.
4. Виленский М.Я. Здоровый образ и стиль жизни студента: методологический анализ. *Педагогическое образование и наука*. 2009;(3):15–18.
5. Наймушина А.Г., Беккер Н.Р. Феноменология и принципиальные отличия двух терминов: здоровый стиль жизни и здоровый образ жизни. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2020;2(18):200–208.
6. Tell M. Healthy lifestyle: 5 keys to a longer life. URL: <https://www.health.harvard.edu/blog/healthy-lifestyle-5-keys-to-a-longer-life-2018070514186>.
7. Loef M., Walach H. The combined effects of healthy lifestyle behaviors on all cause mortality: a systematic review and meta-analysis. *Prev Med*. 2012;55(3):163–70.
8. Kecojevic A., Basch C.H., Sullivan M., Davi N.K. The impact of the COVID-19 epidemic on mental health of undergraduate students in New Jersey, cross-sectional study. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32997683/>.
9. Li H.Y., Cao H., Leung D.Y.P., Mak Y.W. The Psychological Impacts of a COVID-19 Outbreak on College Students in China: A Longitudinal Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(11):3933. URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph17113933>.
10. Лядова А.В., Лядова М.В. Здоровый образ жизни как ценность: взгляд молодежи. *Казачество*. 2016;22(9):13–17.

REFERENCES

1. Riazantseva M.V. Strategies for the development of human capital in the context of the “Fourth Industrial Revolution”. Actual problems of social and economic psychology: methodology, theory, practice. Collection of scientific articles. Moscow: SVIVT; 2016:87–91. (In Russ.).
2. Belograd I.N., Ginoyan A.B., Goroshnikova T.A., Gretchenko A.I., Denisova A.L., Il'inskij A.I., Kolomijcev A.G., Popkov S.YU., Rozanova T.P., Ryazanceva M.V., Smirnov V.M., Stepanov A.V., Tkachenko A.A., Yurzinova I.L. Labor potential of modernisation: forecasting the needs of the innovative economy in qualified personnel (regional and national aspects). Monograph. Smirnov V.M., ed. Moscow: RUSAJNS; 2017. (In Russ.).
3. Ziglio E., Currie C., Rasmussen V.B. The WHO Cross-National Study of Health Behavior in School-Aged Children from 35 Countries: Findings from 2001–2002. *Journal of School Health*. 2004;74:204–206.
4. Vilensky M. Ya. Healthy lifestyle and lifestyle of a student: a methodological analysis. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*. 2009;3:15–18. (In Russ.).
5. Naimushina A.G., Bekker N.R. Phenomenology and fundamental differences between two terms: healthy lifestyle and healthy lifestyle. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta*. 2020;2(18):200–208. URL: <http://journal.asu.ru/zosh/issue/archive> (accessed on 11.03.2021). (In Russ.).
6. Tell M. Healthy lifestyle: 5 keys to a longer life. URL: <https://www.health.harvard.edu/blog/healthy-lifestyle-5-keys-to-a-longer-life-2018070514186> (accessed on 09.03.2021).
7. Loef M., Walach H. The combined effects of healthy lifestyle behaviours on all-cause mortality: a systematic review and meta-analysis. *Prev Med*. 2012(Sep);55(3):163–70.
8. Kecojevic A., Basch C.H., Sullivan M., Davi N.K. The impact of the COVID-19 epidemic on the mental health of undergraduate students in New Jersey, cross-sectional study. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32997683/>.
9. Li H.Y., Cao H., Leung D.Y.P., Mak Y.W. The Psychological Impacts of a COVID-19 Outbreak on College Students in China: A Longitudinal Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph17113933>.
10. Lyadova A.V., Lyadova M.V. Healthy lifestyle as a value: the view of young people. *Kazachestvo*. 2016;22(9):13–17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маргарита Васильевна Рязанцева — кандидат технических наук, доцент, доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
mvryazantseva@fa.ru

Алла Олеговна Субочева — кандидат экономических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
aosubocheva@fa.ru

Елена Сергеевна Якушова — кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента менеджмента и инноваций, Финансовый университет, Москва, Россия
esyakushova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Margarita V. Ryazantseva — Cand. Sci. (Engineering Sciences), Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia
mvryazantseva@fa.ru

Alla O. Subocheva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy head of Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia
aosubocheva@fa.ru

Elena S. Yakushova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Management and Innovation, Financial University, Moscow, Russia
esyakushova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

М. В. Рязанцева — научное руководство исследованием, основная концепция статьи, разработка методологии, анализ и интерпретация данных, обобщение и формулирование результатов исследования.

А. О. Субочева — подготовка обзора литературы, анализ и интерпретация данных, формулирование результатов исследования.

Е. С. Якушова — создание анкеты в Google Forms, анализ и интерпретация данных, обобщение и формулирование результатов исследования, оформление статьи.

Declared contribution of the authors:

M. V. Ryazantseva — scientific supervisor, the main concept of the article, development of methodology, analysis and interpretation of data generalisation and the formulation of the research results.

A. O. Subocheva — preparing the literature review, analysis and interpretation of data, formulation of the research results.

E. S. Yakushova — creating a form in Google Forms, analysis and interpretation of data generalisation and the formulation of the study, the preparation of the manuscript.

Статья поступила 18.03.2020; принята к публикации 30.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 18.03.2020; accepted for publication on 30.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-99-104
УДК 323(045)

Политические механизмы формирования антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих

В.Е. Шорохов

филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6028-395X>

АННОТАЦИЯ

Мировая практика показывает, что, не встречая противодействия, коррупция стабильно растет в объемах, поэтому наиболее эффективной в современных условиях признается стратегия перманентной борьбы с коррупцией. На формирование антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих в этом контексте непосредственное влияние оказывает широкий спектр мер, практическое воплощение в совокупности с применяемыми способами реализации которых составляют механизмы формирования антикоррупционного сознания. Безусловно, такой формат предполагает усиление контроля за деятельностью служащих всех уровней публичной власти, поскольку механизмы борьбы с коррупцией как незаконными действиями должны оказывать необходимое стимулирующее воздействие. В данной статье выделяется и рассматривается понятие «антикоррупционное сознание». Проводится анализ базовых составляющих антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих с различных позиций, а также формирующих его механизмов. Определяются укрупненные группы таких механизмов на основе использования политических средств и подчеркивается необходимость уточнения и дальнейшей научной разработки отдельных категорий.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; государственная антикоррупционная политика; антикоррупционное сознание; государственные и муниципальные служащие

Для цитирования: Шорохов В.Е. Политические механизмы формирования антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):99-104. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-99-104

ORIGINAL PAPER

Political Mechanisms for the Formation of Anti-corruption Consciousness of State and Municipal Employees

V.E. Shorokhov

RANEP branch, Novosibirsk, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6028-395X>

ABSTRACT

World practice shows that, without encountering opposition, corruption is steadily growing in volume. Therefore, the strategy of the permanent fight against corruption is recognised as the most effective in modern conditions. The formation of an anti-corruption consciousness of state and municipal employees in this context is directly affected by a wide range of measures, the practical implementation in conjunction with the applied methods of implementation, which are the mechanisms for forming anti-corruption consciousness. Of course, such a format involves tightening control over the activities of employees at all levels of public authority since anti-corruption mechanisms as illegal actions should have the necessary stimulating effect. This article highlights and examines the concept of "anti-corruption consciousness" and presents the analysis of the essential components of the anti-corruption consciousness of state and municipal employees from various positions and the mechanisms that form it. The enlarged groups of such mechanisms are determined based on the use of political means, and the need for clarification and further scientific development of certain categories is emphasised.

Keywords: corruption; anti-corruption; state anti-corruption policy; anti-corruption consciousness, state and municipal employees

For citation: Shorokhov V.E. Political mechanisms for the formation of anti-corruption consciousness of state and municipal employees. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):99-104. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-99-104

На сегодняшний день среди исследователей бытует мнение, что антикоррупционная стратегия может не иметь активной поддержки со стороны общественности, поскольку сознание граждан лучше воспринимает формат «активных репрессий». Пошаговая системная стратегия, направленная на реализацию профилактических мер без механизмов противодействия и предупреждения, нацеленная исключительно на антикоррупционное просвещение, без системы юридического преследования вряд ли окажется эффективной, скорее, общественное мнение будет развиваться в пользу имитации борьбы с коррупцией [1].

Но, с другой стороны, совокупность мероприятий антикоррупционного характера, направленных на предупреждение, профилактику коррупционного поведения, бесспорно, значима для развития фундаментальных основ — антикоррупционного сознания и культуры [2]. Широта таких механизмов охватывает как управленческие воздействия на уровне отдельных лиц, организаций, органов власти и общества в целом, так и определенные мероприятия: от уровня денежного содержания, карьерных возможностей, корпоративного духа отдельных учреждений до внедрения системы этических кодексов, системы антикоррупционного обучения, просвещения, создания эффективных механизмов информационного взаимодействия и т.д. [3, 4].

Иными словами, для создания эффективной системы противодействия коррупции нужно подходить не только с точки зрения борьбы и преследования, но и посредством формирования антикоррупционного сознания целым комплексом мер различного характера [5].

Для изменения ситуации в обществе с высоким уровнем коррупции, безусловно, требуется включать в систему мер антикоррупционной политики методы воздействия на общественное сознание государственных и муниципальных служащих и широких слоев населения, внедрять установки нетерпимого отношения к коррупции. Чтобы разрабатывать технологии воздействия на массовое сознание, в свою очередь, нужно четко понимать механизмы (факторы) восприятия проблемы коррупции как социального явления и оценки эффективности проводимой государственной политики в этом направлении [6]. Это обуславливает актуаль-

ность углубленных исследований восприятия коррупции обществом как исходных этапов развития антикоррупционного сознания.

В рамках таких исследований необходимо выяснять, насколько в современном российском обществе сложились условия для внедрения в профессиональную сферу установок и ценностей антикоррупционного поведения, насколько нетерпимой является позиция граждан относительно различных проявлений коррупции и готовы ли они лично противостоять им, проявлять свою гражданскую позицию и профессиональный долг, какие меры следует предпринимать, чтобы добиться положительных результатов.

В качестве примера тематического изучения уровня сформированности антикоррупционного сознания общественности можно представить результаты социологического исследования восприятия массовым сознанием россиян коррупции и антикоррупционной политики, проведенного исследовательским коллективом Санкт-Петербургского государственного университета в 2017–2018 гг. [7]. Проведенное исследование в целом отражает ситуацию с восприятием коррупции в обществе на примере жителей Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Согласно его результатам восприятие коррупции общественным сознанием является проблемой, требующей целенаправленных мер государства и общества. Так, высокий уровень коррупции в своем регионе проживания отмечает почти половина опрошенных — 48,6%. При этом оценка результативности антикоррупционной политики местных властей и динамики изменений ситуации с распространением коррупции, напротив, низкая. 45,2% опрошенных полагают, что ситуация с распространенностью фактов коррупции не меняется, а 48,5% отмечают, что принимаемые меры в этой сфере со стороны местных властей не усиливаются, а остаются на том же уровне. Но, тем не менее, заметен и небольшой положительный сдвиг в оценках антикоррупционной политики: так, 14% опрошенных отметили, что меры по борьбе с коррупцией в их регионе усиливаются, а 16,1% — что сама распространенность коррупции стала меньше. Было замечено, что респонденты со средними доходами, в 3–5 раз превышающими уровень бедности (потенциальный средний класс), более критично настроены к прини-

маемым властями мерам антикоррупционной политики. О широкой распространенности коррупции как явления в российском обществе говорит и тот факт, что каждый четвертый опрошенный заявил, что лично попадал в коррупционные ситуации за последний год, и при этом большинство из них (61%) заранее знали, что нужно делать в такой ситуации, как давать взятку и еще больше (68%) заявили, что это обычная (рядовая) ситуация. Вместе с тем почти 10% заявили, что, попав в подобную ситуацию, они смогли отказать должностному лицу или найти другой способ решения проблемы. Также 7% опрошенных граждан признались, что регулярно дают взятки и денежные вознаграждения в различных учреждениях, если там так принято. К таким наиболее коррумпированным учреждениям на бытовом (повседневном) уровне, с коррупционными проявлениями в которых респонденты столкнулись за последний год лично, помимо прочих, относятся и органы государственной власти и местного самоуправления (более 5% случаев).

Подобного рода аналитические исследования могут проводиться не только среди населения, но и в среде более специфичных групп, в частности представителей органов государственной и муниципальной власти. Подобная практика на постоянной основе реализована в некоторых зарубежных странах. Так, например, в Австралии среди сотрудников органов власти проводятся анонимные опросы по анкетам, включающим ситуативные описания коррупционных проявлений, в том числе неявных, в которых респондентам предстоит сделать выбор относительно реакции на такую ситуацию¹. Подобное анкетирование позволяет не только установить антикоррупционные характеристики и потенциальные риски специфичных групп респондентов, но и структурировать наиболее значимые аспекты, влияние на которые позволит добиться совершенствования профессиональной культуры служащих.

Профессиональная культура — это естественным образом воспроизводимый сим-

волический ресурс, т.е. культурный капитал учреждения, организации или иного объединения, где качество этого капитала зависит от самой организации и особенностей коллектива. Если использовать такой подход, то антикоррупционное сознание становится неотъемлемой частью этой организационной культуры и, следовательно, оно может рассматриваться как определенный набор ценностей и норм выстраивания коммуникаций государственных и муниципальных служащих, от развития уровня антикоррупционного сознания которых, в свою очередь, зависит уровень доверия к органам власти и государственным (муниципальным) организациям всех заинтересованных сторон и общества в целом. А практические (оценочные) характеристики и эффективность деятельности данных органов власти и организаций определяется этим уровнем доверия. Совокупность этих факторов, таким образом, определяет необходимость формирования антикоррупционного сознания, поскольку в условиях современного государства публичные организации и учреждения стремятся к успешной интеграции в экономические, политические и социальные структуры с новыми нормами профессиональной культуры и этики.

Для создания эффективной системы противодействия коррупции нужно подходить не только с точки зрения борьбы и преследования, но и посредством формирования антикоррупционного сознания целым комплексом мер различного характера.

В современном обществе профессиональная культура обязательно должна включать в себя элемент антикоррупционного сознания. В любой сфере профессиональной деятельности, связанной с общественно значимым результатом, есть своего рода кодекс ответственности поведения и моральных норм, включающих антикоррупционные стандарты. Но для того, чтобы эти правила действовали, мало их декларировать, — необходимо внедрять технологии формирования антикоррупционной культуры

¹ Survey on Attitudes to Corruption, Misconduct, and Maladministration in the Local Government Context. University of Adelaide, 2014. URL: http://www.lga.sa.gov.au/webdata/resources/project/Survey_on_Attitudes_to_Corruption,_Misconduct_and_Maladministration_in_the_Local_Government_Context.pdf.

на уровне организационного управления государственным и муниципальным сектором.

Помимо развития профессиональной культуры, одним из эффективных методов формирования антикоррупционного сознания является стимулирование такого поведения государственных и муниципальных служащих, когда нормы и ценности публичного лица базируются не только на организационно-правовом распорядке, но и на этическом кодексе нравственных качеств личности.

В гражданском обществе с развитым антикоррупционным климатом, распространяющимся на все сферы профессиональной деятельности, бесспорно, растет уровень доверия, общественной солидарности, следовательно, формируются условия для устойчивого развития антикоррупционного сознания.

В научной литературе высказываются мотивированные мнения относительно того, что гражданская активность в антикоррупционной сфере в большей степени свойственна людям, имеющим соответствующий уровень образования. Это говорит о важности целенаправленного формирования антикоррупционного сознания в рамках реализации программ высшего образования, учитывая положительную и перспективную практику антикоррупционных программ дополнительного профессионального образования.

В гражданском обществе с развитым антикоррупционным климатом, распространяющимся на все сферы профессиональной деятельности, бесспорно, растет уровень доверия, общественной солидарности, следовательно, формируются условия для устойчивого развития антикоррупционного сознания. Так, значимая роль должна быть отведена просветительской работе в области антикоррупционной деятельности. Как основные цели просвещения граждан в сфере противодействия коррупции можно выделить:

- собственно просветительскую работу;
- воспитание чувства гражданской ответственности;
- укрепление доверия к публичной власти.

Антикоррупционная подготовка, помимо мероприятий по изменению сознания действующих государственных и муниципальных служащих, должна включать механизмы формирования антикоррупционного сознания лиц, планирующих поступать на государственную и муниципальную службу (учащихся профильных образовательных организаций) и всех граждан в целом. С этой точки зрения антикоррупционная подготовка государственных и муниципальных служащих в процессе становления личности должна проводиться посредством антикоррупционного образования и просвещения. Тем не менее на сегодняшний день вопросы антикоррупционного просвещения, в отличие от формирования системы антикоррупционного образования, более востребованы в сфере реализации государственной антикоррупционной политики и регулируются на всех ее уровнях, подтверждением чему служат соответствующие нормативные акты².

Обеспечение открытости информации о деятельности органов власти, в том числе декларирование доходов и расходов государственных и муниципальных служащих, может рассматриваться как один из способов формирования антикоррупционного сознания чиновников. В настоящее время регулирование данного института осуществляется антикоррупционным законодательством. Вместе с тем декларирование доходов государственных и муниципальных служащих само по себе побороť коррупцию не способно. Но такая практика может оказать заметное влияние на формирование общественного сознания служащих, становление системы приемлемых для каждого из них идей, представлений и убеждений относительно того, каким образом и из каких

² Распоряжение Правительства РФ от 14.05.2014 № 816-р «Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 годы»; распоряжение Правительства РФ от 21.12.2018 № 2884-р «Об утверждении комплексного плана просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019–2020 годы»; распоряжение Правительства РФ от 29.01.2019 № 98-р «Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2019 год».

элементов должны складываться законные доходы и средства материального поощрения чиновников, а какие подходы к личной финансовой состоятельности носят коррупционный характер.

В официальных нормативных правовых актах о противодействии коррупции не уделяется достаточного внимания механизмам формирования антикоррупционного сознания, а имеющиеся элементы представляются в большей степени формальными.

В целом всю совокупность возможных механизмов формирования антикоррупционного сознания политическими средствами, в том числе с привлечением политических институтов и институтов гражданского общества, можно объединить в несколько групп:

- политические или политико-правовые, включающие разработку и совершенствование соответствующих нормативных правовых и подзаконных актов, а также доктринальных документов и положений антикоррупционной направленности, предусматривающих отдельные методы развития правосознания;

- воспитательные или образовательно-воспитательные, включающие различные средства обучения, развития профессиональных компетенций служащих, воспитания у граждан в целом чувства неприятия коррупции и негативного отношения к ней;

- прогностические, включающие развитие системы антикоррупционного мониторинга, транслирование его на сферу поведения властно-управленческих акторов;

- организационные, включающие координацию и согласованность действий всех органов власти, общественных организаций, СМИ и прочих институтов по вопросам развития

антикоррупционного сознания служащих и представителей гражданского общества.

Помимо прямого влияния на процессы развития и совершенствования антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих системными механизмами (развитие профессиональных и личностных компетенций, совершенствование системы антикоррупционного образования и подготовки, проведение тематических конференций и форумов и т.д.), особое внимание необходимо уделять факторам и процессам, имеющим косвенное влияние на формирование антикоррупционного сознания служащих и всех граждан в целом. К таковым можно отнести, например, укрепление авторитета публичной власти в глазах гражданского общества, необходимость увеличивать информационную прозрачность процесса и принятия каких-либо управленческих и иных решений. Важны целенаправленная и системная работа с общественным правосознанием и повышение правовой культуры населения. Также стоит упростить доступ граждан к соответствующей информации путем периодического опубликования полных статистических данных и иных материалов антикоррупционной направленности на официальных сайтах в сети Интернет и различных средствах массовой информации.

Обеспечению открытости информации будет способствовать отказ от сложных и запутанных бюрократических процедур, а объективное освещение СМИ проводимой государственной антикоррупционной политики и достигнутых в данной области результатов в этом контексте будет являться наиболее значимым фактором развития антикоррупционного сознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Охотский И.Е. Принципы антикоррупционной стратегии и особенности их реализации. *Право и управление. XXI век.* 2012;4(25):87.
2. Шорохов В.Е. Актуальные вопросы антикоррупционного образования и культуры. *Культура: управление, экономика, право.* 2019;(2):29–34.
3. Шорохов В.Е. Антикоррупционная политика ООН и России: сравнительно-правовой аспект. *Международное публичное и частное право.* 2019;(6):36–39.
4. Шорохов В.Е. Правовые основы государственной антикоррупционной политики в России. *Российская юстиция.* 2019;(11):49–51.
5. Шорохов В.Е. Мировые практики формирования системы антикоррупционного образования и подготовки в контексте развития гражданского общества. *Гражданское общество в России и за рубежом.* 2019;(3):11–14.

6. Шорохов В. Е. Перспективы антикоррупционной политики в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;1(37):66–70.
7. Савин С. Д. Антикоррупционное сознание как фактор формирования профессиональной культуры россиян. Сборник трудов конференции «Культурная экономика и экономизация культуры в системе современных обществ». СПб.: Астерион; 2018.

REFERENCES

1. Okhotsky I. E. Principles of anti-corruption strategy and features of their implementation. *Pravo i upravleniye. XXI vek = Law and Management. XXI century*. 2012;4(25):87. (In Russ.).
2. Shorokhov V. E. Actual issues of anti-corruption education and culture. *Kul'tura: upravleniye, ekonomika, parvo = Culture: management, economics, law*. 2019;2:29–34. (In Russ.).
3. Shorokhov V. E. Anti-corruption policy of the UN and Russia: comparative legal aspect. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye parvo = International public and private law*. 2019;6:36–39. (In Russ.).
4. Shorokhov V. E. Legal basis of state anti-corruption policy in Russia. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian justice*. 2019;11:49–51. (In Russ.).
5. Shorokhov V. E. World practices in the formation of a system of anti-corruption education and training in the context of the development of civil society. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil society in Russia and abroad*. 2019;3:11–14. (In Russ.).
6. Shorokhov V. E. Prospects for anti-corruption policy in modern Russia. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;1(37):66–70. (In Russ.).
7. Savin S. D. Anti-corruption consciousness as a factor in the formation of the professional culture of Russians. Proceedings of the conference “Cultural Economics and the Economization of Culture in the System of Modern Societies”. St. Petersburg: Asterion; 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Евгеньевич Шорохов — аспирант факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск, Россия
v-shorohov@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav E. Shorokhov — Postgraduate student, Faculty of State and Municipal Management of the Siberian Institute of Management, RANEPA branch, Novosibirsk, Russia
v-shorohov@list.ru

Статья поступила 20.11.2020; принята к публикации 15.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2020; accepted for publication on 15.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-105-109
УДК 341.655(045)

Разработка модели анализа санкций как фактора политического риска

И.С. Пятибратов

Финансовый университет, Москва, Россия; Центр политической информации;
Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-3652-8483>

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются перспективы разработки методики анализа санкций как фактора политических рисков. С учетом актуальности санкций как явления в российской политике и политической науке очевидна необходимость работы над способом измерения такого риск-фактора и управления им. При этом разработка методики возможна с учетом уже существующих наработок из других областей знаний, в том числе — комплаенс-менеджмента. Автор приходит к выводу о том, что показатели санкций как политического риск-фактора могут отбираться по различным основаниям, в частности в зависимости от того, является ли страна к моменту начала исследования объектом санкций. Кроме того, анализ данного фактора возможен как в самостоятельном формате, так и в качестве дополнения к существующим методикам.

Ключевые слова: санкции; международные санкции; риск; политический риск; анализ рисков; комплаенс

Для цитирования: Пятибратов И.С. Разработка модели анализа санкций как фактора политического риска. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):105-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-105-109

ORIGINAL PAPER

Development of a Model for Analysing Sanctions as a Political Risk Factor

I.S. Pyatibratov

Financial University, Moscow, Russia; Center for Political Information;
Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3652-8483>

ABSTRACT

The article considers the prospects for developing a methodology for analysing sanctions as a factor of political risks. Given the relevance of sanctions as a phenomenon in Russian politics and political science, it is evident that there is a need to measure and manage such a risk factor. The development of the methodology considers existing results from other areas of knowledge, including compliance management. The author concludes that the indicators of sanctions risk should be selected considering whether the studied country is the object of sanctions or not. In addition, the analysis of sanctions is possible both in an independent format and as an addition to existing methods.

Keywords: sanctions; international sanctions; risk; political risk; risk analysis; compliance

For citation: Pyatibratov I.S. Development of a model for analysing sanctions as a political risk factor. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):105-109. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-105-109

Как отмечалось в предыдущей работе автора, анализ санкций как фактора политических рисков крайне актуален, о чем говорят высокая оценка рискогенности данного фактора российским научным и экспертным сообществом, высокая степень обсуждаемости санкционной проблематики в российском публичном поле, а также недостаточная исследованность данного вопроса в российской научной литературе [1]. То есть о запросе на такое исследование сигнализирует как российское общество в целом, так российская политическая наука в частности.

С учетом актуальности данного направления закономерна разработка методики анализа санкций как фактора политического риска, которая позволила бы такой риск предупреждать, оценивать и управлять им.

Перед началом работы над разработкой собственной методики имеет смысл рассмотреть уже имеющийся релевантный опыт, в том числе — и в других, помимо политологии, областях знаний. Санкции являются объектом рассмотрения комплаенс-менеджеров еще с 2014 г. [2]. Комплаенс-менеджмент — управленческая функция компании, которая направлена на соблюдение компанией законов и этических норм [3]. Основной задачей специалистов по комплаенсу является именно предупреждение каких-либо правовых рисков, в том числе — санкционных. При этом с годами актуальность санкционного комплаенса растет (<https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/finance/russian/articles/compliance-development-trends-in-russia-and-cis.pdf>). Особенно актуален он в России, где компаниям необходимо удовлетворять требованиям международных организаций, таких как ООН, и национальных регуляторов на фоне санкционного давления на РФ [4].

Как оказалось, компаниям непросто избежать санкций. Большинство из них получают штрафы в силу незнания или неосторожности, а не из-за намеренного нарушения существующих санкционных норм [5]. За 7 лет российские специалисты накопили достаточно обширный багаж знаний, который можно перенести и на анализ политических рисков. Связано это с многомерной природой санкций, которые являются фактически правовым инструментом политического давления посредством экономических механизмов. Это

явление, находящееся на грани политического, экономического и юридического, позволяет адаптировать релевантные методики.

В открытых источниках приводят следующие показатели санкционного риска (<https://kontur.ru/articles/5977>):

- Ведение компанией расчетов в долларах США.
- Участие в акционерном капитале компании или в рамках конкретного проекта граждан США или ЕС.
- Перепродажа или переуступка в рамках проекта американских товаров.
- Ведение бизнеса на территории ЕС.
- Сотрудничество с подсанкционными лицами или организациями.
- Участие в капитале компании организаций, находящихся под санкциями.

Это факторы санкционного риска, которые становятся актуальными для компаний, работающих в странах — объектах санкций. Такая деятельность навлекает ограничения, что можно наблюдать на примере России, многие компании которой из-за американских санкций вынуждены прибегать к креативным практикам обхода санкционного режима [6]. При этом издержки деятельности такой компании неизбежно растут [7].

Логично, что компаниям, прежде чем начать управлять комплаенс-рисками, необходимо понять, насколько для них велика вероятность столкнуться с санкционными рисками. Для компаний санкционная опасность исходит в первую очередь от США и стран ЕС, которые статистически являются крупнейшими эмитентами санкций [2, 8]. При этом санкции имеют разный характер и последствия, что делает их самостоятельным фактором при анализе политического риска, имеющим свои показатели. Под показателями в данном контексте мы понимаем конкретные факты, ранжированные по весам, которые могут охарактеризовать степень риска. Основой для типологии показателей санкционных рисков может быть наличие введенных против страны — объекта исследования того или иного типа санкций. Тогда можно выделить следующие показатели санкционного риска:

- в отношении страны введен запрет на поставки оружия;
- в отношении субъектов страны применяется замораживание счетов;

- в отношении страны применяется замораживание имущественных активов лиц и организаций;

- определенным публичным лицам страны введен запрет на въезд в страны — эмитенты санкций;

- в отношении страны введено ограничение на торговлю;

- в отношении страны введен запрет на оказание финансовой помощи и осуществление инвестиций;

- в отношении страны введен запрет на ввоз предметов роскоши и драгоценных металлов;

- в отношении страны введен запрет на проведение сделок;

- в отношении страны введен запрет на удовлетворение исков;

- в отношении страны введен запрет на экспорт-импорт товаров для энергетического сектора;

- в отношении страны введены ограничения на экспорт товаров, связанных с обогащением урана и ядерной промышленностью;

- в отношении страны введен запрет на экспорт технологий;

- в отношении страны введен запрет на чартерные и воздушные перевозки;

- в отношении страны введен запрет на экспорт-импорт продуктов;

- в отношении страны введен запрет на оказание определенных услуг.

Для сокращения числа показателей можно ряд из них собрать в один и обозначить его как «в отношении страны введены секторальные санкции». Но это снизит точность анализа, так как в зависимости от конкретного заказчика есть смысл рассматривать конкретные секторы, а не все вообще.

Тип санкций может быть не единственным основанием для отбора показателей. Санкции — продукт политической воли страны-эмитента и реакции на те или иные действия страны-реципиента. Поэтому показателями санкционного фактора политического риска могут быть известные поводы для введения санкций [8, 9]:

- Участие страны в вооруженных конфликтах.
- Обвинения в ограничениях или нарушениях прав человек в стране.

- Конкуренция с США в экономической сфере.

- Поддержка государством организаций, которые другие страны считают экстремистскими.

- Наличие в стране ядерного вооружения.

- Обвинения в аннексии в сторону страны — объекта исследования.

- Негативная репутация государства в мировых СМИ.

- Негативная репутация лидера государства в мировых СМИ.

- Низкий уровень «демократичности» политического режима в государстве.

- Прочное сотрудничество с государствами — соперниками США.

Такой набор показателей может быть актуален для анализа политических рисков инвестиций в государство, еще не ставшее объектом санкций. В таком контексте логичнее рассматривать возможность появления санкций в отношении страны вообще, а не конкретные санкционные меры, так как рассматривается сама возможность установления санкционного режима.

Очевидна мультивариатность формируемой методики, которая зависит от изучаемого государства. Попытка сделать универсальный набор показателей для анализа санкционных рисков возможна, но она неизбежно снизит точность исследования, так как фактически основания типологизации и станут показателями данного фактора риска. Повышения точности при таком подходе можно добиться путем осторожного подбора весов показателей. Но это потребует рассмотрения всех указанных выше показателей, что излишне усложнит анализ.

Мы рассматриваем санкции только как один из факторов политического риска, которым имеет смысл дополнить существующие методики анализа рисков. Соответственно, процесс анализа данного фактора не должен быть значительно сложнее, чем анализ остальных факторов. Поэтому формирование многоуровневой системы показателей и критериев адекватно только при проведении анализа санкционных рисков независимо от других факторов как самостоятельного исследования.

В частности, приведенный подход к анализу санкций как фактора политического риска органично вписывается в методику Ш. Бринк, которую она предложила в своей работе 2004 г. «Измеряя политический риск» [10]. В своей работе Бринк практически не уделяет внимания

санкциям, рассматривая их как элемент такого риск-фактора, как «внутренние и внешние конфликты». Также санкции в данной работе вскользь упоминаются как возможная причина негативного влияния на платежный баланс государства. Таким образом, Бринк не выводит санкции в категорию самостоятельного фактора политического риска, но в должной мере и не рассматривает их в качестве показателя какого-либо из факторов. В свете актуальности данной проблематики сегодня дополнение данной методики выглядит осмысленным. Имеются два способа интеграции нового фактора: 1) в качестве одного из экономических факторов политического риска; 2) вывода его в самостоятельную категорию «санкционные риски», что позволит формулировать в его рамках несколько «санкционных» факторов, каждый из которых будет иметь свои показатели. Эти «субфакторы» в том числе могут базироваться на приведенных выше основаниях типологизации показателей.

В случае же самостоятельного исследования, вне каких-либо существующих методик, возможно встраивание также и упомянутых выше комплаенс-факторов, что добавит еще один уровень анализа. В таком случае алгоритм исследования может иметь следующие этапы:

1. Анализ вероятности введения санкций в отношении страны — объекта исследования.

2. Анализ уже введенных в отношении страны — объекта исследования санкций.

3. Анализ комплаенс-факторов санкционного риска компании — заказчика/объекта исследования.

Таким образом мы задействуем все предложенные способы анализа санкций как политического риск-фактора в рамках одного исследования. При этом в зависимости от конкретной задачи, поставленной перед процедурой анализа, можно изменять как состав этапов работы, так и более тонкие детали исследования, в том числе — веса показателей санкционного фактора политического риска.

Итак, мы очертили фреймворк работы над методикой анализа санкций как фактора политического риска, обозначив ряд возможных способов воплощения данной задачи. Дальнейшая работа подразумевает конкретизацию и дополнения указанных показателей санкционного риска, а также разработку системы их ранжирования и присваивания им конкретных весов. Решение данной исследовательской задачи позволит не только сделать анализ политических рисков как таковой более точным, но также поможет самому государству — объекту исследования обнаружить возможные санкционные риски или определить урон, наносимый ими его инвестиционной привлекательности, а значит, и экономике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пятибратов И. С. Иностранные санкции как фактор политического риска для РФ. Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы десятого круглого стола с Всероссийским и международным участием. Т. 2. Ростов н/Д: Донской государственный технический университет; 2020.
2. Тимофеев И. Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г. М.: РСМД; 2021.
3. Крепышева А. М., Сергиевская А. А., Сторчевой М. А. Определение и измерение риска в комплаенс-менеджменте. *Стратегические решения и риск менеджмент*. 2020;(2):150–159.
4. Дубов Д. А. Мониторинг режимов эмбарго и санкций в деятельности комплаенс подразделений российских банков. *Управление экономическими системами*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-rezhimov-embargo-i-sanktsiy-v-deyatelnosti-komplaens-podrazdeleniy-rossiyskih-bankov>.
5. Тимофеев И. Н., Хоменко М. В. Управление риском санкций: семь стереотипов и пять элементов. М.: Pravo.ru; 2020.
6. Никольский А. Россия нашла способ обход санкций США при продаже оружия. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/14/801357-rossiya-sposob-obhoda-sanktsii>.
7. Фиранчук А. Российское продуктовое эмбарго и случаи его обхода через третьи страны. *Экономическое развитие России*. 2017;(5):23–30.
8. Морозов В. А. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. М.: РСМД; 2020.
9. Тимофеев И. Н. Санкции вводятся на основе определенного мнения. РСМД. М., 2020.
10. Brink C. H. *Measuring political risk*. Routledge; 2004.

REFERENCES

1. Pyatibratov I. S. International sanctions as a political risk factor for the Russian Federation. *Legal Science in the XXI Century: Actual Problems and Prospects for Their Solutions. Collection of Scientific Articles on the Results of the Tenth Round Table With All-Russian and International Participation. Shakhty. Vol. 2. Rostov o / D: Don State Technical University; 2020:124–126. (In Russ.).*
2. Timofeev I. N. *Sanctions Against Russia: A Look into 2021. Moscow: RIAC; 2021. (In Russ.).*
3. Krepysheva A. M., Sergievskaya A. A., Storchevoi M. A. Definition and Measurement of Risk in Compliance Management. *Strategic decisions and risk management. 2020:(2):150–159. (In Russ.).*
4. Dubov D. A. Monitoring of embargo and sanctions regimes in the activities of compliance units of Russian banks. *Management of Economic Systems. 2017:(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-rezhimov-embargo-i-sanktsiy-v-deyatelnosti-komplaens-podrazdeleniy-rossiyskih-bankov>. (In Russ.).*
5. Timofeev I. N., Khomenko M. V. Sanctions risk management: seven stereotypes and five elements; 2020. URL: <https://pravo.ru/story/221854>. (In Russ.).
6. Nikolsky A. Russia has found a way to bypass the U.S. sanctions in the sale of weapons. *Vedomosti. 2019. (In Russ.). URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/14/801357-rossiya-sposob-obhoda-sanktsii>.*
7. Firanchuk A. Russian food embargo and cases of its circumvention through third countries. *Russian Economic Development. 2017:(5):23–30. (In Russ.).*
8. Morozov V. A. Sanctions policy: goals, strategies, tools. RIAC Moscow, 2020 (In Russ.).
9. Timofeev I. N. Sanctions are imposed based on a certain opinion. RIAC. Moscow; 2020. (In Russ.).
10. Brink C. H. *Measuring political risk. Routledge; 2004.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван Сергеевич Пятибратов — ассистент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; аналитик, Центр политической информации; Москва, Россия
pyatibratovi@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ivan S. Pyatibratov — Assistant, Department of Political Sciences, Financial University; Analyst at Centre for Political Information; Moscow, Russia
pyatibratovi@gmail.com

Статья поступила 17.03.2021; принята к публикации 10.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.03.2021; accepted for publication on 10.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-110-114
УДК 325.14(045)

Влияние миграционных процессов на организацию и проведение выборов в Государственную Думу РФ VIII созыва

С.А. Водопетов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6558-1251>

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает влияние миграционных процессов на организацию и проведение выборов в Государственную Думу РФ VIII созыва. Повестка миграции может оказывать влияние на электоральную кампанию в контексте двух основных векторов: непосредственного влияния мигрантов на голосование и фактора влияния миграционных процессов на общественное мнение избирателей из числа представителей старожильческой части населения. Кроме того, в исследовании рассматриваются позиции политических партий и акторов касательно миграционных процессов в контексте формирования общего дискурса их предвыборных программ – как парламентских, так и непарламентских. Особое внимание работы сосредоточено на ситуации в непризнанных республиках Юго-Востока Украины, население которых активно получает гражданство Российской Федерации и, соответственно, сможет принять непосредственное участие в выборах депутатов нижней палаты российского парламента.

Ключевые слова: Россия; Российская Федерация; Государственная Дума; миграция; миграционные процессы; выборы; избирательная кампания

Для цитирования: Водопетов С.А. Влияние миграционных процессов на организацию и проведение выборов в Государственную Думу РФ VIII созыва. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):110-114. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-110-114

ORIGINAL PAPER

The Impact of Migration Processes on the Organization and Conduct of Elections to the State Duma of the Russian Federation of the VIII Convocation

S.A. Vodopetov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6558-1251>

ABSTRACT

In this article, the author considers the influence of migration processes on the organisation and conduct of elections to the State Duma of the Russian Federation of the VIII convocation. The migration agenda can influence the electoral campaign in the context of two main vectors – the direct influence of migrants on voting and the factor of the impact of migration processes on the public opinion of voters from among the representatives of the old-time population. In addition, the study examines the positions of political parties and actors regarding migration processes in the context of the formation of a general discourse of their election programs – both parliamentary and non-parliamentary. Particular attention of the work is focused on the situation in the unrecognised republics of the South-East of Ukraine, the population of which is actively acquiring the citizenship of the Russian Federation and, accordingly, will be able to directly participate in the elections of the deputies of the lower house of the Russian parliament.

Keywords: Russia; Russian Federation; State Duma; migration; migration processes; elections; election campaign

For citation: Vodopetov S.A. The impact of migration processes on the organisation and conduct of elections to the State Duma of the Russian Federation of the VIII convocation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):110-114. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-110-114

19 сентября 2021 г. в Российской Федерации, в рамках Единого дня голосования, пройдут выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ VIII созыва. Гражданам страны предстоит избрать 450 депутатов — 225 по партийным спискам и 225 в одномандатных округах¹. Одними из факторов, которые окажут непосредственное влияние на проведение, организацию и итоговый результат выборов станут миграционные процессы и мигранты. В контексте влияния миграционных процессов на выборы в российский парламент необходимо выделить два ключевых аспекта:

1. Участие в избирательной кампании россиян, получивших гражданство РФ в период после выборов депутатов Государственной Думы РФ VII созыва, прошедших в Единый день голосования 2016 г.

2. Использование темы миграции и миграционных процессов в рамках выборных кампаний и программ политических партий и акторов.

Необходимо отметить, что каждое из указанных направлений имеет различную степень значимости в зависимости от исследуемого региона. Например, для Ростовской области характерно доминирование влияния миграционных процессов на выборы в контексте граждан, недавно получивших гражданство вследствие нестабильной ситуации на Востоке Украины. При этом для городов федерального значения — Москвы, Санкт-Петербурга и в значительно меньшей степени Севастополя, значительное влияние на выборы оказывает отношение политических сил к трудовым мигрантам, не являющимся гражданами Российской Федерации, так как многие граждане имеют полярные позиции по теме миграции.

Рассматривая влияние миграционных процессов, которые могут оказать влияние на выборы депутатов Государственной Думы РФ, особое внимание необходимо уделить субъектам РФ, граничащим с непризнанными украинскими республиками, — Белгородской, Воронежской и Ростовской областям. Президент Российской Федерации В.В. Путин 24 апреля 2019 г. подписал Указ «Об определении в гуманитарных целях категории лиц, имеющих право обратиться с заяв-

лениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке», с помощью которого население, проживающее в районе конфронтации на Востоке Украины, получило возможность стать россиянами — первые паспорта начали выдаваться в ряде специализированных пунктов Ростовской области начиная с 14 июля 2019 г. Примечательно, что с апреля 2020 г. согласно решению Государственной Думы РФ жители Донецкой и Луганской областей Украины освобождены от уплаты государственной пошлины за получение российского паспорта. Необходимо отметить, что в качестве определения мигрантов необходимо отойти от традиционного понимания миграции как физического перемещения. В статье рассматривается также изменение гражданской юрисдикции, подразумевающее правовую иммиграцию из одной законодательной системы в другую — украинского правового поля в российское путем получения гражданства.

Согласно данным представителей непризнанных государств² и российских профильных ведомств на текущий момент процедурой получения гражданства воспользовались более 350 тыс. человек, а предполагаемые итоговые цифры выдачи паспортов находятся в диапазоне от 700 до 800 тыс.³ То есть потенциально к итоговым цифрам голосующих может прибавиться около 1 млн дополнительных иммигрантов, обладающих конституционным правом избирать своих представителей. В этой связи важным фактором становится порядок проведения выборов депутатов и организационная составляющая выборов. Так, в период проведения голосования по внесению изменений в Конституцию Российской Федерации, проходившего в период с 25 июня по 1 июля 2020 г., для «украинских» граждан РФ были организованы 12 специализированных пунктов для голосования, расположенных на территории Ростовской области (важно отметить, что другие прилегающие к границе субъекты России, Белгородская и Воронежская области, в организации и проведении голосования для граждан непризнанных государств задействованы не были). В сообщениях российских органов власти указывалось, что на момент проведения

² 350 тысяч жителей Донбасса стали гражданами России. Новостной портал «GOROD 48.ru». URL: <https://gorod48.ru/topnews/1906506/>.

³ В Госдуме рассчитывают, что до 800 тыс. жителей ДНР и ЛНР станут гражданами РФ в 2020 году. Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/8011011>.

¹ Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

голосования по поправкам в Конституцию РФ правом волеизъявления обладали около 150 тыс. граждан непризнанных республик Юго-Востока Украины. Важно указать, что официальные данные о количестве проголосовавших в рамках всероссийского голосования не публиковались. Согласно статистике, которая приводится неофициальными источниками, в голосовании приняли участие около 20 тыс. чел. из обоих непризнанных государственных образований⁴. В качестве основной причины, оказавшей негативное влияние на явку «новых» граждан, по мнению местного экспертного сообщества, выступает отсутствие возможности отдать голос непосредственно на территории непризнанных государств, так как поездка на территорию Ростовской области является затратным и долговременным мероприятием, а бесплатных организованных маршрутов оказалось недостаточно.

В связи с вышесказанным для официальных властей РФ и политических партий возникает насущный вопрос повышения доступности голосования для граждан Российской Федерации, проживающих на неподконтрольных официальному правительству Украины территориях. Непосредственная организация стационарных избирательных участков не представляется возможной, так как международное сообщество не признает независимость государственных образований, появившихся на территории Донецкой и Луганской областей Украины после кризиса начала 2014 г., и, следовательно, организация мест для голосования на этих территориях будет восприниматься как непосредственное вмешательство во внутренние дела суверенного государства. В связи с этим подобный вариант повышения явки выглядит крайне маловероятным.

В качестве потенциального выхода из сложившейся ситуации российские власти могут рассматривать два варианта действий — повышение расходов на стимулирование участия в голосовании на территории Российской Федерации, а также использование альтернативных методов учета мнения граждан. Первый указанный способ увеличения значения явки избирателей предполагает выделение бюджета для проведения массовой агитационно-пропагандистской кампании на территории непризнанных республик

с целью привлечения внимания граждан к электро-ральному процессу. Кроме того, в качестве меры поддержки граждан, получивших гражданство, может быть использован элемент дотаций в логистической сфере — желающим будут компенсированы транспортные расходы или организованы бесплатные маршруты, позволяющие добраться до мест дислокации избирательных участков на территории субъектов РФ.

Наиболее реалистичным выглядит вариант использования дистанционных методов для голосования, апробированных на выборах депутатов Московской городской Думы в 2019 г. в ходе голосования по внесению изменений в Конституцию РФ в 2020 г. и на довыборах депутатов Советов депутатов муниципальных округов Марьино и Бабушкинский в Москве в том же году. Негативным фактором является то, что для голосования используется официальный правительственный сайт «Госуслуги», но доступ ко многим его возможностям ограничен в случае отсутствия регистрации на территории РФ — подобная ситуация является характерной для жителей непризнанных территорий.

Рассмотренные элементы могут потенциально в значительной степени увеличить степень участия и влияния российских граждан с Юго-Востока Украины в контексте оказания влияния на выборы депутатов Государственной Думы VIII созыва. При этом важно понимать, как представители неподконтрольных официально Киеву территорий будут принимать участие в голосовании по одномандатным округам. Так, в ходе выборов депутатов Государственной Думы VII созыва лица, проживающие на указанных территориях, участвовали в выборах в статусе, соответствующем положению граждан РФ, проживающих за рубежом, — их голоса были привязаны к одномандатным округам в одном из субъектов РФ (так как де-юре эти непризнанные государства являются территорией Украины, то и для голосования на выборах российские граждане, проживающие на этой территории, были прикреплены, как и другие россияне, проживающие в Украине, к одномандатным округам на территории Свердловской области и Ямало-Ненецкого автономного округа)⁵. При этом необ-

⁴ Статистика участия не поражает, — известный военкор о голосовании ЛДНР за поправки в Конституцию. Сетевое издание «Русская Весна». URL: <https://rusvesna.su/news/1593701700>.

⁵ Территориальные избирательные комиссии на территории одномандатных избирательных округов, к которым приписаны избиратели, проживающие за пределами территории Российской Федерации. Официальный сайт ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/analog/vib_d16/2016/perechen_tik_zh_rubejom.docx — (дата обращения: 04.01.2021).

ходимо учитывать, что на момент голосования на выборах депутатов Государственной Думы в 2016 г. таких граждан было около 20 тыс., а сегодня их значительно больше, и они могут оказать значительное влияние на выборы в том или ином округе (потенциально кардинально отличаясь во мнении от представителей старожильческого населения, проживающего непосредственно на территории одномандатного избирательного округа). В этой связи выходом видится дробление российских граждан, проживающих на территории Донбасса, с целью равномерного распределения по избирательным округам, либо создание отдельного избирательного округа, что выглядит маловероятным в связи с отсутствием юридических обоснований для подобного шага как во внутрироссийском законодательном поле, так и в международном. В любом случае весьма маловероятна возможность того, что жители Юго-Востока Украины окажут непосредственное влияние на выборы в приграничных субъектах РФ именно своими голосами — не известно, в какой одномандатный округ их распределят. При этом миграционный образ, несомненно, будет использоваться политическими силами, в том числе кандидатами в одномандатных округах с целью политического позиционирования и выстраивания собственного образа.

Включение темы «новых» граждан в избирательные программы в приграничных субъектах также будет полярно — от концепции необходимости содействия согражданам до неприемлемости включения «новороссиян» в политическое поле РФ [1]. К позиции оказания содействия и интеграции наиболее близка партия «За правду» (национал-патриотической идеологии), возглавляемая З. Прилепиным. 15 декабря 2020 г. упомянутая выше политическая сила официально выступила с предложением признания непризнанных Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) в качестве самостоятельных государственных образований и международных субъектов. С высокой долей вероятности указанная тема не перестанет быть актуальной и в случае объединения движения «За правду» со «Справедливой Россией» и «Патриотами России», но при этом национальная тематика приобретет менее радикальный характер, который присущ последователям Прилепина.

Парламентские партии, в том числе «Единая Россия», с низкой степенью вероятности будут

использовать тему интеграции мигрантов в приграничных областях, так как подобные идеи не популярны у местного коренного населения, оказывающего непосредственное влияние на итоговый результат — присутствует боязнь потери рабочих мест, перенаселения и т.д. [2]. При этом на федеральном уровне и в других одномандатных округах «Единая Россия» и системная оппозиция могут использовать подобную тематику в своих выборных концепциях, ориентируясь на выводы социологических исследований по стране в целом и в отдельно взятых регионах [3]. В частности, 22 декабря 2021 г. первый заместитель председателя комитета по обороне Государственной Думы Российской Федерации, представитель ЛДПР А.Н. Шерин призвал президента России В.В. Путина включить «новороссийские» территории в состав Ростовской области РФ. Парламентарий объяснил необходимость скорейшего проведения указанного процесса обстоятельствами того, что в начале прошлого века указанные территории являлись едиными, обладали общими социокультурными признаками. Также важно учитывать, что в ситуации с использованием тематики миграционных процессов существует разделение по возрастным группам — кластер молодежи указанная тема волнует меньше, что повлечет к снижению вероятности включения этого аспекта в работу с указанной категорией граждан [4].

Малопрогнозируемым является использование «новороссийской» тематики представителями несистемной оппозиции. В первую очередь это связано со значительным разделением политических сил в идеологическом спектре по линии «правые-левые», а также с зачастую кардинально отличающимся отношением тех или иных акторов именно к национальному вопросу. К примеру, в оппозиционной среде присутствуют политические силы, которые категорически не признают ЛНР и ДНР в качестве самостоятельных государственных образований и выражают мнение о том, что давать гражданство украинским подданным нецелесообразно, так как необходимо заботиться о собственном населении. При этом другая сторона несистемной оппозиции высказывается за необходимость интеграции и возвращения русских на территорию Российской Федерации. Мнения несистемной оппозиции — крайне полярные, и большинство политических сил не может прийти к консенсусу по указанному вопросу даже непосредственно в своей внутрипартийной среде.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что миграционные процессы в преддверии выборов в Государственную Думу РФ в 2021 г. сыграют значительную роль. На текущий момент в России существуют два основных типа миграционных процессов — своего рода репатриация русскоговорящего населения с территории Юго-Востока Украины, которое при получении паспортов сможет проголосовать, и иностранные трудовые мигранты, которые непосредственно сами повлияют на выборы не могут, но потенциально являются катализатором изменения общественного мнения российских граждан, что станет инструмен-

том формирования электорального поведения и окажет влияние на результаты выборов. Первая категория мигрантов, становящихся российскими гражданами, не сможет оказать массового влияния в конкретно взятом регионе, так как с их голосами произойдет дробное распределение по нескольким субъектам РФ. То есть новые граждане могут быть использованы в избирательных кампаниях в основном в качестве популистского фактора, направленного на информационное воздействие на старожильческое население. Особенно эффективной подобна стратегия видится на территории приграничных с Украиной областей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Усманова З.Р. Образ мигранта в сознании российской молодежи. *Русская политология*. 2020;1(14):50–60.
2. Комарова Е.В. Образ мигранта в медиадискурсе: традиционные СМИ и новые медиа. *Вестник ТГТТУ*. 2019;4(58):52–60.
3. Денисова Г.С., Шурыгина Е.Г. Миграционная ситуация в регионах Юга России в 2019 г. *В оценках экспертов. Гуманитарий Юга России*. 2019;(6):277–289.
4. Воронцов В.С. Образ мигранта в восприятии студенческой молодежи (по данным социологического опроса). *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. 2019;1(22):10–15.

REFERENCES

1. Usmanova Z.R. The image of a migrant in the minds of Russian youth. *Russkaya politologiya*. 2020;1(14):50–60. (In Russ.).
2. Komarova E.V. The image of a migrant in media discourse: traditional media and new media. *Вестник ТГТТУ*. 2019;4(58):52–60. (In Russ.).
3. Denisova G.S., Shurygina E.G. The migration situation in the regions of the South of Russia in 2019. *V otsenkakh ekspertov. Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2019; (6):277–289. (In Russ.).
4. Vorontsov V.S. The image of a migrant in the perception of student youth (according to a sociological survey). *Aktual'nyye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*. 2019;1(22):10–15. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Алексеевич Водопетов — ассистент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
servodopetov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Vodopetov — Assistant, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
servodopetov@yandex.ru

Статья поступила 20.03.2021; принята к публикации 15.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.03.2021; accepted for publication on 15.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-115-121
УДК 35.082(045)

Мотивация молодых специалистов к поступлению на государственную гражданскую службу

М.А. Проскура^а, А.В. Торгунакова^б

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4975-4271>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7223-3485>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются инструменты мотивации молодых специалистов к поступлению на госслужбу. Обозначена актуальность проблемы нехватки молодых квалифицированных специалистов на государственной гражданской службе. В основной части проанализированы существующие механизмы привлечения и закрепления молодых специалистов на госслужбе. Авторами приведен анализ результатов исследования, его цель — раскрыть мотивацию молодых специалистов на примере студентов МГУ имени М.В. Ломоносова и выявить степень их информированности о карьерных возможностях на госслужбе. В статье представлены авторские траектории карьерного развития на примере HR-специалиста и карьерная карта. В заключение представлен план мероприятий по повышению мотивации к поступлению молодежи на государственную гражданскую службу, сформированный на основе полученных данных.

Ключевые слова: государственная гражданская служба; рынок труда; мотивация; развитие карьеры; молодые специалисты

Для цитирования: Проскура М.А., Торгунакова А.В. Мотивация молодых специалистов к поступлению на государственную гражданскую службу. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):115-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-115-121

ORIGINAL PAPER

The Motivation of Young Professionals to Enter the Civil Service

M.A. Proskura^a, A.V. Torgunakova^b

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^a<https://orcid.org/0000-0002-4975-4271>; ^b<https://orcid.org/0000-0001-7223-3485>

ABSTRACT

Authors studied instruments of motivation of young specialists to serve because the attraction of such specialists plays a significant role for the state. We described it in detail in the introduction. There is an analysis of actual mechanisms to attract and retain young professionals to serve in the central part. Moreover, it shows examples of career maps for HR specialists that the authors develop. The analysis of sociological research is conducted to know the unique motivation of MSU students to serve or not and identify the level of their awareness about career opportunities of civil service. In conclusion, the authors present recommendations and plans that can enhance civil service image in the eyes of students and young professionals, increase their awareness about career opportunities in civil service and motivate them to serve and send applications to internships in government bodies.

Keywords: civil service; labour market; motivation; career management; young professionals

For citation: Proskura M.A., Torgunakova A.V. The motivation of young professionals to enter the civil service. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):115-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-115-121

ВВЕДЕНИЕ

Развитие государственной гражданской службы — одна из основных задач Правительства, закрепленная Указом Президента РФ¹. В связи с этим проблема мотивации и привлечения молодых специалистов на государственную гражданскую службу выделена как наиболее острая.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что механизм привлечения молодых специалистов в госструктуры имеет множество особенностей. Поэтому возникла необходимость разработать план мероприятий и рекомендации для госструктур, способствующих решению данного вопроса. Привлечение молодых специалистов на госслужбу позволяет решать организационные проблемы, такие как омоложение кадрового состава, внедрение инновационных подходов в систему государственного управления и т.д.

Цель исследования — разработать план мероприятий по усилению мотивации молодежи к поступлению на государственную гражданскую службу.

Задачи исследования:

1. Проанализировать сложившуюся ситуацию и основные тенденции в привлечении молодых специалистов на государственную гражданскую службу в РФ.
2. Определить существующие практики привлечения молодых специалистов в систему государственной гражданской службы в России.
3. Определить установки студентов нахождение государственной гражданской службы.
4. Разработать рекомендации по совершенствованию процесса привлечения молодых специалистов на госслужбу и механизма их мотивации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов и рекомендаций государственными органами для привлечения молодых специалистов на государственную гражданскую службу, а также высшими учебными заведениями — при подготовке специалистов для этой работы.

Данная проблема рассматривалась многими исследователями и учеными. Впервые вопрос о мотивации молодых специалистов к работе на госслужбе поднял М. С. Горяинов в 2009 г. на

круглом столе «Актуальные вопросы государственного управления» [1, с. 1]. А. И. Хуснутдинова в 2011 г. проанализировала возможности карьеры на госслужбе и выделила проблему развития уровня профессионализма госслужащих [2, с. 192]. А. А. Трынчев рассматривал проблему дефицита кадров в госорганизациях, способы привлечения квалифицированных кадров в системы госслужбы [3, с. 46]. В 2015 г. Д. Г. Кучеров и О. А. Пикулёва разработали рекомендации по формированию устойчивого бренда работодателя органами госслужбы [4, с. 65].

СЛОЖИВШАЯСЯ СИТУАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРИВЛЕЧЕНИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ В РФ

Рассматривая ситуацию с кадрами на государственной гражданской службе за последние пять лет, можно заметить, что, несмотря на увеличение спроса на молодых специалистов со стороны государства (создание рабочих мест, разработка программ стажировок, смягчение требований² и т.д.), за период 2017–2019 гг. интерес к госслужбе у молодых специалистов снизился в два раза [5]. В связи с этим формируется дефицит квалифицированных кадров в государственных организациях, отмечаемый сегодня профессором Т. В. Зайцевой из МГУ им. М. В. Ломоносова и Т. Г. Нежиной из НИУ ВШЭ, которые обосновывают необходимость более широкого и полного использования различных подходов к сложившейся в РФ модели найма на госслужбу молодых специалистов [6, с. 160].

Современная кадровая политика государственной гражданской службы отличается, по мнению преподавателей МГУ имени М. В. Ломоносова Е. А. Пановой и Н. Н. Опариной, системностью и целостностью каркаса [7, с. 305]. Госсектор встал на путь совершенствования методов взаимодействия с молодежью в области трудоустройства, используя различные мероприятия и программы:

1. Стажировки и учебные практики.
2. Ярмарки вакансий.
3. Тематические научные конференции.

¹ Указ Президента РФ от 24.06.2019 № 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы».

² Указ Президента РФ от 12.10.2017 № 478 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 16 “О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы”».

4. Тематические конкурсы для студентов.

5. Дни открытых дверей в органах госвласти и др.

В последние годы активизируется работа по формированию позитивного бренда государственных органов как работодателя по выстраиванию новых каналов коммуникаций с молодежью.

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ПРОХОЖДЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВУЗА

Для понимания мотивации молодых специалистов и выявления степени их информированности о карьерных возможностях в качестве будущих госслужащих авторами проанализированы мнения студентов бакалавриата факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Проведен опрос студентов по авторской анкете. В исследовании применена гнездовая выборка (генеральная совокупность — студенты направления «Государственное и муниципальное управление», гнездо — студенты бакалавриата Факультета государственного управления (направление «Государственное и муниципальное управление») МГУ имени М.В. Ломоносова). Студенты получили анкету на электронную почту в результате случайной выборки (генеральная совокупность — 378 чел., из них согласились ответить на вопросы 98 человек: 20% — 1-й курс, 27% — 2-й курс, 31% — 3-й курс и 22% — 4-й курс).

Анализ результатов исследования наметил карьерные тренды с точки зрения готовности студентов проходить государственную гражданскую службу. Лишь треть студентов ФГУ готовы проходить госслужбу после окончания бакалавриата: 43% студентов «скорее не готовы, чем готовы проходить госслужбу после окончания университета», 23% — «скорее готовы, чем не готовы», 12% — «определенно готовы». Не готовы проходить государственную гражданскую службу 22% студентов.

Для понимания мотивации студентов важно оценить, насколько они информированы о карьерных возможностях на госслужбе. Обучающиеся ответили на вопрос с подсказкой о программах стажировок: большинство знают о программах стажировок Правительства Москвы (57%), Мосгордумы (30%), Минпромторга (20%). Вопрос о карьерных порталах показал: лишь 12% студентов знакомы с местами размещения

вакансий и стажировок госорганов. На вопрос с подсказкой студенты уточнили, что 18% опрошенных знакомы с ресурсом «Федеральный портал управленческих кадров» (<https://gossluzhba.gov.ru/vacancy>). Дополнительными сервисами указаны: «Job Kremlin: работа и стажировки на госслужбе» (<http://jobkremlin.ru>), «Моя карьера» (<https://mycareer.moscow>). Исходя из полученных результатов, можно заключить, что студенты недостаточно хорошо осведомлены о карьерных возможностях и каналах поиска работы на госслужбе.

Чтобы повысить информированность, необходимо «запускать» информацию по каналам. Студенты считают удобными в части получения информации о стажировках и конкурсах госслужбы следующие каналы:

- социальные сети (группы «Вконтакте», Instagram, Facebook) — 25%;
- карьерные порталы (hh.ru, Grintern, Future Today, Changellenge) — 14%;
- e-mail-рассылка от карьерного сайта «Портал Госслужба» — 14%;
- карьерный сайт «Портал Госслужба» — 12%;
- рассылка через мессенджеры (Whatsapp, Viber) — 12%;
- e-mail-рассылка карьерных порталов (hh.ru, Futuretoday и т.д.) — 8%.

Наименее интересные способы коммуникации:

- информирование через вузы (кафедры, деканаты, информационные стенды, студенческие советы, центры карьеры и т.д.) — 6%;
- дни карьеры и ярмарки вакансий — 4%;
- дни открытых дверей — 2%.

Выявлены преимущества карьеры в коммерческих организациях по мнению студентов:

- высокая начальная зарплата — 69%;
- более быстрый карьерный рост и возможности проявления инициативы — по 35%;
- коммерческий сектор отличается интересными проектами — 31%;
- быстрое трудоустройство как заметный плюс коммерции — 29%;
- творческий подход к работе и возможность творческого развития — 25%;
- наличие прямой зависимости оплаты труда от результатов работы — 20%.

Полученные результаты говорят о необходимости создания для госсектора молодежных программ, которые по условиям и карьерным возможностям не уступают коммерческим. Для

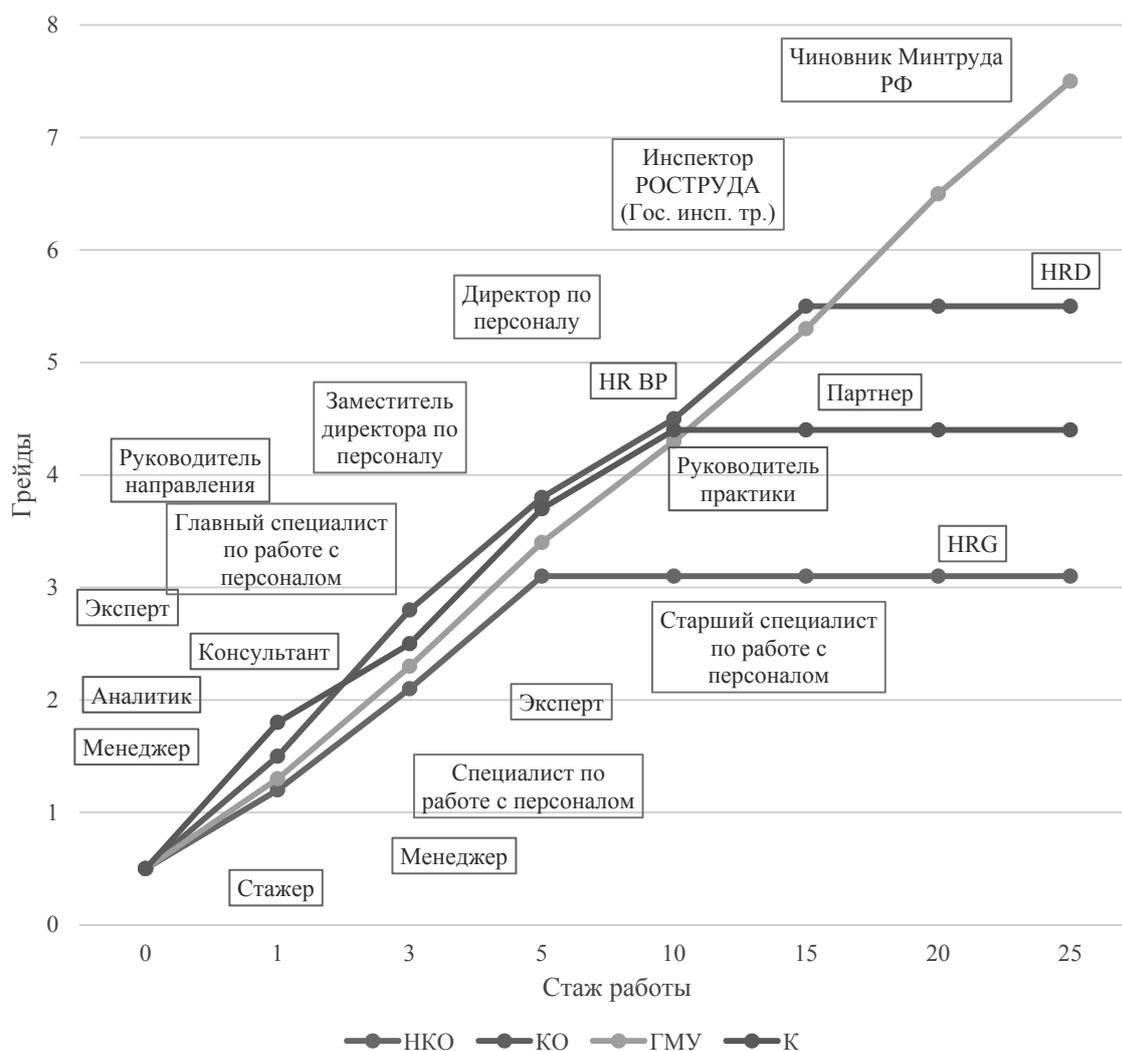

Рис./ Fig. Траектории карьерного развития / Career development schema

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

этого следует начать работу со стереотипами, сложившимися у студентов о государственной гражданской службе, такими как:

- коррупция (80% отмечают, что на государственной гражданской службе много проявлений коррупции);
- медленный карьерный рост (78% согласны, что на госслужбе карьерный рост занимает достаточно много времени);
- отсутствие креативного подхода (60% считают, что госслужба не отличается креативными задачами и не приемлет инициатив);
- низкая зарплата (55% считают, что на государственной гражданской службе низкие зарплаты);
- сложность продвижения (49% убеждены, что для поступления на госслужбу и дальнейшего продвижения обязательно наличие связей и контактов);

- плохой имидж госорганов как работодателя (36% утверждают, госслужба имеет скорее отрицательный имидж).

КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ПОЗИЦИИ HR-СПЕЦИАЛИСТА

Несмотря на сложности, госслужба имеет ряд преимуществ. Новый сотрудник может сразу принимать участие в разработке государственных документов, нормативных правовых актов. Вопреки стереотипам карьера молодых людей на госслужбе развивается быстро. Целеустремленный и квалифицированный сотрудник может добиться хороших результатов за короткие сроки [7]. На рисунке представлены траектории развития карьеры специалиста, обучающегося по направлению «Управление персоналом».

В таблице представлены карьерные траектории для НКО (некоммерческий сектор); КО

Карьерная карта HR-специалиста, г. Москва, 2020 г. / HR Career Map, Moscow, 2020

Грейд	Сектор	Должность	Продолжительность работы в должности	Средний уровень зарплаты (совокупная)	Социальный пакет
1	НКО	Стажер	1–3 месяца	10 тыс. ₹	Не предусмотрен
	КО			25 тыс. ₹	
	ГМУ			20 тыс. ₹	
	К			15 тыс. ₹	
2	НКО	Менеджер	1–3 года	50 тыс. ₹	ДМС
	КО			80 тыс. ₹	ДМС, связь, обучение, фитнес
	ГМУ	Специалист по работе с персоналом	1–2 года	60 тыс. ₹	ДМС, связь, проезд, дотация на питание, обучение, фитнес
	К	Аналитик		90 тыс. ₹	Связь, обучение, ДМС
3	НКО	Эксперт	1–3 года	70 тыс. ₹	ДМС
	КО			120 тыс. ₹	ДМС, связь, обучение, фитнес
	ГМУ	Старший специалист по работе с персоналом	2–3 года	80 тыс. ₹	Расширенный ДМС, связь, проезд, дотация на питание, обучение, детский сад, фитнес
	К	Консультант	2–4 года	100 тыс. ₹	Связь, обучение, ДМС
4	НКО	HRG	∞	130 тыс. ₹	ДМС
	КО	Руководитель направления	2–5 лет	250 тыс. ₹	ДМС, связь, обучение, проезд/транспорт, фитнес
	ГМУ	Главный специалист по работе с персоналом	2–4 года	95 тыс. ₹	Расширенный ДМС для семьи, связь, проезд, питание, обучение, детский сад, фитнес
	К	Руководитель практики	2–7 лет	250 тыс. ₹	Конференции, связь, обучение, ДМС, проезд
5	КО	HR VP	2–5 лет	300 тыс. ₹	ДМС, связь, обучение, проезд/транспорт
	ГМУ	Заместитель директора по персоналу	3–5 лет	120 тыс. ₹	Расширенный ДМС для семьи, связь, проезд, питание, обучение, детский сад, фитнес
	К	Партнер	∞	300 тыс. ₹	Конференции, связь, проезд, ДМС, обучение
6	КО	HRD	∞	350 тыс. ₹	ДМС, связь, обучение, проезд/транспорт, фитнес
	ГМУ	Директор по персоналу	3–7 лет	130 тыс. ₹	Расширенный ДМС для семьи, связь, проезд, питание, обучение, детский сад, фитнес
7	ГМУ	Инспектор Роструда	3–5 лет	130 тыс. ₹	детский сад, фитнес
8	ГМУ	Высшая группа должностей: Минтруда РФ	–	140 тыс. ₹ ежемесячная фикс. заработная плата	Расширенный ДМС для семьи, связь, проезд, питание, обучение, детский сад, неприкосновенность министра

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

(коммерческий сектор); ГМУ (государственное и муниципальное управление, государственная гражданская служба); К (консалтинг).

В начале карьеры наиболее выгодной кажется работа в сфере консалтинга и в коммерческих компаниях (высокий уровень оплаты труда), но, с учетом социального пакета, совокупный уровень компенсации одинаковый. Наименее привлекательным во всех аспектах, в том числе из-за достижения «потолка» в карьерном росте, является некоммерческий сектор. Далее «потолок» в продвижении достигается в области консалтинга (должность партнера, 5 грейд) и в коммерческих компаниях на уровне HRD (6 грейд). На госслужбе HR-специалисты могут продолжать карьерный рост и развитие в Министерстве труда РФ и Государственной инспекции труда после наступления возраста 40–45 лет. В коммерческих компаниях специалистам данного возраста сложнее продвинуться по службе.

ВЫВОДЫ

В результате исследования выявлено, что органы государственной власти применяют различные методы привлечения молодых специалистов на госслужбу, среди которых: классический и event-рекрутинг, тематические конференции, конкурсы, стажировки, практики и др. Однако их активность значительно ниже, чем у коммерческого сектора.

Из опроса студентов выявлено, что 60% из них не готовы проходить государственную гражданскую службу. 69% респондентов отмечают основным критерием отказа от прохождения госслужбы размер заработной платы. Для 35% опрошенных важен быстрый карьерный рост и возможность проявления инициативы, которые госорганы, по мнению студентов, предоставить не могут. И наконец, 31% студентов считают, что в госсекторе мало интересных проектов. Также выявлено, что в целом студенты знают о стажировках Правительства Москвы, Минпромторга и Московской городской Думы. Но только 12% студентов в курсе, где размещены вакансии и стажировки госслужбы.

Наиболее эффективными и удобными каналами информирования о наличии стажировок и конкурсов на госслужбе студенты называют: социальные сети, карьерные порталы, карьерный сайт и e-mail-рассылки «Портала Госслужба», рассылку через мессенджеры.

В результате исследования авторами разработан список мероприятий по увеличению мотивации молодежи к прохождению госслужбы, включающий:

1. Создание на сайтах министерств и ведомств карьерных страниц с ценностным предложением, описанием карьерного развития, информацией о конкурсах на вакантные должности, программах стажировок и кадровом резерве, о том, как направить в компанию документы и резюме.

2. Использование различных каналов информирования целевой аудитории о возможностях поступления на госслужбу: рассылки на электронную почту, через вузы, чат-боты в мессенджерах, размещение информации в социальных сетях.

3. Создание траекторий карьерного развития для молодых специалистов в различных сферах и информирование их о возможностях с помощью вузов.

4. Создание процедуры скаутинга студентов, начиная с 1-го курса (проведение сотрудниками госструктур профессиональных лекций и семинаров, мастер-классов с выявлением перспективных студентов и предложением им стажировок до их рекрутирования коммерческими организациями в начале 2-го курса).

5. Создание на базе школ профильных классов будущих госслужащих с углубленным изучением отдельных предметов (аналогично классам ОМК, Газпрома, Росатома и других компаний).

Данные мероприятия способны оказать положительное воздействие на молодых специалистов, повысить их осведомленность о карьерных возможностях, предоставляемых государственной гражданской службой, мотивировать к принятию участия в конкурсах на вакантные должности или прохождению программ стажировок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горяйнов М. С. Молодые специалисты на государственной гражданской службе. Материалы круглого стола на тему: «Актуальные вопросы государственного управления». М.: Ломоносов; 2009.
2. Хуснутдинова А. И. Специфика построения карьеры государственными гражданскими служащими. *Вестник Казанского технологического университета*. 2011;(13):192–195.

3. Трынченков А.А. Привлечение и сохранение квалифицированных кадров в системе государственной гражданской службы как необходимое условие её эффективности. Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 61. Томск: Изд-во Том. ун-та; 2014.
4. Кучеров Д.Г., Пикулёва О.А. Брендинг государственной гражданской службы в России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2015;(4):65–78.
5. Смертина П. Почему молодежь больше не рвется на госслужбу. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/07/02/805537-pochemu-molodezh>.
6. Зайцева Т.В., Нежина Т.Г. Привлечение молодежи на государственную и муниципальную службу: опыт регионов России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019;(1):160–189.
7. Панова Е.А., Опарина Н.Н. Российская Государственная гражданская служба: достижения и тенденции развития кадровой политики. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019;(73):305–324.

REFERENCES

1. Goryainov M.S. Young professionals in the civil service. Materials of the round table on the topic: *Topical issues of public administration*. Moscow: Lomonosov; 2009:1–2. (In Russ.).
2. Khusnutdinova A.I. The specifics of building a career by civil servants. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2011;(13):192–195. (In Russ.).
3. Trynchenkov A.A. Attracting and retaining qualified personnel in the public civil service system as a prerequisite for its effectiveness. Legal problems of strengthening the Russian statehood. Ch. 61. Tomsk: Publishing house of Vol. Un-ty; 2014. (In Russ.).
4. Kucherov D.G., Pikuleva O.A. Civil service branding in Russia. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2015;(4):65–78. (In Russ.).
5. Smertina P. Why young people are no longer eager for civil service. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/07/02/805537-pochemu-molodezh>. (In Russ.).
6. Zaitseva T.V., Nezhina T.G. Attracting young people to state and municipal service: the experience of Russian regions. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2019;(1):160–189. (In Russ.).
7. Panova E.A., Oparina N.N. Russian State Civil Service: Achievements and Trends in the Development of Personnel Policy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 2019;(73):305–324. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мария Андреевна Проскура — магистрант 2-го курса Факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
proskuramari@mail.ru

Анастасия Валерьевна Торгунакова — магистрант 2-го курса факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
torgunakova1997@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Proskura — 2nd-year Master student, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
proskuramari@mail.ru

Anastasia V. Torgunakova — 2nd-year Master student, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
torgunakova1997@yandex.ru

*Статья поступила 20.02.2020; принята к публикации 10.04.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 20.02.2020; accepted for publication on 10.04.2021.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-122-127
УДК 167(045)

Специфика интегрированного предметно-языкового обучения (CLIL): социально-философский анализ

М.Р. Кармова^а, Т.В. Федосеева^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9531-9959>

АННОТАЦИЯ

Интегрированное предметно-языковое обучение рассматривает иностранный язык как средство, используемое в процессе усвоения и формирования предметных знаний, умений и навыков, характерных для той или иной предметной области. Использование иностранного языка как языка-посредника и как средства построения профессиональной и понятийной картины мира ставит перед преподавателем иностранного языка специфические задачи, выходящие за рамки традиционного обучения иностранному языку. Социально-философский анализ представленной статьи направлен на изучение и исследование специфики интегрированного предметно-языкового обучения.

Ключевые слова: интегрированное предметно-языковое обучение; коммуникативный подход; билингвальная коммуникативная компетенция

Для цитирования: Кармова М.Р., Федосеева Т.В. Специфика интегрированного предметно-языкового обучения (CLIL): социально-философский анализ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):122-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-122-127

ORIGINAL PAPER

The Specifics of Integrated Subject-language learning (CLIL): A Socio-philosophical Analysis

M.R. Karmova^a, T.V. Fedoseeva^b

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-9531-9959>

ABSTRACT

Integrated subject-language learning considers a foreign language as a means used in the process of assimilation and formation of subject knowledge, skills and abilities specific to a particular subject area. The use of a foreign language as an intermediary language and as a means of building a professional and conceptual picture of the world poses specific tasks for the teacher of a foreign language that goes beyond the traditional teaching of a foreign language. The socio-philosophical analysis of the presented article aims to study and research the specifics of integrated subject-language learning.

Keywords: integrated subject-language learning; communicative approach; bilingual communicative competence

For citation: Karmova M.R., Fedoseeva T.V. The specifics of Integrated Subject-language Learning (CLIL): A socio-philosophical analysis. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):122-127. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-122-127

Интегрированное предметно-языковое обучение (CLIL) представляет собой современный подход в образовании, предлагающий комплексное решение задач одновременного освоения иностранного языка и учебного предмета из курса обучения. Данный подход отвечает современным требованиям к результатам овладения иностранным языком в вузе, что порождает интерес к характеристикам, определяющим его специфику. В настоящей статье рассматриваются основные требования к освоению иностранного языка в высшей школе, характерные черты интегрированного предметно-языкового обучения, а также роль преподавателей иностранного языка в условиях применения данного подхода к обучению.

Владение иностранными языками является одной из важнейших задач подготовки бакалавров, что отражается включением иностранного языка в описание универсальных компетенций, формируемых согласно ФГОС ВО (федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования)¹. Требования, предъявляемые к выпускникам вуза на современном этапе в аспекте обучения иностранному языку, имеют профессиональную направленность. Например, согласно учебному плану для направления 38.03.03 (Управление персоналом) базовым требованием для дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере» является формирование универсальной компетенции, которая предусматривает владение иностранным языком на уровне, достаточном для межличностного общения, учебной и профессиональной деятельности УК-3 (универсальная компетенция-3: способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде) [1, с. 12].

Когда речь идет об усвоении профессиональных знаний, в первую очередь имеется в виду понятийная система, охватывающая ту или иную область профессиональной деятельности. Эта система должна быть сформирована у студента средствами иностранного языка и интегрирована с теми знаниями, которые

студент усвоил на родном языке, причем как в процессе обучения в вузе (научные знания), так и в ходе повседневной практики (утилитарные знания). Когда речь идет о профессионально ориентированных умениях и навыках, имеется в виду не только умение представить свои знания в цельном и связном виде, но и способность осуществлять действия, включающие вербальную составляющую, например способность описать график, объяснить процесс с использованием схем или без них, разъяснить процедуру или алгоритм действий, представить и отстоять в дискуссии свою точку зрения на профессионально значимую проблему, услышать и проанализировать чужую точку зрения, найти решение проблемы в ходе совместной (например, проектной) деятельности и т.п. В терминах коммуникативного подхода интегративный результат обучения, т.е. овладения знаниями, умениями и навыками, можно описать, как способность осуществлять содержательную предметную коммуникацию на иностранном языке.

Комплекс задач, которые необходимо решить в ходе учебного процесса в вузе, требует специального подхода, в котором иностранный язык предстает как инструмент, владение которым расширяет профессиональные возможности и формирует научную и профессиональную картину мира. К таким подходам относится интегрированное предметно-языковое обучение (CLIL). Стоит отметить, что в отечественной методической практике чаще используется термин «предметно-языковое интегрированное обучение». Также в работах, посвященных обучению учебному предмету и языку в их единстве, можно встретить такие понятия, как «интеграция языка и междисциплинарных знаний» [2, с. 187], «предметно-языковая интеграция» и «интегрированные уроки иностранного языка».

В зарубежной практике CLIL рассматривается как образовательный подход, который отражает популярную тенденцию использовать иностранный язык как средство обучения (a medium of instruction) [3, с. 116]. Такое использование иностранного языка, или неродного языка, в ходе обучения и получения образования является многовековой традицией. При этом на системном и научном уровне такой подход к обучению начал применяться в рамках билингвального образования

¹ Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 № 947 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2014 № 33807).

и обучения, утвердившегося в XX в. Формирование билингвальной коммуникативной компетенции осуществляется в различных образовательных контекстах: это может быть изучение общенационального языка наряду с языком своей республики или национальной общности, изучение второго национального языка, углубленное изучение иностранного языка в специальных школах. Например, в Соединенном королевстве наряду с английским изучают валлийский, шотландский и другие языки, в Канаде обучение осуществляется на английском и французском языках. В качестве примера билингвального обучения можно привести также образование, осуществлявшееся в республиках СССР, результатом которого являлось овладение литературными нормами родного языка и русским как общенациональным языком. Спецшколы, в которых осуществляется преподавание предметов на иностранном языке, в России начинают свою историю с 1948 г.

В странах и регионах, где изучение второго языка обусловлено языковой ситуацией и задачами поликультурного развития нации, билингвальное обучение, как правило, закреплено на законодательном уровне и определяет широкий круг вопросов — от подготовки кадров до издания учебников. В данном аспекте обнаруживается первая специфическая черта CLIL как методического явления — оно имеет европейское происхождение и официальную поддержку на уровне Евросоюза. Европейская комиссия как высший орган исполнительной власти Европейского союза рекомендует членам Евросоюза использовать данный подход в целях формирования мультилингвальной компетенции граждан [3, с. 118]. Важной чертой такой компетенции является уважение к местным языкам и владение двумя языками Евросоюза наряду с родным. Широко известные 4 компетенции, или 4 элемента современного образования — *communication, content, cognition, culture* (коммуникация, предметное содержание, интеллектуальное развитие и культура) — инкорпорированные в CLIL в качестве главных компонентов обучения, при этом *culture* также заменяется на *community* или *citizenship* [существует также другая расшифровка 4C — *critical thinking, collaboration, communication, creativity* (критическое мышление, сотрудничество, коммуникация, творчест-

во), которая популярна среди преподавателей иностранного языка].

В некотором смысле CLIL — это ответ европейской общности на процесс глобализации и потребность в знаниях, которые должны обеспечить развитие экономики и общества. Закономерно, что в качестве языка, обеспечивающего коммуникацию между представителями разных европейских стран и культур, в CLIL используется английский язык. Эксперты в данной области специально подчеркивают, что английский язык — это именно *lingua franca*², он изучается для общения, а не для адаптации в англоязычной среде. Поддержка на общеевропейском уровне не означает повсеместное применение подхода, но многие страны (Финляндия, Испания, Австрия, Италия) создают условия, необходимые для его реализации, организуют подготовку кадров, в том числе за счет государственного финансирования.

Как следует из вышесказанного, речь идет о методическом подходе, за которым утверждено название CLIL не только с целью определения его сущностных характеристик, но и в целях его идентификации, отмежевания от подобных подходов, применяемых в других странах и регионах. К официально утвержденным формам билингвального образования, в частности, относятся иммерсивные программы (*immersion programmes*), реализуемые в Канаде, и применяемый в США метод под названием *Content-Based Instruction* [4, с. 615].

По своей сути, CLIL также является иммерсивным подходом или иммерсивным способом изучения иностранного языка, т.е. методом погружения в иноязычную среду, однако характер погружения определяет очередную специфическую черту CLIL. Если в США и Канаде в качестве языка-посредника или языка, в который осуществляется погружение, может использоваться язык регионального общения или язык коренных народов [5, с. 11], то при использовании CLIL погружение осуществляется в английский язык. Данный фактор влияет на целый ряд параметров, например, что из себя представляет язык обучения (иностранннй или второй), кто преподаватель (носитель или

² Использование английского языка в качестве общего средства коммуникации для носителей различных первых языков.

носитель языка), возраст начала обучения (одновременно с другими предметами или позже), учебные материалы (те же, что и у носителей языка, или специально созданные или адаптированные), задачи обучения (уровень компетенции как у носителя языка или функциональная компетенция) и др.

Применительно к подходу CLIL исследователи называют следующие его характеристики по указанным выше критериям: иностранный язык изучается по ходу овладения программой, т.е. иноязычная компетенция не сформирована на начало освоения предмета; в подавляющем числе случаев преподаватель — не носитель языка; обучение на иностранном языке начинается позже, чем начальное изучение учебных предметов (если речь идет о школе); учебники и материалы специально создаются (т.е. это не тот же учебник по предмету, который используется в школах или вузах в англоговорящих странах). При этом доступность языкового погружения (*immersion*) вне класса (возможность общаться на изучаемом языке) в странах, где практикуется CLIL, различается: в странах Северной Европы у обучающихся возможность погрузиться в английский язык встречается чаще и применяется более широко, чем у проживающих в средиземноморских странах.

Как отмечалось, характеристикой CLIL является его нацеленность на освоение содержания неязыковых дисциплин посредством иноязычной коммуникации с использованием иноязычного учебного материала. Объем подлежащего освоению материала может варьироваться от отдельных тем до полного курса по предмету. В случае изучения полного курса на иностранном языке — математики, социологии, экономики, географии — занятия по неязыковой дисциплине ведет преподаватель-предметник, а не учитель иностранного языка, и оценка выставляется за освоение соответствующего предмета, а не за владение иностранным языком. В таком подходе, который называют *hard-CLIL* [6, с. 15], освоение иностранного языка представляет собой побочный продукт занятий, посвященных изучению окружающего мира, на которых иностранный язык используется как средство коммуникации, т.е. в естественной для себя функции.

Другую ситуацию представляют собой отдельные занятия, когда на иностранном языке изучаются отдельные темы из некоего учебного

предмета. Выборочное изучение тем по предметам из учебной программы может быть либо частью образовательной политики учебного заведения, которое признает эффективность подхода CLIL для более глубокого освоения языка, либо инициативой отдельного преподавателя. Именно такого рода занятие может быть проведено преподавателем иностранного языка. Данный подход получил название *soft-CLIL* [6, с. 17].

Важной чертой подхода CLIL, которая инкорпорирована в обе его версии — «жесткую» и «мягкую» (*hard /soft*) — является его способность обеспечить развитие учебных способностей и интеллектуального потенциала учащихся. Данная черта характерна для многих обучающих подходов, методов и технологий, однако, благодаря соединению ресурсов иностранного языка и собственно изучаемого предмета, развитие потенциала студентов получает дополнительный стимул и дополнительную среду. Например, развитие студента происходит за счет участия в исследовательской деятельности, самостоятельного решения проблем и задач, возникающих в изучаемой области: математики, экономики, географии. Напомним, что учебные задачи могут быть связаны не только с передачей содержания прочитанного, но и иметь практические свойства, например назначить ответственных за проведение мероприятий; объяснить, как построить график; как реализовать проект; как провести эксперимент; как реконструировать зону отдыха (в курсе регионоведения).

Переходя к вопросу о роли преподавателя иностранного языка в свете установки на усвоение иностранного языка как языка-посредника в изучении неязыковой учебной дисциплины, отметим, что существуют различные мнения относительно того, считать ли CLIL подходом или методом. Зарубежные специалисты, определяющие CLIL как образовательный подход, приводят следующие аргументы: подход предлагает набор принципов для создания языкового курса, в то время как метод представляет собой набор систематически применяемых практик на основе определенной теории языка и его освоения [3, с. 201]. Так как изучение академического (школьного) предмета и иностранного языка в их единстве базируется, прежде всего, на принципах, то это дает основание определять CLIL как подход.

Из определения CLIL как подхода следует, что преподавателю, опирающемуся на принципы, в большей степени приходится ориентироваться на свой педагогический опыт, логику и интуицию, чем в случае использования основанного на теории метода. Как уже указывалось выше, к главным принципам CLIL как одобренного Европейским союзом подхода к обучению относятся «4 C» — content, communication, cognition, culture. На практике данные принципы предстают как вопросы, на которые преподаватель должен найти ответы самостоятельно в ходе планирования курса или урока: что изучать? какова тема? какие языковые средства понадобятся для коммуникации во время урока? какие познавательные навыки необходимы для изучения учебной дисциплины? каков региональный компонент урока? Следующий шаг после ответа на данные вопросы — это поиск и выбор тех материалов, приемов и средств, которые обеспечат достижение запланированных результатов.

Роль преподавателя иностранного языка при использовании подхода CLIL определяется также тем, «легкая» или «тяжелая» его версия применяется в учебном процессе, т.е. изучают ли студенты отдельные темы на уроках иностранного языка или же полный курс «неязыкового» предмета на иностранном языке. В первом случае роль преподавателя, скорее, традиционная, особенно в аспекте такого принципа, как «содержание» (content), или вопроса «какая тема?» Преподавателю необходимо определить учебную тему (соответствующую программе специальности или направления), подобрать материал, проанализировать его содержание, структуру, определить набор лексических и грамматических единиц, релевантных для изучения учебного предмета. Более специфичным является определение результатов, которые студент должен продемонстрировать по окончании урока или курса: должны ли это быть знания по учебному предмету или знание иностранного языка, коммуникативные умения или предметно-ориентированные навыки? В случае комплексного и системного подхода — а именно таким является CLIL — требуется определить

соотношение указанных знаний и навыков. Отдельным вопросом является то, как именно студент будет демонстрировать знания по теме учебного предмета и по иностранному языку (устно, письменно, через практические навыки) и что будет считаться успешным результатом. Иными словами, перед преподавателем стоит сложная задача дифференцировать достижения студента в плане овладения предметом и языком.

К таким же сложным, хотя и традиционным, можно отнести задачу введения материала на уроке, которое должно начинаться с актуализации знаний. В случае CLIL, когда происходит актуализация ранее полученных знаний по академическому предмету, возможна ситуация, когда знания по теме у студента есть, но он не может выразить их на иностранном языке, так как они были освоены на родном языке. Для разрешения проблемы CLIL предлагает следующий выход: студент говорит, что знает, на родном языке, а затем переводит на иностранный — с помощью преподавателя или специальных опор (scaffolding).

В случае «тяжелой» версии предметно-языковой интеграции преподаватель иностранного языка либо исключается вовсе (так как дисциплину должен вести учитель-предметник), либо выступает в качестве консультанта и методиста по работе в иноязычной среде. Тандем предметника и преподавателя иностранного языка, координирующий возможности и границы взаимодействия, требует отдельного внимания и изучения.

В заключение отметим, что предметно-языковое интегрированное обучение нельзя назвать абсолютно новым явлением на отечественном методическом пространстве — школы с углубленным изучением ряда предметов на иностранном языке, преподавание дисциплин на иностранном языке в вузах, включая Финансовый университет, имеют долгую историю. Вместе с тем данный подход представляет интерес для преподавателей иностранного языка, работающих в вузе и реализующих программы по изучению профессионального варианта иностранного языка, т.е. помогающих студентам освоить профессиональные знания с помощью языка-посредника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Кондрахина Н.Г., Федосеева Т.В. Иностраный язык в профессиональной сфере: Рабочая программа дисциплины для студентов, обучающихся по направлениям подготовки 38.03.03 Управление персоналом (программа подготовки бакалавров) М.: Финуниверситет; 2019. 55 с.
Kondrakhina N. G., Fedoseeva T. V. Foreign language in the professional sphere: Work program of the discipline for students studying in the areas of training 03/38/03 Personnel management (bachelor training program) Moscow: Financial University; 2019. 55 p. (In Russ.).
2. Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра. *Язык и культура*. 2017;(37):185–204.
Milrud R. P., Maksimova I. R. Educational bilingualism: yesterday, today, and tomorrow. *Yazyk i kul'tura*. 2017;(37):185–204. (In Russ.).
3. Richards J. C., Rodgers T. S. Approaches and methods in language teaching. Third edition. Cambridge: CUP; 2014. 398 p.
4. Lyster R. Content-based second language teaching. Hinkley E., ed. Handbook of research in second language teaching and learning. Vol. II. New York: Routledge; 2011.
5. Llinares A., Morton T., Whittaker R. The roles of language in CLIL. Cambridge: CUP; 2012.
6. Ball P., Kelly K., Clegg J. Putting CLIL into practice. Oxford: Oxford University Press; 2019. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марьяна Ризоновна Кармова — старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
mkarmova@fa.ru

Татьяна Владимировна Федосеева — старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
tvfedoseeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Maryana R. Karmova — Senior Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
mkarmova@fa.ru

Tatyana V. Fedoseeva — Senior Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
tvfedoseeva@fa.ru

Статья поступила 25.02.2020; принята к публикации 30.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.02.2020; accepted for publication on 30.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-128-133
УДК 316(045)

Презентация как форма реализации взаимного обучения в виртуальное время

Е.М. Захцер

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9044-4881>

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, что презентация – это один из способов реализации взаимного обучения, демонстрирующего аспекты самоорганизации и диалога, которые отсутствуют в самой устойчивой классно-урочной педагогической модели обучения. Статья посвящена практике публичного выступления с использованием презентаций при изучении иностранного языка как возможности применения метода взаимного обучения в цифровую эпоху, в том числе в условиях дистанционного обучения. Также в работе приводится анализ доступных программных приложений для развития навыков презентации и вовлечения аудитории в обсуждение. В качестве примера взаимного обучения, демонстрирующего аспекты самоорганизации и диалога, описывается опыт работы со студентами в неязыковом вузе над презентациями.

Ключевые слова: презентация; выступление; программное приложение; диалог; учение через обучение; взаимное обучение; образование; интернет-технология; EFL; английский язык

Для цитирования: Захцер Е.М. Презентация как форма реализации взаимного обучения в виртуальное время. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):128-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-128-133

ORIGINAL PAPER

Presentation as a Form of Realizing Mutual Learning in Virtual Time

E.M. Zakhtser

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9044-4881>

ABSTRACT

This article aims to show that presentation is one of the ways to implement peer learning by demonstrating aspects of self-organization and dialogue, which are absent in the most stable classroom pedagogical teaching model. The author discussed the public speaking practice using presentations in the study of a foreign language as an opportunity to apply the method of mutual learning in the digital age, including in the context of distance learning. The paper also analyses the available software applications for developing presentation skills and engaging the audience in discussion. The experience of working with students in a non-linguistic university on presentations is described as an example of mutual learning, demonstrating aspects of self-organization and dialogue.

Keywords: presentation; performance; software application; dialogue; learning through learning; mutual learning; education; internet technology; EFL; English language

For citation: Zakhtser E.M. Presentation as a form of realizing mutual learning in virtual time. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):128-133. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-128-133

ЗАДАЧИ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Каждый студент в течение семестра должен был подготовить выступление по заданной теме в рамках его специальности. Задачей обучающегося было, оттолкнувшись от пройденного на семинаре материала, составить 5–7-минутную презентацию на английском языке, дополненную самостоятельно найденными сведениями по анализируемому вопросу. Дополнительная информация должна была помочь однокурсникам в изучении предмета и вызвать активное обсуждение предложенного материала. Студент, проводящий презентацию, должен был проконтролировать усвоение используемых им понятий и определений.

Эксперимент проводился для исследования эффективности использования компьютерных и мультимедийных технологий с целью развития коммуникативной компетенции в образовательном процессе.

БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Как уже отмечалось выше, в данной статье акцент делается на процессах диалога и обсуждения, поэтому детали этапов подготовки презентации или ее подачи затрагиваются только в том случае, если они оказывают влияние на демонстрацию принципа «учение через обучение».

Данное экспериментальное исследование осуществлялось на базе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. В нем приняли участие студенты I–II курсов следующих профилей подготовки: «Государственные и муниципальные финансы», «Корпоративные финансы», «Учет, анализ и аудит», «Маркетинг», «Менеджмент организации», «Финансовый менеджмент», «Менеджмент в спорте» в рамках программы по дисциплине «Английский язык в профессиональной сфере».

Работа со студентами велась во время пандемии, когда доступно было только виртуальное общение второго типа. Напомним три типа виртуальных команд, существующих на данный момент:

- Тип 1 — все члены команды находятся на одной территории за исключением одного человека.
- Тип 2 — все члены команды находятся на разных территориях.

- Тип 3 — все члены команды находятся на одной территории, но общаются удаленно.

ОБОСНОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Выбор приложений для реализации поставленной задачи отчасти продиктован используемым в Финансовом университете программным обеспечением, отчасти свободной доступностью этих приложений на рынке образования. Так, например:

1. Семинары проводились на платформе MS Teams в соответствии с политикой университета.

2. Студенты имели доступ к пакету MS Office, включающему программу MS PowerPoint.

3. Google Slide стал единственной альтернативой MS PowerPoint, так как интеграция приложений по вовлечению аудитории с другими инструментами для создания презентаций (такими как Prezi, Keynote, Canva и пр.) в настоящее время не реализована.

4. Для реализации идеи полноценного диалога аудитории с выступающим было выбрано приложение Slido, которое, по сравнению с более функциональным аналогом Wooclar, обладает лучшим набором бесплатных функций. В *таблице* проведен анализ доступных на рынке приложений, позволяющих вовлекать слушателей и удовлетворяющих необходимым критериям. Так как основным критерием была доступность, то такие приложения, как Checkbox Survey, DialogLoop, Satsum, Glisser, SurveyLab, CrowdCast и пр., не рассматривались.

АЛГОРИТМ ВЫСТУПЛЕНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ

В начале выступления оратор должен был установить контакт с виртуальной аудиторией и обеспечить психологический комфорт. Для этого он мог продемонстрировать короткое видео или попросить студентов устно или с помощью мессенджера группы в MS Teams ответить на вопрос, задать вопрос, прокомментировать утверждение, проголосовать поднятием рук, ознакомиться с предложенной статьей и высказать мнение по заданной теме или зайти на определенный сайт и оценить тот или иной его компонент. Все возможные предложения должны были быть продуманы студентом заранее в соответствии с темой его выступления.

Сравнительный анализ приложений для вовлечения аудитории и эффекта присутствия /
Comparative analysis of apps for audience engagement and presence

Функция / Название приложения	Slido	Pigeonholes	Poll Everywher	Sendsteps	UserReport	Wooclap
Интегрируемость в приложение по созданию презентаций	+	+	+	+	-	\$*
Интегрируемость в онлайн-приложение по созданию презентаций	+	-	+	-	-	+
Возможность проводить сессии вопросов и ответов	+	+	+	+	-	+
Возможность мониторинга активности аудитории	+	\$	+	+	+	\$
Возможность мониторинга активности каждого студента	+	-	\$	+	-	\$
Приоритезация вопросов и ответов	+	\$	-	-	-	\$
Голосование	+	\$	+	+	+	\$
Возможность проводить опросы в режиме реального времени	+	\$	+	+	+	\$
Возможность создавать викторины	+	-	+	+	-	\$
Возможность анализа собранных данных	+	\$	\$	+	+	\$
Экспорт собранных данных	\$	\$	+	+	+	\$

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Примечание: * – функция платная.

Затем выступающий должен был установить правила поведения, объяснить, что ожидает слушателей, что от них потребуется, чем они должны будут пользоваться во время презентации, например мобильным телефоном, онлайн-приложением, считывателем QR-кода, блокнотом и ручкой или программой по созданию заметок.

Выступающему следует:

1. Помнить о трех необходимых элементах:

- содержательном плане выступления;
- эффективной продолжительности выступления;
- домашней подготовке выступления с учетом всех компонентов коммуникативной ситуации.

2. Использовать весь инструментарий для вовлечения аудитории (ораторский, технический и технологический).

3. Избегать трех ловушек:

- речи в третьем лице (не пользоваться безличными конструкциями);

- формальной речи (использовать слова и выражения, которые употребляются в повседневной речи);

- речи, изобилующей деталями (заменять перечисления образами).

4. Обеспечить легкое и наглядное восприятие презентации слушателями с акцентом на содержательную сторону речи.

5. Демонстрировать приемы, активизирующие внимание и мыслительную деятельность слушателей (использовать сигналы, отсылающие адресата к фонду общих знаний, активизирующие мыслительную деятельность адресата в ходе изложения информации, а также сигналы инструктивного характера, ориентирующие адресата в зрительных опорах).

6. Не отделять себя в своем выступлении от слушателей.

7. Обеспечить занимательный формат своему выступлению [задавать риторические вопросы; просить слушателей реагировать

физически: поднимать руки, отсылать краткие сообщения (например, смайлики или «да/нет») в беседу группы, участвовать в опросах, тестах, сессиях вопросов и ответов, викторинах, голосовать].

8. Вызвать активное обсуждение (т.е. организовать смену ролей в паре выступающий-слушатель), во время которого наиболее полно раскрыть свои индивидуальные речевые особенности и применить известные техники ответов на вопросы.

9. Позитивно реагировать на замечания, откликаться на интересные идеи.

10. Не забывать при всех благодарить активного студента персонально за продуктивную вовлеченность в презентацию.

11. Обеспечить тренировку метакогнитивных навыков слушателей постановкой определенных вопросов во время и после выступления (Что их удивило? Как они могут применить эти знания на практике? Почему это важно? Что это им напомнило? Должны ли они обратиться к дополнительной литературе? и т.п.).

12. Собрать данные (количество участников, число правильных и неправильных ответов каждого, результаты голосования, индивидуальные заметки слушателей) с целью их дальнейшего анализа.

13. Проанализировать результаты (какие вопросы требуют внимания, какой материал требует дальнейшей проработки, какие студенты не были мотивированы и каковы причины низкой активности) и предоставить отчет.

РЕЗУЛЬТАТЫ И АНАЛИЗ ЭКСПЕРИМЕНТА

Когда работа с учебным пособием по определенной теме закончена, предполагается, что студенты сами в процессе работы над выступлением расширят свой кругозор в данной области и передадут новые знания одноклассникам. Преподаватель должен предложить студенту для самостоятельного изучения только тот вопрос в рамках пройденной темы, с которым учащийся сможет справиться. Желательно обеспечить методическую поддержку и снабдить студента сведениями, инструкциями, чек-листами о том, что требуется для создания презентации, успешного проведения выступления, эффективной сессии вопросов и ответов; согласовать составленные студентом тесты, опросники, викторины; познакомить его с процессом сбора

данных и азами их статистической обработки. Такой подход будет способствовать включению каждого студента в обучение других. Важно, чтобы студенты понимали, что их выступление — это подготовка к будущей профессиональной деятельности¹.

1. Тот, кто, повторяя старое, узнает новое, может быть наставником.
Конфуций

В ходе эксперимента выступающие не только осуществляли двойную проработку пройденной темы (передача и усвоение), но и самостоятельно в своем темпе овладевали новым материалом, проводя исследования. Они обучались верифицировать и приоритизировать источники информации. Учащиеся применяли на практике полученные ранее теоретические знания по ораторскому искусству; сжатию, изложению и представлению проработанного материала; свертыванию к тезисной форме и развертыванию информации; визуализации текста и оформлению презентаций.

Особое внимание на семинарах рекомендуется уделить ликвидации пробелов в тех местах, где выступающие испытывали сложности:

- при устном изложении материала — 46%;
- при работе над представлением материала в наглядном виде (слайды, таблицы, схемы, графы, кластеры, интеллектуальные карты и т.п.) — 41%;
- при попытках сжатия информации — 38%.

Интересно, что на репетицию выступления 79% потратили как минимум 1 час.

2. В каждом человеке есть Солнце. Только дайте ему светить.
Сократ

Студенты дополнительно к предметным знаниям наращивают социальный интеллект, тренируют способность понимать поведение другого человека, свое собственное поведение, а также способность действовать сообразно ситуации. Они добиваются социального признания. За счет освоения позиции лидера растет их

¹ Полная информация доступна на сайте Финансового университета при Правительстве РФ на странице «Копилка цифровых инструментов» в разделе Sli.do.

самореализация, самоуважение и самодисциплина, вырабатывается чувство ответственности за себя и своих товарищей, выявляется ценность субординации и подчиненности, развивается уважительное отношение к преподавателю.

3. Взаимную беседу следует вести так, чтобы каждый из собеседников извлек из нее пользу, приобретая больше знаний.

Гераклит

Проведение презентаций способствует развитию коммуникативных навыков содержательного общения, мотивируется стремление студентов к чтению как художественной, так и научной литературы. Поскольку преподаватель больше не является единственной авторитетной фигурой, то студенты легче и чаще обращаются друг к другу за помощью и поддержкой, растет их ответственность не только за свои успехи, но и за успехи товарищей.

4. Речь — удивительно сильное средство, но нужно иметь много ума, чтобы пользоваться им.

Ф. Гегель

С позиции социологии мышления вовлечение слушателей в выступление способствует формированию новых идей. В ходе обсуждения задействуются ассоциативные связи, активизируются метапознавательные процессы, используются техники запоминания, например припоминания и повторения. Оживленное участие слушателей в коммуникации (50% выступления), влечет ситуативное воспроизведение языковых структур, что способствует автоматизации навыка говорения. Развитие собственной речи не только стимулирует память и увеличивает кругозор, но и содействует совершенствованию профессиональной и общественной деятельности человека, благоприятствует регуляции его волевых действий и поведения.

5. Голая рука и интеллект, предоставленный сам себе, не многого стоят: все совершается при помощи орудий и вспомогательных средств.

Ф. Бекон

Стоит взглянуть на цифровизацию, которая пришла на смену информатизации и компью-

теризации, не с позиции распространенного в Силиконовой долине визионерства, а с точки зрения образования как возможности учить и учиться. Осторожный и местами скептический подход (который автор продемонстрировал выше) к выбору цифровых инструментов, рынок которых и так уже достаточно продолжительное время находится в состоянии ажиотажа, а сегодня еще более подогревается объявленной пандемией, позволит найти баланс между задачами образования и средствами к их реализации. (Под образованием автор понимает систему, направленную на развитие гармоничной и мыслящей личности, а не субъекта для решения проблем, выдвигаемых жизнью). Вместе с тем не стоит недооценивать систематический сбор и статистический анализ преподавания и обучения в рамках аналитики образовательных данных (Learning & Academic Analytics), который открывает новые, ранее недоступные возможности для университетов. Так, в рамках описываемого эксперимента студенты не только придумывали и задавали вопросы, составляли тесты, викторины, но и анализировали полученные при помощи обратной связи сведения, интерпретировали ответы слушателей и оценивали эффективность своего выступления. На примере использования функций «аналитика» и «инфографика» приложения Slido (<https://www.sli.do/features-analytics>) в данной статье демонстрируется, что образовательный процесс стал гораздо прозрачнее. Более глубокое понимание результатов выступления, благодаря количественной статистической оценке, позволяет улучшить качество преподавания.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Виртуальную среду нашего существования можно и нужно модернизировать. «Совершенствование “средств труда” и “средств поведения” в виде языка и других систем знаков ... выдвигается на первое место, сменяя развитие “голой руки и предоставленного самому себе интеллекта”» [1]. Возвращаясь к практике, уместно заметить, что в рамках данного исследования использование MS Teams для ведения презентаций было обязательным. Однако бесплатная образовательная версия платформы позволяет видеть только голову выступающего в миниатюрном окне в нижнем углу экрана. Отсутствие одновременной визуализации презентации и выступающего в полный рост лишает

аудиторию возможности считывать язык тела. Функция рисования, подчеркивания материала на слайде, доступная, например при проведении презентации с помощью Google Handouts, в MS Teams не реализована. Экспорт данных, собранных с помощью Slido, — платный, а потому онто-семантический анализ «цифрового следа» не мог претендовать на достаточную содержательность.

Автор разделяет опасения, вызванные стремительной цифровизацией и внедрением развивающегося искусственного интеллек-

та, и согласен с тем, что «у нас нет ресурсов и инструментов, чтобы осознать и объяснить происходящие перемены. Политические и бизнес-элиты посредством новых технологий могут создавать на Земле рай и ад по своему усмотрению» [2]. Для того чтобы апокалиптические прогнозы не реализовались, нужно учить студентов не управлять миром, а познавать и понимать его. «Понимание — это поиск смысла: понять можно только то, что имеет смысл. Этот процесс происходит в условиях общения, коммуникации и диалога» [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. Ленинград: Государственное издательство «Москва»; 1930.
2. Yuval N. Harari. 21 Lessons for the 21st Century. New York, Spiegel & Grau; 2019.
3. Загадка человеческого понимания / под общ. ред. А. А. Яковлева; сост. В. П. Филатов. М.: Политиздат; 1991. 352 с.

REFERENCES

1. Vygotsky L. S., Luria A. R. Studies on the history of behaviour. Leningrad: State Publishing House Moscow; 1930. (In Russ.).
2. Yuval N. Harari. 21 Lessons for the 21st Century. New York: Spiegel & Grau; 2019.
3. Yakovleva A. A., Filatov V. P., eds. The riddle of human understanding. Moscow: Politizdat; 1991. 352 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Михайловна Захцер — преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
zakhtser@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Zakhtser — Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
zakhtser@mail.ru

Статья поступила 20.12.2020; принята к публикации 30.03.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.12.2020; accepted for publication on 30.03.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Воздействие на сознание индивидов в контексте этнокультурной идентичности

А.Р. Бочкаев

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7540-2037>

АННОТАЦИЯ

Сознание отдельных индивидов и масс становится объектом воздействия со стороны как политических элит, так и политических технологов. В данном контексте актуальной является тема групповой, в том числе этнокультурной, самоидентификации индивида. Этническая самоидентичность является важнейшим аспектом человеческого самознания. Однако ее ценность может иметь двойственный характер. С одной стороны, индивид ощущает целостность своей личности, так как находится в культурном социуме, с другой – ему зачастую приходится руководствоваться этническими ценностями даже в том случае, если они не соответствуют его сематическим установкам. Этот вопрос рассматривался в работах «Психология народов и масс» Густава Лебона и «Бегство от свободы» Эриха Фромма. США сегодня стремятся слить воедино культурные паттерны путем глобализации. Последним шагом к достижению данной цели служит контроль на Хартлендом, центром которого является Российская Федерация. Одним из новейших трендов в воздействии на сознание индивидов и масс становится «консциентальная война», т.е. война за сознание. Групповое сознание приводит к деиндивидуализации отдельных людей.

Ключевые слова: этническая самоидентичность; самоидентификация; культурная идентичность; влияние на массовое сознание

Для цитирования: Бочкаев А.Р. Воздействие на сознание индивидов в контексте этнокультурной идентичности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):134-137. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-134-137

Impact on the Individual Consciousness of in the Context of Ethnocultural Identity

A.R. Bochkayev

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7540-2037>

ABSTRACT

The consciousness of individuals and the masses becomes the object of influence on the part of both political elites and political technologists. In this context, the topic of the group, including ethnocultural, self-identification of the individual, becomes relevant. This question was considered in the works "Psychology of Peoples and Masses" by Gustave Lebon and "Escape from Freedom" by Erich Fromm. One of the latest trends in the impact on the consciousness of individuals and the masses is the "consentient war", that is, the war for consciousness. Group consciousness leads to the deindividualisation of individuals. However, its value can be ambiguous. On the one hand, the individual feels the integrity of his personality. On the other hand, as he is in a cultural society, however, he often has to be guided by ethnic values even if they do not correspond to his semantic attitudes. This issue was considered in the works "The Psychology of Nations and Masses" by Gustav Le Bon and "Escape from Freedom" by Erich Fromm. The United States today seeks to merge cultural patterns through globalisation. The final step towards achieving this goal is control over the Heartland, the Russian Federation's centre. One of the newest trends in the impact on the consciousness of individuals and the masses is becoming "consencial war", that is, a war for consciousness. Group consciousness leads to the deindividualisation of individuals.

Keywords: ethnic self-identity; self-identification; cultural identity; influence on mass consciousness

For citation: Bochkayev A.R. Impact on the individual consciousness of in the context of ethnocultural identity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):134-137. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-134-137

Этническая самоидентичность — одна из важнейших составляющих самосознания отдельного индивида. Причисление индивида к какой-либо этнической группе создает видимость индивидуальности. Однако слово «индивидуальность» носит в данном случае амбивалентный смысл. Несмотря на отличия определенной этничности (определенная индивидуальность), при постановке культурных ценностей в ранг наивысшей субстанции человек утрачивает часть своего «Я» в пользу той общности (социальной, культурной, этнической), к которой он себя относит, и подстраивается под следующую им культурную парадигму. Выход за эти рамки следует обозначить как девиантное поведение. Влияние на культуру как ядро любого этноса способно изменить его политический и экономический вектор развития. Повестка, построенная вокруг культурных ценностей, может быть использована политтехнологами и пиарщиками, а также политическими деятелями в своих целях.

Эти обстоятельства формируют актуальность вопроса о том, что содействует развитию человеческой индивидуальности: следование ценностям, диктуемым обществом, или следование личным установкам. Также актуальным становится вопрос о возможном использовании политическими элитами зависимости избирателей от этнических установок.

Природа зависимости индивида от культуры рассмотрена в работе французского социолога Густава Лебона «Психология масс и народов» [1]. Первичная причина, по которой индивид становится частью социума, — страх остаться в меньшинстве. В связи с этим человек всегда стремится примкнуть к обществу, чтобы избежать осуждения со стороны большинства. Общественное давление становится причиной различного рода неврозов и внутриличностных конфликтов. Также желание индивида примкнуть к толпе освобождает его от индивидуальной ответственности. Далее следует отметить аффективную (эмоциональную) составляющую. Если индивид попадает в толпу, его эмоции берут верх над сознательной интеллектуальной деятельностью, и он совершает поступки, которые вряд ли бы совершил при прочих равных условиях или в одиночестве. В исследованиях Лебона подробно расписаны механизмы поведения индивида, зависимо-

го от общественного мнения. При попадании в общество он следует стандартам поведения, которые могут контрастировать с его индивидуальными ценностями.

Проблема понимания мотивов поведения людей при взаимодействии с культурой также рассматривалась психоанализом. Ядро культуры концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного этнического, профессионального или культурно-религиозного целого. Основная функция ядра культуры — сохранение и передача самоидентичности социума¹.

Если индивид попадает в толпу, его эмоции берут верх над сознательной интеллектуальной деятельностью, и он совершает поступки, которые вряд ли бы совершил при прочих равных условиях или в одиночестве.

Эрих Фромм в книге «Бегство от свободы» [2] пишет о том, что человек для реализации потребности быть частью массы использует две стратегии поведения. В первом случае он пытается скрывать свою ничтожность и пытается примкнуть к культурной общности, способной избавить его от внутриличностного конфликта. Во втором случае он пытается сохранить свою индивидуальность, жертвуя своим положением в обществе, которое нетерпимо к инакомыслию. В таком случае он подвергается остракизму, что приводит к различного рода неврозам. Первый вариант выглядит намного умереннее второго, так как природа действий человека носит бессознательный характер, и он не понимает истинных мотивов своих психологических побуждений.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами для политических элит и политтехнологов важно преобладание первого типа — «лю-

¹ Образовательный портал. URL: <http://znakka4estva.ru/dokumenty/kultura-i-ikusstvo/ponyatie-i-suschnost-yadra-kultury/>.

дей-автоматов», так как появляется сильное ядро для манипуляции общественным сознанием.

Индивиды не могут себе представить, что именно это используют для контроля над ними же. Следование культурным ценностям, которые носят неформальный характер, для людей важнее, чем следование законам, потому что культура — это долговременная история народа, а у законов — эфемерный характер, они создаются здесь и сейчас (и могут меняться).

Работы Лебона и Фромма помогают нам приблизиться к пониманию социальных индивидов и сделать определенные заключения. Культура становится тождественной любой общности, к которой стремится индивид, отказываясь от своего «Я» в пользу общества. В рамках культуры люди руководствуются теми же психологическими установками, что и все, идущие на массовые собрания. Пытаясь прикнуться к массам, человек теряет свою осознанность в поведении, которая отличает его от животных. Политика нуждается в сращенных с массой индивидах, поэтому она всячески пытается создавать идеи и ценности, вокруг которых эти массы и будут формироваться. Культура в таком случае является наивысшей субстанцией для каждой этничности и становится для них якобы следствием коллективного бессознательного. В связи с этим обстоятельством индивиды не могут себе представить, что именно это используют для контроля над ними же. Следование культурным ценностям, которые носят неформальный характер, для людей важнее, чем следование законам, потому что культура — это долговременная история народа, а у законов — эфемерный характер, они создаются здесь и сейчас (и могут меняться).

Однако культура — такой же социальный конструкт, как и законы, но более влиятельный. Человек сам делает себя рабом своей деятель-

ности и ставит себе ограничения, выход за которые грозит ему неприятием со стороны общества. При продолжении непонимания этого феномена и избегания своей индивидуальности люди и дальше будут подвергаться воздействию правящих элит.

Подобная привязанность индивидов к культурным ценностям формирует воздействие и на них, и на массы со стороны правящего класса и зачастую носит более масштабный, геополитический характер.

Сегодня США продвигают культурную глобализацию. Завершающим этапом для реализации их цели является контроль над Хартлендом² [3] (теория, созданная английским геополитиком Хэлфордом Джоном Маккиндером), центром которого является Российская Федерация. Для контроля над ним нужно получить контроль над его культурой. Маккиндер писал: «Тот, кто контролирует Хартленд, контролирует мир».

На этой основе становится актуальной концепция «консциентальной войны» [4], которая впервые была выдвинута общественным деятелем Ю. В. Крупновым и доктором психологических наук Ю. В. Громыко.

Консциентальность происходит от латинского слова *conscientia* (сознание или совесть). Соответственно, консциентальная война — война на поражение сознания³. В основе такого поражения лежит уничтожение человеческой способности к самоидентификации. В результате воздействия на способность к самоидентификации представители общества не могут ответить, кем они являются и к какой культурно-исторической традиции относятся. В случае выраженной самоидентификации люди осознают свое место в мире и свою национально-культурную идентичность. В случае уничтожения способности к самоидентификации человек дает возможность политическим лидерам и политическим технологам воздействовать на свое сознание.

Исходя из вышесказанного, напрашивается вывод о том, что степень и успешность влияния со стороны элит на мнение масс через национально-культурную идентичность зависит в первую очередь от объектов влияния и куль-

² Массивная северо-восточная часть Евразии, окаймляемая с юга и востока горными системами.

³ URL: http://ot-a-do-ya.org/Articles/Global/Cons_war.aspx#.XCkuLmsY6M9/.

турного ядра, преобладающего в их обществе. Другими словами, чем сильнее определенный этнос подвержен влиянию их культурных ценностей, тем легче правящая элита использует это в своих целях.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что культура — модель психологического состояния, близкая к любой коллективной общности. Психодиагностика предпосылок зависимости человека от культуры даст такой же результат, что и анализ любого другого проявления массовости

индивида. Властные органы, геополитические противники используют человеческую внушаемость в конъюнктурных целях. Первые делают это с целью успешного проведения внутренней политики, вторые же преследуют цель расширения сфер влияния на мировой арене. И в первом, и во втором случае происходит деиндивидуализация отдельных людей в процессе влияния на их сознание. Идентификация людей с культурными ценностями, напротив, отделяет их и от свободы, и от индивидуальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лебон Г. Психология народов и масс. Челябинск: Социум; 2020. 401 с.
2. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. URL: https://www.studmed.ru/view/makkinder-x-dzh-geograficheskaya-os-istorii_2e6e0e1be17.html.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. М: АСТ; 2017. 288 с.
4. Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2015;(2):1–17.

REFERENCES

1. Lebon G. Psychology of peoples and masses. Chelyabinsk: Society; 2020. 401 p. (In Russ.).
2. Mackinder H. J. The geographical axis of history. URL: https://www.studmed.ru/view/makkinder-x-dzh-geograficheskaya-os-istorii_2e6e0e1be17.html. (In Russ.).
3. Fromm E. Escape from freedom. Moscow: AST; 2017. 288 p. (In Russ.).
4. Komleva N. A. Conscientious War: Global Trends of Global Confrontation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2015;(2):1–17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алу Ризванович Бочкаев — студент 2-го курса магистратуры Факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
dzyudoistalu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alu R. Bochkaev — 2nd-year Master's student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
dzyudoistalu@mail.ru

Статья поступила 10.04.2021; принята к публикации 25.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.04.2021; accepted for publication on 25.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Волонтерская мотивация у поколения Z

Е.С. Лехмус

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4207-5575>

АННОТАЦИЯ

Уже сейчас молодежь становится основной движущей силой не только на рынке труда, но и в реализации волонтерской деятельности на территории Российской Федерации. В данной статье выявлена связь мотивационных профилей и ценностей поколения Z, что позволяет разрабатывать более обоснованные системы стимулирования к добровольчеству в различных сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: волонтерство; добровольчество; мотивация; теория поколений; поколение Z.

Для цитирования: Лехмус Е.С. Волонтерская мотивация у поколения Z. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):138-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-138-140

Generation Z volunteer motivation

E.S. Lehmus

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4207-5575>

ABSTRACT

Even now, young people are becoming the main driving force in the labour market and the implementation of volunteer activities on the territory of the Russian Federation. This article reveals the connection between motivational profiles and values of generation Z, which allows us to develop more grounded incentive systems for volunteering in various spheres of life.

Keywords: volunteering; volunteering; motivation; theory of generations; generation Z.

For citation: Lehmus E.S. Generation Z volunteer motivation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):138-140. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-138-140

В настоящее время волонтерство выступает очень важным инструментом духовного, социального и экономического развития населения. Добровольчество — это одобряемая всеми социальная деятельность человека.

Согласно Федеральному закону № 15-ФЗ под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг. Добровольчество — это достаточно обширный круг деятельности, включающий в себя как традиционные, так и другие формы помощи и гражданского участия.

По мнению российских и западных ученых, в XXI в. во всем мире потребность в добровольцах будет нарастать. Время работы волонтеров сопоставимо с работой большого количества людей, трудящихся полный рабочий день, что говорит о качестве и эффективности выполняемой добровольцами работы. Президент РФ Владимир Путин на закрытии

форума «Доброволец России» в 2019 г. заявил, что в России более 15 млн волонтеров. Хочется отметить, что с каждым годом это число увеличивается.

Успешная деятельность волонтера строится на необходимых умениях, а также нравственных принципах и ценностях, формирующих чувство ответственности, сопричастности и принадлежности к решению социально значимых проблем человечества. Одним из наиболее важных компонентов волонтерской деятельности является мотивация, под которой понимается комплекс причин, объясняющих поведение человека, его внутренние стимулы к совершению чего-либо.

Мотивация волонтеров бывает внутренней и внешней. Внутренняя выражает желание человека сделать свою жизнь более разнообразной и содержательной. Здесь важным может быть чувство сопричастности к большому общественно значимому делу, потребность в друзьях и общении, желание помочь нуждающимся, т.е. альтруистические мотивы.

Внешняя мотивация выражается в том, что человеку важно получить публичное одобрение или у него есть потребность избежать наказания. Она направлена на ценности извне. Это так называемое «волонтерство по расчету», на условиях взаимовыгодного сотрудничества, когда человек осознанно обменивает свой труд и время на необходимые для него блага, например в целях бесплатного обучения или освоения необходимых умений и навыков, получения опыта, возможности увидеть мир и познакомиться с новыми для себя странами и культурами.

Другая же типология делит мотивацию на глобальную (которая связана с базовыми ценностями человека), контекстуальную (когда учитывается то, с чем мы имеем дело прямо сейчас) и ситуационную (которая формируется под влиянием временных ограничений и других обстоятельств). Таким образом, каждый доброволец наделяет свою волонтерскую деятельность определенными личными целями и задачами [1].

Однако в настоящее время при изучении факторов влияния на волонтерскую деятельность человека недостаточно понимания лишь базовых потребностей потенциальных волонтеров. Важно учитывать специфику определенного поколения людей, особенно молодежи.

Теория поколений была разработана в 1991 г. В. Штраусом и Н. Хоувом. Данная теория до сих пор остается актуальной и все больше привлекает внимание общественности во всем мире.

Согласно теории период цикличности приблизительно равен жизни человека — 80–90 лет — и состоит из четырех частей, в ходе которых ценности меняются. По мнению ученых, социальная группа людей, рожденных в 20-летний промежуток и объединенных названием «поколение», должна обладать следующими признаками: иметь чувство причастности к своему поколению, обладать едиными верованиями и моделями поведения, переживать одни и те же события в истории в едином временном промежутке.

Так, В. Штраус и Н. Хоув в XX–XXI вв. выделяют следующие поколения: «поколение GI» — люди, родившиеся в 1900–1923 гг.; «молчаливое поколение» — родившиеся в 1923–1943 гг.; «беби-бумеры» — родившиеся в 1943–1963 гг.; «поколение X» — родившиеся в 1963–1983 гг.; «поколение Y» («миллениалы») — родившиеся в 1983–2000 гг.; «поколение Z» («центениалы») — родившиеся в 2000–2020 гг. Существует также понятие «пограничники», которые родились в период около трех лет от указанных границ поколений. Такие люди

характеризуются более высокой гибкостью и приспособляемостью, так как они сочетают в себе черты нескольких поколений [2].

Сейчас происходит взросление поколения Z. Самые взрослые представители «зетов» еще только делают первые шаги в своей трудовой деятельности. Именно данное поколение в ближайшее время будет выступать основным двигателем волонтерского движения, поэтому стоит выделить определенные черты, характерные для его представителей. Зная особенности поколения Z, мы сможем рассмотреть отличительную систему мотивации и поощрения, которая будет эффективно действовать на современную молодежь.

Представители поколения Z в данный период времени еще находятся в процессе формирования карьерных ориентиров, своих взглядов на жизнь и ценностных установок. Зачастую они предпочитают живому общению виртуальное, хорошо разбираются в современных технологиях. Им присущи сосредоточенность на краткосрочных целях и нетерпеливость, выраженная гиперактивность, которая требует постоянной потребности в новых эмоциях и ощущениях.

«Зеты» привыкли идентифицировать себя с какими-то локальными группами (этому поспособствовали сообщества ВКонтакте/Facebook, возможности поиска общих знакомых и друзей). Такая идентификация позволяет им быстрее искать информацию.

Очень важно постоянно поддерживать связь с сообществом волонтеров, возможно, проводить неформальные мероприятия. Представители поколения Z скорее найдут смысл и мотивацию в своей работе, когда будут видеть всю картину целиком. Помогая им увидеть их роль в достижении цели, дискутируя о ценностях и смыслах общей деятельности, можно повысить чувство значимости добровольцев и тем самым улучшить их производительность.

Очень важно предоставлять обратную связь и принимать во внимание индивидуальные интересы волонтеров. Поколение Z хорошо реагирует на немедленную обратную связь, — так они понимают, что их работа заметна, важна, и сможет оперативно повышать качество своей деятельности.

Кроме того, для поколения Z важно не то, сколько времени они просидели в офисе, а то, сколько успели сделать. Поэтому там, где это возможно, не стоит заставлять современную молодежь следовать жесткому графику без определенных задач.

Атмосфера должна быть располагающей и открытой — в таких условиях волонтеры сами будут

приходить с предложениями и чувствовать, что их мнение учитывается. Следует формировать корпоративную и организационную культуру волонтерского движения, чтобы на общих ценностях и принципах еще больше консолидировать сообщество.

Стоит помнить, что, прежде всего, мотивы волонтерства — не в материальной выгоде, а в удовлетворении социальных и духовных потребностей. Особенно сильно у молодежи выражен мотив приобретения новых знаний и опыта в практической деятельности. Это можно объяснить тем, что труд волонтера идентифицируется ими как прямой путь к постоянной оплачиваемой работе. Так, получив свой первый опыт работы в волонтерстве и, таким образом, обладая определенными преимуществами, будущий специалист имеет реальное представление о будущей оплачиваемой работе. Молодой человек может на практике смоделировать свое профессиональное поведение, пробуя себя в различных ролях.

Если же затрагивать некую материальную выгоду от добровольческой деятельности, то хочется отметить высокий уровень развития волонтерского движения в Москве. Здесь волонтеры, заключившие договор с государственным бюджетным учреждением «Мосволонтер», (ГБУ «Мосволонтер»), получают за счет городского бюджета обязательное бесплатное питание; возможность бесплатно парковаться на всей территории города; бесплатные проездные,

а также билеты в театры, на выставки и экскурсии в г. Москве; удобную и красивую форму; благодарственные письма от органов исполнительной власти [за что большинство вузов в Москве дают дополнительные баллы (преимущества) при поступлении].

Рассматривая систему поощрений, важно сообщать об успехах волонтеров в печатной и электронной форме, вручать благодарности и сертификаты, не забывая поощрять волонтеров-рекрутеров, которые привлекают новых и активных сподвижников. Все это ценится вне зависимости от возраста волонтера.

Анализ мотивации волонтеров поколения Z показывает, что, как правило, нет добровольца, который в чистом виде преследовал бы определенные выгоды. Зачастую у волонтера есть несколько мотивов, и один из них будет преобладать над другими.

Волонтерская деятельность по-прежнему позволяет совместить удовлетворение личных потребностей с нуждами общества, чем привлекает достаточное количество людей. Но уже сегодня нужно дорабатывать системы мотивации в соответствии с определенной спецификой поколения, чтобы поддерживать высокий уровень вовлеченности в данную сферу. Важно понимать, что у представителей поколения Z успех волонтерской деятельности зависит от того, в какой степени добровольцы смогли реализовать свой личностный потенциал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Решетников О.В., Швец И.Ю., Ширшова И.В., Кондаранцева К.А. 5 ключей успешной волонтерской программы. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер»; 2018. 110 с.
2. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения. Иркутск: Иркутский государственный университет; 2015.

REFERENCES

1. Reshetnikov O.V., Shvets I. Yu., Shirshova I.V., Kondarantseva K.A. 5 Keys of a Successful Volunteer Program. Moscow: Mosvolonter; 2018. 110 p.
2. Ozhiganova E.M. The theory of generations by N. Hove and V. Strauss. Possibilities of practical application. Irkutsk: Irkutsk State University; 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сергеевна Лехмус — студентка 4-го курса бакалавриата Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
lekhmus.kate@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Lehmus — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
lekhmus.kate@gmail.com

Статья поступила 13.04.2021; принята к публикации 30.04.2021.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.04.2021; accepted for publication on 30.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-141-144
УДК 32.019.52(045)

Культурное взаимодействие в истории взаимоотношений Армении и России: предпосылки и исторические примеры

С.К. Князян

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7457-5374>

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрена история культурного взаимодействия народов России и Армении. Осуществлена попытка осмысления и анализа возникновения предпосылок к тесному сотрудничеству на уровне творчества и межличностных взаимоотношений. Рассмотрены различные кейсы, демонстрирующие многообразность, разнонаправленность и многовекторность кросс-культурной коммуникации народов, естественно сформировавшейся на протяжении многих лет и остающейся актуальной по сей день. Использована специально подобранная выборка примеров, основанная на различных хронологических периодах и захватывающая дифференцированные области искусства. Кроме того, изучены примеры не просто успешных личностей, но культовых персон, изменивших представления о той профессии, которой они занимались. Такая особенность выборки была необходима для того, чтобы подчеркнуть нативность и привычность участия представителей одного народа в жизни другого. В частности, озвучено мнение о том, что подобная специфическая характеристика должна учитываться в геополитическом контексте построения коммуникации государств, поскольку ее отсутствие в поле зрения субъектов, отвечающих за принятие тактических и стратегических решений, на длинной дистанции могут оказывать крайне негативный эффект, нивелируя усилия по распространению «мягкой» силы на геополитически важного соседа.

Ключевые слова: культура; взаимоотношения; влияние; творчество; интеграция

Для цитирования: Князян С.К. Культурное взаимодействие в истории взаимоотношений Армении и России: предпосылки и исторические примеры. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):141-144. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-141-144

ORIGINAL PAPER

Cultural Interaction in the History of Relations between Armenia and Russia: Preconditions and Historical Examples

S.K. Knyazyan

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7457-5374>

ABSTRACT

This article examines the history of cultural interaction between the peoples of Russia and Armenia. An attempt was made to comprehend and analyze the emergence of prerequisites for close cooperation at the level of creativity and interpersonal relationships. Various cases are considered, demonstrating the diversity, multidirectional and multi-vector cross-cultural communication of peoples, which has naturally formed over the years and remains relevant up to this day. A specially selected sample of examples was used, based on different chronological periods and capturing differentiated areas of art. In addition, we studied examples of successful personalities and cult persons who changed their ideas about the profession they were engaged in. This feature of the sample was necessary to emphasize the nativeness and familiarity of the participation of representatives of one nation in life. In particular, the opinion was voiced that such a specific characteristics should be taken into account in the geopolitical context of building the communication of states. Its absence in the field of view of the subjects responsible for making tactical and strategic decisions at a long distance can have an extremely negative effect, levelling the efforts to disseminate "Soft" power on a geopolitically important neighbour.

Keywords: culture; relationships; influence; creativity; integration

For citation: Knyazyan S.K. Cultural interaction in the history of relations between Armenia and Russia: Preconditions and historical examples. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):141-144. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-141-144

Мировой исторический опыт сформировал достаточное количество примеров, демонстрирующих неизбежность и масштабность влияния империй на народы и государственные образования, соседствующие с ними. Идентичная модель взаимоотношений естественным путем установилась между могущественным российским государством — мировой державой на протяжении сотен лет, и Арменией, не являвшейся субъектом мировой геополитики, представляющей из себя составную часть комплексного и многомерного противостояния России и Турции на Южном Кавказе. Ассимилятивное погружение армян в русскую культуру было усилено многолетним нахождением Армении в составе Российской империи и в пришедшем ей на смену Советском Союзе.

Естественный процесс взаимной интеграции был институционально закреплён, опирался на законодательную базу и социокультурное устройство общества. Дополнительным фактором, способствующим интеграции армянского народа в русское психо-семантическое пространство, служила также постоянно растущая степень освоения русского языка, его приоритетная роль во всевозможных государственных органах власти, нормативно-документарных базах и, конечно, повседневном, межнациональном общении внутри империи. Таким образом, очевидным становится обоснованность суждения о серьёзнейшем влиянии русского народа на армянский. Нам понятны предпосылки и обстоятельства его возникновения, природа и ход его развития.

Тем не менее некорректно было бы констатировать мононаправленность данного процесса, так как в реальности он являлся взаимным. Безусловно, существовала определенная специфика в приобщении населения российских государств к армянской культуре. Оно опиралось в первую очередь, конечно, на искусство [1]. Крайне внушительное представительство армянской диаспоры в кинематографе, живописи, музыке, литературе и иных высокодуховных, творческих сферах функционирования социума предопределило как повышение уровня узнаваемости этого этноса среди остальных, проживающих в той же стране, так и экспансию статусности армян, формирование их определенного образа в коллективном бессознательном, ассоциативное представление об их культурности и степени образованности [2]. Именно подобная коммуникация зачастую

катализирует взаимоинтегративную функцию народов, поскольку при общении для творческой интеллигенции первостепенным является не происхождение людей, а профессиональные качества, способности и таланты.

Абсолютно в каждой составляющей духовно-культурного богатства российского государства в различные временные периоды не составит труда отыскать этнических армян. Объяснение этого феномена крайне многогранно и гармонично сочетает в себе как обычное стечение обстоятельств, так и совокупность конкретных тенденциозных компонентов, которые могут быть выявлены и рассмотрены [3]. Так, например, не представляется возможным исключать из поля зрения историческую предрасположенность армян к искусству, их тягу к созидательной деятельности, описываемую на протяжении всего времени, в течение которого происходит письменная фиксация какой-либо информации об этом народе. Фактически со времен древнегреческой античности различные мыслители отмечали во всевозможных письменных заметках и устных сказаниях стремление армян к творчеству.

Если прибавить к данному факту многочисленность представителей армянского народа, проживающих на территориях современной России со времен, по меньшей мере, Ивана IV Грозного, выстраивается стройное и понятное объяснение столь успешного и повсеместного внедрения армян в пласты отечественной культуры [2]. Дальнейшее содержательное наполнение этой статьи представляется мне небольшим обзором кейсов, связанных с видными армянскими деятелями искусства, которые способствовали выстраиванию более крепких и устойчивых морально-ценностных связей между различными народами [4].

Крайне важно, чтобы представленный перечень примеров не был сосредоточен на одном или нескольких аспектах необъятного мира творчества, он будет охватывать самые разнообразные сферы созидательной деятельности, которые в большей степени подходят под определение культурных взаимоотношений [4].

Следует заранее оговорить обязательное наличие субъективной составляющей, исходящее из личного мнения о значимости той или иной персоналии, которая неизбежно преследует любые попытки составления подобного рода списков.

Начать бы хотелось с области творчества, традиционно считающейся одним из столпов

мира отечественной интеллигенции, «визитной карточкой» русской культуры, инструментом «мягкой» силы — балета. Приступив к изучению кросс-культурных свойств балетного искусства в контексте взаимодействия двух рассматриваемых народов, встречаешь в источниках имя Агриппины Вагановой [5]. Исполнительница многочисленных главных ролей в классических произведениях, народная артистка РСФСР, художественный руководитель Мариинского театра и автор многоступенчатой, всеобъемлющей, передовой и абсолютно инновационной алгоритмической системы развития отечественного балета, названной в честь своей создательницы, она парадигмально модернизировала направление и инструментарий эволюции отечественного балета, взяв за основу наиболее предпочтительные и эффективные иностранные наработки этой профессии, при этом сохранив существующие методики, зарекомендовавшие себя на местной сцене [6].

В качестве следующего примера налаживания коммуникативной составляющей сосуществования этносов рассмотрим персону Арно Бабаджаняна. Композиторская деятельность, удостоенная всевозможных наград в Советском Союзе, призы международных конкурсов и всенародное признание служат объективными показателями профессиональной успешности Бабаджаняна, письменно зафиксированы и не могут оспариваться. Однако предметом нашего анализа, как было сказано выше, являются не столько строчки из биографий и регалии выдающихся представителей культуры, сколько их влияние на межнациональное сознание с помощью процессов, казалось бы, изначально не направленных на подобный эффект и, более того, не обладающих необходимым ресурсом для его достижения.

Следующим в списке этнических армян, вложивших в процесс армяно-русской кросс-ассимиляционной коммуникации свой весомый вклад, я бы хотел назвать Ивана Константиновича Айвазовского, настоящее имя которого — Ованес Айвазян [7]. Один из двух наиболее известных в мире художников-маринистов, заслуженный художник-баталист, автор картин, прочно входящих в перечень великих шедевров в истории искусства живописи, всемирно прославившийся меценат и коллекционер, кавалер Ордена Почетного Легиона [3]. Время жизни и творчества Айвазовского пришлось на период существования Российской империи. Важность данной ремарки, уточняющей хронологические координаты жизни художника, обуславливается, с одной стороны, подтверждением моих слов о том, что взаимное окультуривание армян и русских — процесс, насчитывающий не одну сотню лет, а с другой — тем фактом, что окружающие обстоятельства: политический, социальный и временной контекст, неизбежно накладывают свой отпечаток на работы творческого человека [4]. И Айвазовский не стал исключением [8].

Обозначенные примеры, безусловно, изначально были лишены всякой возможности в полной мере отобразить многогранную и многовековую историю братских взаимоотношений русского и армянского народов [4]. Тем не менее я считаю, что они в определенной степени подтверждают тезис о том, что политический аспект коммуникации России и Армении не может рассматриваться без учета такого нюанса, как исторически сформировавшаяся дружба и культурная интеграция. В противном случае все выводы и аналитические прогнозы, касающиеся геополитической и экономической компонент, гарантированно будут поверхностными, а значит, и не полностью корректными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ованнисян Р.Г., ред. Армянский народ от древности до современности: династические периоды: от античности до четырнадцатого века. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/History_of_Armenia.
2. Барсамов Н.С. Иван Константинович Айвазовский Машковцев Н., ред. Симферополь: Крымиздат; 1953 (вып. дан. 1954). 259 с.
3. Малинова О.Ю. Исследования политической культуры. Учебное пособие. М.: МИЭТ; 2002.
4. Подвойская Н.Л. Комплексный характер взаимовлияния политической культуры и политического менталитета. Социально-психологические вызовы современного общества, Проблемы. Перспективы. Пути решения: материалы II Международной заочной научно-практической конференции. Брянск: Курсив; 2013.
5. Подвойская Н.Л. Политический менталитет. Элитология: Энциклопедический словарь. М.: Экон-информ; 2013.

6. Полежаев Д.В. Национальное сознание и ментальность личности. Этнонациональные ценности в условиях глобализации. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Махачкала, 25–26 сентября 2008 г.). Махачкала; 2008.
7. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973.
8. Аршакян С. Г. Грани творчества Арно Бабаджаняна. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grani-tvorchestva-arno-babadzhanyana>.

REFERENCES

1. Hovhannisyán R. G., ed. The Armenian people from antiquity to the present: dynastic periods: from antiquity to the fourteenth century. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/History_of_Armenia.
2. Barsamov N. S. Ivan Konstantinovich Aivazovsky. Mashkovtseva N., ed. Simferopol: Krymizdat; 1953 (publication of 1954). 259 p.
3. Malinova O. Yu. Studies of political culture. Tutorial. Moscow: MIET; 2002.
4. Podvoiskaya N.L. The complex nature of the mutual influence of political culture and political mentality. Socio-psychological challenges of modern society, Problems. Perspectives. Solutions: Materials of the II International Correspondence Scientific and Practical Conference. Bryansk: Kursiv; 2013.
5. Podvoiskaya N.L. Political mentality. Elitology: An Encyclopedic Dictionary. Moscow: Econ-inform; 2013.
6. Polezhaev D. V. National consciousness and personality mentality. Ethno-national values in the context of globalization. Materials of the All-Russian scientific-theoretical conference (Makhachkala, September 25–26, 2008). Makhachkala; 2008.
7. Rokeach, M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973.
8. Arshakyan S. G. The facets of Arno Babajanyan's creativity. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grani-tvorchestva-arno-babadzhanyana>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Каренович Князян — студент 4-го курса бакалавриата Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
sknyazyan99@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sergey K. Knyazyan — 4th-year bachelor student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
sknyazyan99@gmail.com

Статья поступила 20.03.2021; принята к публикации 15.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.03.2021; accepted for publication on 15.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.